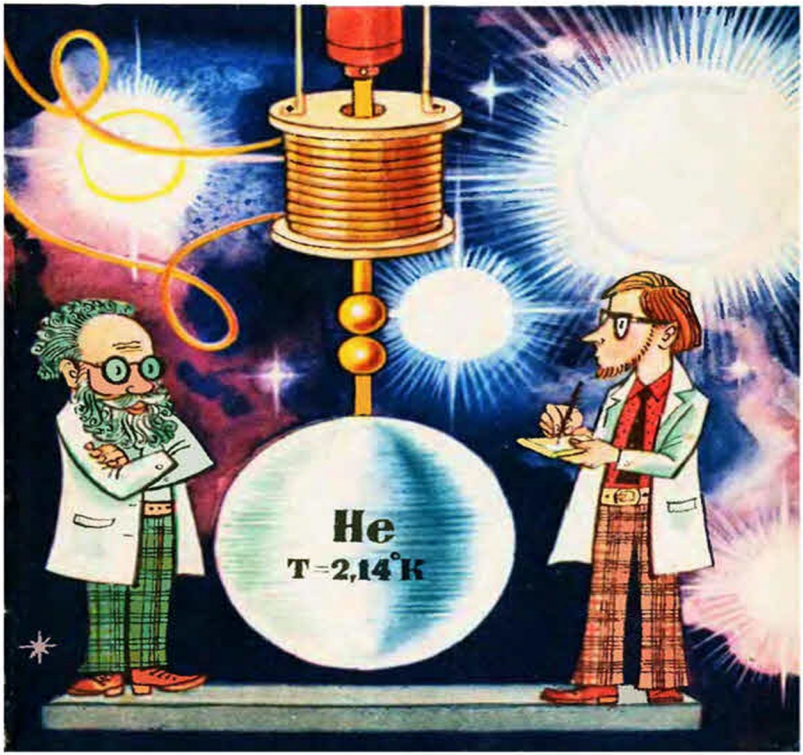
Зарубежная фантастика на страницах журнала

1926 НФ 1989



Зарубежная фантастика из журнала «ЮНЫЙ ТЕХНИК» 1976-1989

Роберт Ф. Янг, Мюррей Лейнстер, Айзек Азимов, Клиффорд Д. Саймак, Роберт Шекли, Стивен Кинг, Роберт Сильверберг, Ли Брекетт, Гэри Алан Рьюз, Леонард Ташнет, Зенна Хендерсон, Роберт Артур, Боб Шоу, Чарлз Фрич, Эдмунд Купер, Филипп К. Дик, Алан Аркин, Ганс-Петер Шульце

Аннотация
Зарубежная фантастика. из журнала. «ЮНЫЙ ТЕХНИК». 1976–1989
У НАЧАЛА ВРЕМЕН
НА ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ
КОВАРНАЯ КАЛЛИСТО
ШТУКОВИНА
ПРИЗРАК-5
НЕОБХОДИМАЯ ВЕЩЬ
СРАЖЕНИЕ
«ЧЕСТНЫЙ КОНТРАКТ»
ЗВЕРОЛОВЫ

ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ
ДВОЙНАЯ РАБОТА
ЛАКСИАНСКИЙ КЛЮЧ
АБСОЛЮТНО НЕВОЗМОЖНО
ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР
АВТОМОБИЛЬНАЯ ЧУМА
РЕБЕНОК, КОТОРЫЙ ВЕРИЛ
МАРКИ СТРАНЫ ЭЛЬ ДОРАДО
ПОВТОРНЫЙ ПОКАЗ
МАСКАРАД
ВУНДЕРКИНД
О НЕУТОМИМОЙ ЛЯГУШКЕ
КУЛИНАРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОФЕССОРА МАРЛИЗ
- Несси и К°
- Чистая вода
- Ущелье драконов

ЖЕЛЕЗНЫЙ КАНЦЛЕР
РОБОТ РЕКС

Аннотация

«Юный техник» научно-популярный журнал для юношества, отметивший в 2006 году свое пятидесятилетие, знаком читателям многих поколений. Был основан в Москве в 1956 году как иллюстрированный научно-технический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина для пионеров и школьников.

«ЮТ» традиционно предлагает читателям множество интересных тем.

И разумеется то, ради чего большинство из нас ожидало ЮТ с особым нетерпением — Фантастика!

Причем в подавляющем большинстве именно так — с большой буквы.

[Адаптировано для AlReader]

PDF — by formally

FB2 книгу сделал mefysto

Зарубежная фантастика
из журнала

«ЮНЫЙ ТЕХНИК»
1976–1989

*

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1976-1989

У НАЧАЛА ВРЕМЕН

© *Robert F. Young*, When Time Was New, 1964

Роберт Ф. Янг
Фантастическая повесть
Печатается в сокращении
Перевод с английского Алексея Иорданского
Рис. В. Овчининского

«Юный техник» 1977'01–04

Карпентер не удивился, увидев стегозавра, стоящего под высоким гинкго. Но он не поверил своим глазам, обнаружив, что на дереве сидят двое детей. Он знал, что со стегозавром рано или поздно повстречается; но встретить мальчишку и девчонку он никак не ожидал. Ну скажите на милость: откуда они могли взяться в верхнемеловом периоде!

Сидя в водительском кресле своего трицератанка, он размышлял — может быть, они как-то связаны с той странной ископаемой находкой из другого времени, ради которой он был послан в век динозавров? Правда, мисс Сэндз, его главная помощница, которая устанавливала по врем ясной у время и место его путешествия, ни слова не сказала ему про ребят. Но это ничего не значило. Врем яс копы показывают только самые общие очертания местности — с их помощью можно

увидеть средней величины холм, но подробностей помельче не разглядишь.

Стегозавр слегка толкнул ствол гинкго. Дерево судорожно дернулось, дети, сидевшие на ветке, чуть не свалились на зубчатый гребень, проходивший по спине чудовища. Лица ребят были такие же белые, как цепочка утесов, которые виднелись вдали.

Карпентер устроился поудобнее в кресле.

— Вперед, Сэм, — сказал он, обращаясь к трицератанку. — Давай-ка ему покажем!

Покинув несколько часов назад точку входа, он до сих пор двигался не спеша, на первой передаче, чтобы не проглядеть какие-нибудь признаки, которые могли бы указать на местонахождение загадочной находки. Но теперь Карпентер включил вторую передачу и навел все три рогопушки, торчавшие из лобовой части Сэма, точно крестцовый нервный центр нахального стегозавра. «Бах! Бах! Бах!» — прозвучали разрывы парализующих зарядов. Задние ноги стегозавра подогнулись, и он стал медленно оседать на землю.

Остановив Сэма в десяти метрах от гинкго, он посмотрел на перепуганных детей сквозь полупрозрачный лобовой колпак кабины. Их лица стали пожалуй, еще белее, чем раньше.

Ничего удивительного — его Сэм был очень похож на настоящего трицератопса. Карпентер откинул колпак и поморщился — в лицо ударил влажный летний зной, непривычный после кондиционированной прохлады кабины. Он встал и высунулся наружу.

— Эй вы, слезайте! — крикнул он. — Никто вас не съест.

На него уставились две пары самых широко открытых, самых голубых глаз, какие он видел в жизни. Но в этих глазах не было заметно ни малейшего проблеска понимания.

— Слезайте, говорю! — повторил он. — Бояться нечего.

Мальчик повернулся к девочке, и они быстро заговорили между собой на каком-то певучем языке. Ясно было, что они нм слова не поняли из того, что сказал Карпентер. Но очевидно было и то, что они немного успокоились, увидев его открытое, честное лицо и услышав его добродушный голос. Переговорив между собой, они решились покинуть убежище — мальчик полез первым и в трудных местах помогал девочке. Ему можно было дать лет девять, а ей — лет одиннадцать.

Карпентер вылез из кабины, спрыгнул со сталь-

ной морды Сэма и подошел к детям, стоявшим у дерева. К этому времени стегозавр уже обрел способность управлять своими задними конечностями и во всю прыть удирал прочь по равнине. Мальчик был одет в широкую блузку абрикосового цвете, сильно запачканную и помятую после лазания по дереву; его широкие брюки доходили до середины худых икр, а на ногах были открытые сандалии. Одежда девочки была точно такая же, только лазурного цвета и не столь измятая и грязная. Девочка была чуть выше мальчика, но такая же худая. У обоих были тонкие черты лица и волосы лютикового цвета Можно было не сомневаться, что это брат и сестра.

Серьезно глядя в серые глаза Карпентера, девочка произнесла несколько певучих фраз — судя по особенностям произношения, все они были сказаны на разных языках. Когда она умолкла, Карпентер покачал головой:

— Не понимаю, крошка.

Вдруг у девочки загорелись глаза, она сунула руку в пластиковую сумочку, висевшую на поясе, и достала что-то вроде сережек. Одну пару она протянула Карпентеру, другую — мальчику, а третью оставила себе. Ребята ловко закрепили сережки на мочках ушей, знаками показав

Карпентеру, чтобы он сделал то же самое. Ом повиновался и обнаружил, что маленькие Диски, которые он принял было за подвески, на самом деле крохотные мембраны. Девочка критически оглядела результаты его стараний, приподнялась на цыпочки и ловко поправила диски, а потом, удовлетворенная, отступила назад.

— Теперь, — сказала она на чистейшем английском языке, — мы будем понимать друг друга и сможем во всем разобраться.

Карпентер удивленно уставился на нее.

— Ну и ну! Быстро же вы научились говорить по-нашему!

— Да нет, не научились, — ответил мальчик. — Это сережки-говорешки — ну, микротрансляторы. Когда их наденешь, то все, что мы говорим, вы слышите так, как вы бы сами это сказали. А все, что вы говорите, мы слышим так, как это сказали бы мы.

— Я совсем забыла, что они у меня в сумочке, — сказала девочка. — Их всегда берут с собой в путешествие. Мы тут, правда, не совсем в обычном путешествии, и сережек у меня не было бы, но получилось так, что, когда меня похитили, я как раз шла с урока общения с иностранцами. Так вот, — продолжала она, снова серьезно взглянув

в глаза Карпентеру. — я думаю, что, если вы не возражаете, лучше всего сначала покончить с необходимыми формальностями. Меня зовут Марси, это мой брат Скип, и мы с Большого Марса. А теперь, будьте любезны, скажите, как вас зовут и откуда вы?

Нелегко было Карпентеру, отвечая, не выдать своего волнения. Но приходилось сохранять спокойствие: ведь то, что он собирался сказать, было, пожалуй, еще невероятнее только что услышанного.

— Меня зовут Говард Карпентер. Я с Земли, из 2156 года. Это 79 062 156 лет спустя.

Он показал на трицератанк.

— А это Сэм, моя машина времени. Если его подключить к внешнему источнику литания, то его возможностям практически не будет предела.

Девочка ещё внимательнее посмотрела на нового знакомого.

— Ну что ж, — сказала она. помедлив. — Значит, мы выяснили, что вы из будущего Земли, а мы — из настоящего Марса.

Она умолкла, с любопытством глядя на Карпентера.

— Вы чего-то не понимаете, мистер Карпентер!

— В общем, да. Во-первых, есть такой пустяк

— разница в силе тяжести на наших планетах. Здесь, на Земле, вы весите а два с лишним раза больше, чем на Марсе. И мне не совсем понятно, как вы можете так свободно двигаться, а тем более лазить вон по тому дереву.

— А, понимаю, мистер Карпентер, — ответила Марси. — Это вполне справедливое замечание. Но вы, очевидно, судите по Марсу будущего. А ведь он сильно отличается от Марса настоящего. Я думаю., я думаю, за 79 062 156 лет многое может измениться. Ну ладно. В общем, мистер Карпентер, у нас на Марсе сейчас примерно такая же сила тяжести, как сию минуту на этой планете. Видите ли, много веков назад наши инженеры искусственно увеличили существовавшую тогда силу тяжести, чтобы марсианская атмосфера не рассеивалась в межпланетном пространстве. И последующие поколения приспособились к увеличенной силе тяжести. Это рассеяло ваше недоумение, мистер Карпентер!

Он утвердительно кивнул.

— Но прежде чем мы продолжим разговор, мистер Карпентер, я хотела бы поблагодарить вас за наше спасение. Это… это было очень благородно с вашей стороны.

— Пожалуйста, — ответил Карпентер. — Но

боюсь, что, если мы и дальше будем здесь стоять, мне придется опять спасать вас от кого-нибудь, да и себя заодно. Давайте залезем к Сэму в кабину — там безопасно. Договорились?

Он подошел к трицератанку, вспрыгнул на его морду, протянул руку девочке и помог ей подняться в кабину водителя.

— Позади сиденья есть небольшая дверца, — сказал он. — За ней — каюта; лезь туда и устраивайся как дома. Там есть стол, стулья и койка и еще — шкаф со всякими вкусными вещами. В общем, все удобства.

Но не успела Марси подойти к дверце, как откуда-то сверху раздался странный свист. Она взглянула на небо, и лицо ее покрылось мертвенной бледностью.

— Это они| — прошептала девочка. — Они уже нас нашли!

И тут Карпентер увидел темные крылатые силуэты птеранодонов. Их было два, и они пикировали на трицератанк, как звено доисторических бомбардировщиков. Схватив Скипа за руку, он втащил его на морду Сэма, толкнул в кабину и приказал:

— Быстро в каюту!

Он ловко прыгнул в водительское кресло и

захлопнул колпак.

И как раз вовремя: первый птеранодон был уже так близко, что его правый элерон царапнул по гофрированному головному гребню Сэма, а второй своим фюзеляжем задел спину ящерохода. Две пары выхлопных труб оставили за собой четыре струи голубоватого дыма.

Карпентер готов был закричать от удивления. Элероны? Фюзеляж? выхлопные трубы?

Что за странные птеранодоны?

Он включил защитное поле и выдвинул его на полметра наружу от брони, потом включил первую передачу. Птеранодоны кружились высоко е небе.

— Марси, — позвал он, — подойди сюда на минутку, пожалуйста.

— Да, мистер Карпентер?

— Когда ты увидела птеранодонов, ты сказала: «Они уже нас нашли!» Что ты имела в виду?

— Это не птеранодоны, мистер Карпентер. Я, правда, не знаю, что такое птеранодоны, но это не они. Это те. «то нас похитил, на списанных военных самолетах. Может быть, эти самолеты и похожи на птеранодонов— я не знаю. Они похитили нас со Скипом из подготовительной школы Технологического Канонизационного Института

Большого Марса и держат в ожидании выкупа. Земля — их убежище. Их трое: Роул, Фритад и Холмер. Один из них, наверное, остался в корабле.

Карпентер промолчал. В его время, в 2156 году, Марс представлял собой унылую, пустынную планету, где не было почти ничего, кроме развалин, песка я ветра. Его население состояло из нескольких тысяч упрямых колонистов с Земли, не отступавших ни перед какими невзгодами, и нескольких сотен столь же упрямых марсиан. Первые жили в атмосферных куполах, вторые — в глубоких пещерах, где еще можно было добыть кислород. Однако раскопки, которые в XXII века вело здесь Внеземное археологическое общество, принесли несомненные доказательства того, что более 70 миллионов лет назад на планете существовала супертехнологическая цивилизация. И конечно, было естественно предположить, что такой цивилизации были доступны межпланетные полеты.

А раз так, то Земля, где в то время истекало время мезозойской эры, должна была стать идеальным убежищам для марсианских преступников, в том числе и для похитителей детей. Такое объяснение, разумеется, могло пролить свет и на те анахронизмы, которые то и дело

попадались в слоях мелового времени. Правда, присутствие Марси и Скипа а веке динозавров можно было объяснить и иначе: они могли быть детьми с Земли 2156 года и попасть сюда с помощью машины времени — так же, как попал сюда он. Или, если уж на то пошло, их могли похитить и перебросить в прошлое бандиты XXII века. Но тогда зачем ребятам было врать?

— Скажи мне, Марси, — начал Карпентер, — ты веришь, что я пришел из будущего?

— О, конечно, мистер Карпентер. И Скип тоже. В это немного… немного трудно поверить, но я знаю, что такой симпатичный человек, как вы, не стонет говорить такую неправду.

— Спасибо, — отозвался Карпентер. — А я верю, что вы С Большого Марса. Расскажи мне о вашей цивилизации.

— Это замечательная цивилизация, мистер Карпентер. Мы с каждым годом добиваемся все больших успехов. А теперь, когда мы преодолели фактор нестабильности, прогресс еще ускорится.

— Фактор нестабильности?

— Да, человеческие эмоции. Они много веков мешали нам, но теперь этому конец. Теперь, как только мальчику исполняется тринадцать лет, а девочке пятнадцать, их десентиментализиру-

ют. И после этого они приобретают способность хладнокровно принимать разумные решения, сообразуясь исключительно со строгой логикой. Это позволяет им действовать с наибольшей эффективностью. В подготовительной школе Института мы со Скипом проходим так называемый преддесентиментализационный период. Еще четыре года, и нам начнут давать специальный препарат для десентиментализации. А потом…

— Скрррриииии!..

Со страшным скрежетом один из птеранодонов прочертил по поверхности защитного поля. Его бросило в сторону, и, прежде чем он вновь обрел равновесие и взвился в небо, Карпентер увидел в кабине человека. Он успел разглядеть лишь неподвижное, ничего не выражавшее лицо, но по расположению пилота догадался, что тот управляет самолетом, лежа лицом вниз между четырехметровыми крыльями.

Марси вся дрожала.

— Мне кажется… мне кажется, они решили нас убить, мистер Карпентер, — сказала она. — Они грозились это сделать, если мы попытаемся сбежать. Они уже записали на пленку наши голоса с просьбой о выкупе и, наверное, сообразили, что мы им больше не нужны.

Карпентер погладил руку девочки, лежавшую на его плече.

— Ничего, крошка. Ты под защитой старика Сэма, так что бояться нечего.

— А он… его правда так зовут?

— Точно. Достопочтенный Сэм Трицератопс. Познакомься, Сэм, это Марси. Присматривай хорошенько за ней и ее братом, слышишь!

Карпентер обернулся и поглядел в широко раскрытые голубые глаза девочки.

— Говорит, что будет присматривать. Готов спорить, что на Марсе ничего подобного на изобрели. Верно?

Она покачала головой, и ему на мгновение показалось, что на ее губах вот-вот появится робкая улыбка. Но ничего не произошло.

— Действительно, у нас такого нет, мистер Карпентер.

Он поносился сквозь колпак на кружащихся птеранодонов. (Он все еще про себя называл их птеранодонами, хотя теперь уже знал, что это такое.)

— А где их межпланетный корабль, Марси? Где-нибудь поблизости?

Она ткнула пальцем влево:

— Вон там. Перейти через реку, а потом через

болото. Мы со Скипом сбежали сегодня утром, когда Фритад заснул — он дежурил у люка. Они ужасные сони, всегда спят, когда приходит их очередь дежурить. Рано или поздно Космическая полиция Большого Марса разыщет корабль. Мы думали, что сможем пока прятаться. Мы пробрались через болото и переплыли реку на бревне. Это было ужасно — там такие большие змеи с ногами, они за нами гнались, и…

Он почувствовал плечом, что она снова вся дрожит.

— Вот что, слушай, крошка, — сказал Карпентер. — Лезь-ка назад в каюту и приготовь что-нибудь поесть себе и Скипу. Не знаю, чем вы привыкли питаться, но вряд ли это сильно отличается от того, что есть у нас в запасе. В шкафу ты увидишь квадратные запаянные банки — в них бутерброды. Наверху, в холодильнике, высокие бутылки, на них нарисован круг из маленьких звездочек — там лимонад. Открывай и то и другое и принимайся за дело. Кстати, раз уж ты этим займешься, сделай что-нибудь и мне — я тоже проголодался.

— Хорошо, мистер Карпентер. Оставшись один в кабине, Карпентер оглядел расстилавшийся вокруг мезозойский пейзаж. Слева, на горизонте

возвышалась гряда молодых гор. Справа, вдали, тянулась цепочка утесов.

В хвостовом смотровом стекле были видны разбросанные по равнине рощицы ив, веерных пальм и карликовых магнолий. За ними начинались лесистые холмы — где-то там находилась его точка входа. Далеко впереди с чисто мезозойским спокойствием курились вулканы.

79 061 889 лет спустя это место станет частью штата Монтана. А 79 062156 лет спустя палеонтологическая экспедиция, которая будет вести раскопки где-то в этих местах, к тому времени изменившихся до неузнаваемости, наткнется на ископаемые останки современного человека, умершего за 79 062 156 лет до того.

Может быть, это будут его собственные останки?

Карпентер усмехнулся и взглянул на небо, где все еще кружили оба птеранодона. Посмотрим — может, это будут останки марсианина.

— Поехали, Сэм, — сказал он. — Давай-ка поищем здесь укромное местечко, где можно отсидеться до утра. А к тому времени я, может быть, придумаю, что делать дальше. Вот уж никак не думал, что нам с тобой когда-нибудь придется заниматься спасением детишек!

Сэм басовито заурчал и двинулся в сторону лесистых холмов.

.....01/02

Когда отправляешься в прошлое, чтобы расследовать какой-нибудь анахронизм, всегда рискуешь сам оказаться автором этого анахронизма. Взять хотя бы классический пример с профессором Арчибальдом Куигли. Правда это или нет — никто толком не знал, но так или иначе, эта история как нельзя лучше демонстрировала парадоксальность путешествия во времени.

История гласила, что профессора Куигли, ве-

ликого почитателя Колриджа, много лет мучило любопытство: кто был тот таинственный гость, который в 1797 году появился на ферме Недер Стоун и помешал Колриджу записать до конца стихотворение, которое он только что сочинил во сне? Гость просидел целый час, и потом Колридж так и не смог припомнить, что было дальше. В результате «Кублай-хан» так и остался незаконченным.

Со временем любопытство, мучившее профессора Куигли, стало непреодолимым, он уже больше не мог оставаться в неведении и обратился в Бюро путешествий во времени с просьбой разрешить ему отправиться в то время и в то место, чтобы все выяснить. Просьба была удовлетворена, и он без колебаний выложил половину своих сбережений *в* уплату за путешествие. Очутившись поблизости от фермы, он притаился в кустах и начал наблюдать за дверью. Никто не шел; наконец, сгорая от нетерпения, он подошел к двери и постучался. Дверь открыл сам Колридж и пригласил профессора войти, но брошенного им злобного взгляда профессор так и не смог забыть до конца своих дней.

Припомнив историю профессора Куигли, Карпентер усмехнулся. Впрочем, особенно смеяться

по этому поводу не приходилось: то же самое, что произошло с отправился выяснять по поручению Североамериканского палеонтологического общества, окажутся его собственными.

Но он отогнал эту мысль. Во-первых, как только ему придется туго, нужно будет всего лишь связаться с двумя его помощниками — мисс Сэндз и мистером Детрайтесом, и они тут же явятся к нему на помощь на тераподе Эдит или на каком-нибудь другом ящероходе из арсенала САПО. А во-вторых, ему уже известно, что в меловом периоде орудуют пришельцы. Значит, он не единственный, кому грозит опасность превратиться в эти останки…

Скип выбрался из каюты и перегнулся через спинку водительского сиденья.

— Марси просила передать вам бутерброд и бутылку лимонада, мистер Карпентер, — сказал он, протягивая и то и другое. — Можно мне посидеть с вами?

— Конечно, — ответил Карпентер и подвинулся.

Мальчик перелез через спинку и соскользнул на сиденье. И тут же сзади просунулась еще одна голова лютикового цвета.

— Простите, пожалуйста, мистер Карпентер, а

нельзя ли…

— Подвинься, Скип, посадим ее в середину.

Голова Сэма была шириной в добрых полтора метра, и кабина водителя достаточно просторна. Но ширина самого сиденья была меньше метра, и двум подросткам уместиться на нем рядом с Карпентером было непросто, особенно если учесть, что все трое в этот момент уплетали бутерброды, запивая их лимонадом. Карпентер чувствовал себя снисходительным отцом, отправившимся со своим семейством в зоопарк.

И в какой зоопарк! Они уже углубились в лес, и вокруг поднимались дубы и лавры мелового периода; среди них в изобилии попадались ивы, сосны и гинкго, а время от времени нелепые на вид заросли веерных пальм. В густых кустах они заметили огромное неуклюжее существо, похожее спереди на лошадь, а сзади на кенгуру. Карпентер определил, что это анатозавр. На поляне они повстречали и перепугали до полусмерти струтиомимуса, чем-то напоминавшего страуса. Анкилозавр с утыканной шипами спиной сердито уставился на них из камышей, но благоразумно решил не становиться Сэму поперек дороги. Взглянув вверх, Карпентер впервые увидел на вершине дерева археоптерикса. А под-

няв глаза еще выше, он заметил кружащихся в небе птеранодонов.

Он надеялся, что под покровом леса сможет от них скрыться, и специально для этого вел Сэма зигзагами. Однако у них, очевидно, были детекторы массы — нужно было придумать что-нибудь похитрее.

Он повернулся к детям и увидел, что они потеряли всякий интерес к бутербродам и с опаской поглядывают вверх. Перехватив их взгляды, он подмигнул.

— Мне кажется, самое время от них улизнуть, как вы полагаете?

— Но как, мистер Карпентер? — спросил Скип. — Они запеленговали нас своими детекторами. Нам еще повезло, что это простые марсиане. У них есть распылители, но нет самого главного оружия — радугометов. Тогда бы всем крышка.

— Отделаться от них ничего не стоит — мы можем просто перескочить немного назад во времени. Так что кончайте со своими бутербродами, не бойтесь.

Опасения детей рассеялись, и они оживились.

— Давайте перескочим назад на шесть дней, — предложила Марси. — Тогда они нас ни за что не найдут, потому что в это время нас здесь еще

не было.

— Ничего не выйдет, крошка. Собственной мощности Сэма хватит только на то, чтобы перескочить на четыре дня туда и обратно, да и от этого у него двигатель сгорит. А уж тогда никакая стационарная машина времени его не вытащит. Я думаю, нам лучше ограничиться одним часом.

Чем короче временная дистанция, с которой имеешь дело, тем больше приходится производить расчетов. С помощью управляющего перстня на своем указательном пальце Карпентер отдал приказ Сэму продолжать движение зигзагами и взялся за блокнот и карандаш. Через некоторое время он начал задавать головоломки компактному вычислителю, встроенному в панель управления. Марси, нагнувшись вперед, внимательно следила за его работой.

— Если это ускорит дело, мистер Карпентер, — сказала она, — кое-какие действия попроще, вроде тех, что вы записываете, я могу делать в уме. Вот, например, 828 464 280 умножить на 4 692 438 921 будет 3 887 518 032130 241 880.

— Очень может быть, крошка, но я на всякий случай проверю, ладно?

Он ввел цифры в вычислитель и нажал кнопку умножения. В окошечке загорелись цифры:

3 887 518 032 130 241 880. Он чуть не выронил карандаш.

— Она же у нас гений по части математики, — пояснил Скип. — А я по части техники. Поэтому нас и похитили. Правительство не пожалеет денег, чтобы нас выкупить.

— Правительство? Я думал, что похитители требуют денег с родителей…

— Наши родители больше не несут за нас никакой ответственности, — объяснила Марси. — После шести лет все дети переходят в собственность государства. Видите ли, сейчас все марсианские родители десентиментализированы и ничуть не возражают против того, чтобы избавиться от… ну, в общем, отдать своих детей государству.

Карпентер некоторое время смотрел на два серьезных детских лица.

— Ага, вот оно что, — протянул он. — Ясно.

С помощью Марси он закончил расчеты и ввел окончательные цифры в передний нервный центр Сэма.

— Ну, поехали, ребятишки! — сказал он и включил рубильник временного скачка. На какое-то мгновение у них перед глазами что-то замерцало, и ящероход чуть-чуть тряхнуло. Впрочем, он даже не замедлил своего неторопливого движения

— так гладко прошел скачок.

Карпентер перевел часы с 16.16 на 15.16.

— Ну-ка, ребята, взгляните наверх, есть там птеранодоны?

Они долго всматривались в небо сквозь листву.

— Ни одного, мистер Карпентер, — отозвалась Марси. Глаза ее горели восхищением. — Ни единого!

Он отключил автоматику, перевел Сэма на ручное управление и повернул под прямым углом к прежнему курсу. Через некоторое время они выбрались из леса.

— Ну а что вы скажете насчет ночевки на открытом воздухе? — спросил он.

Глаза у Скипа стали совсем круглые.

— На открытом воздухе, мистер Карпентер?

— Конечно. Разведем костер, приготовим еду, расстелим на земле одеяла — совсем на индейский манер. Может быть, мы даже отыщем пещеру. Как, годится?

— А что такое на — «индейский манер», мистер Карпентер? — спросила Марси.

Он рассказал им про индейцев арапахо, чейенов, кроу, апачей и про буйволов, и про безбрежные прерии, и все время, пока говорил, они не

сводили с него глаз.

Никогда еще он так много не говорил. Ему самому это показалось странным. На него нашло что-то такое, от чего он вдруг почувствовал себя веселым и беззаботным, все ему стало нипочем, и осталось только одно: вот этот день в меловом периоде, затянувшая все послеполуденная дымка и двое детей с круглыми от удивления глазами, сидящие рядом с ним…

У подножия скал они нашли никем не занятую пещеру, где могли с удобствами устроиться все, включая Сэма, и оставалось еще место для костра. Карпентер загнал ящерохад в пещеру и поставил его к задней стенке. Потом выдвинул защитный экран, охватив им всю пещеру, нависавший над входом обрыв и полукруглую площадку у его подножия. Тщательно осмотрев получившийся дворик и убедившись, что здесь нет никаких рептилий, если не считать нескольких мелких и неопасных ящериц, он послал детей за хворостом. А сам тем временем наладил у входа в пещеру полупрозрачное поле, которое скрывало от взгляда все, что происходит за ним.

Теперь дети уже утратили свою прежнюю сдержанность, во всяком случае, Скип.

— Можно, я разведу костер? — вопил он, прыгая

на месте. — Можно, мистер Карпентер? Можно?

— Скип! — укоризненно сказала Марси.

— Ничего, крошка, — успокоил ее Карпентер, — это можно. И ты тоже можешь помочь, если хочешь.

Маленький огонек вскоре разросся в большое пламя, окрасив стены пещеры сначала в багровый, а потом в ярко-красный цвет.

Карпентер откупорил три банки сосисок и три пакета булочек и показал своим подопечным, как нанизывают сосиски на заостренный прутик и жарят их на костре. Потом он продемонстрировал, как нужно класть поджаренную сосиску на булочку и приправлять ее горчицей, маринадом и нарезанным луком. Можно было подумать, что он настежь распахнул перед этими детьми волшебное окно в страну чудес, которая раньше им и не снилась. Последние остатки их былой серьезности бесследно улетучились, и за следующие полчаса они соорудили и истребили по шесть бутербродов на брата. Скип тек разбушевался, что чуть не свалился в костер, а на губах Марси показалась наконец та самая улыбка, которая пробивалась весь день, и такой ослепительной оказалась она, что пламя костра по сравнению с ней совсем поблекло.

Когда с ужином было покончено, Карпентер сходил наружу и принес три большие охапки лавровых и кизиловых веток. Он показал детям, как разостлать их на полу пещеры и как покрыть их одеялами, которые он достал из хвостового отсека Сэма. Скипу никаких дальнейших приглашений не потребовалось: уставший от бурной деятельности и наевшийся до отвала, он свалился на свое одеяло, едва успев его расстелить. Карпентер достал еще три одеяла, накрыл его одним и повернулся к Марси:

— А ты, крошка, тоже выглядишь усталой.

— Нет, ничуть, мистер Карпентер. Ни капельки. Я же на два года старше Скипа. Он еще маленький.

Оставшиеся два одеяла он свернул в некое подобие подушек и пристроил у огня. На одно уселся сам, на другое села Марси.

Весь вечер из-за защитного экрана то и дело доносились рев, рык и ворчание; но теперь вместо этого послышались жуткие звуки, которые напоминали грохот гигантской асфальтодробилки. Пол пещеры дрогнул, и на стенах отчаянно заплясали отсветы костра.

— Похоже, что это тиранозавр, — сказал Карпентер. — Не бойся, крошка. Здесь опасаться нечего — через наше защитное поле не пробьется даже целая армия ящеров.

— А почему вы зовете меня крошкой, мистер

Карпентер? У нас так называется сухой и жесткий маленький кусочек хлеба.

Он рассмеялся. Звуки, доносившиеся из-за защитного поля, стали слабее и утихли вдали — видимо, ящер направился в другую сторону.

— На Земле это тоже называется крошкой, но ничего обидного тут нет. Дело не в этом. Крошкой у нас называют еще девушек, которые нам нравятся.

Наступило молчание. Потом Марси спросила:

— А у вас есть настоящая девушка, мистер Карпентер?

— Да в общем-то нет. Я бы так сказал: есть одна, но я ее, образно выражаясь, боготворю издали.

— Непохоже, чтобы вам от этого было много радости. А кто она такая?

— Моя главная помощница в Североамериканском палеонтологическом обществе, где я работаю, — мисс Сэндз. Ее зовут Элейн, но я никогда по имени ее не называю. Она следит за тем, чтобы я ничего не забыл, когда отправляюсь в прошлое, и устанавливает перед стартом время и место по времяскопу. А потом она и еще один мой помощник, Питер Детрайтес, дежурят, готовые прийти ко мне на помощь, если я перешлю им банку консервированной зайчатины. Понима-

ешь, это сигнал бедствия. Банка как раз такого размера, что ее может перебросить во времени палеонтоход. А заяц в нашем языке ассоциируется со страхом.

— А почему вы боготворите ее издали, мистер Карпентер?

— Видишь ли, — задумчиво ответил Карпентер, — мисс Сэндз холодна, равнодушна, как богиня, понимаешь? Впрочем, вряд ли ты можешь это понять. В общем, такую богиню можно боготворить только издали и смиренно ждать, когда ей вздумается над тобой смилостивиться. Я… я ее до того боготворю, что при ней совсем робею и теряю дар речи. Может быть, потом, когда я с ней поближе познакомлюсь, дело пойдет иначе. Пока что я знаком с ней три месяца.

Он умолк. Сережки-говорешки в ушах Марси блеснули в свете костра — она повернула голову и ласково взглянула на него.

— В чем дело, мистер Карпентер? Язык проглотили?

— Я просто задумался. Если на то пошло, три месяца — это не так уж мало. За это время вполне можно понять, полюбит когда-нибудь тебя девушка или нет. Мисс Сэндз меня никогда не полюбит — теперь я точно знаю. Она даже не взглянет на

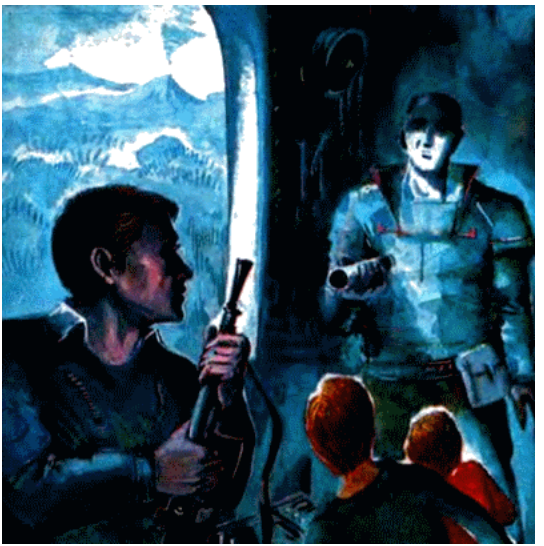
меня лишний раз без особой надобности, двух слов со мной не скажет, разве что позарез необходимые. Так что, если *я* даже решу, что хватит боготворить ее издали, соберусь с духом и скажу ей, что я ее люблю, она, вероятно, только рассердится и прогонит меня с глаз долой.

Он встал.

— Ну ладно, мадемуазель, не знаю, как вы, а я устал. Кончим на этом.

— Если хотите, мистер Карпентер.

Она уже спала, когда он нагнулся, чтобы укрыть ее одеялом. Некоторое время стоял, глядя на нее. Она повернулась на бок, и отсвет костра упал на коротко подстриженные лютиковые волосы у нее на шее, окрасив их в красно-золотой цвет. Ему вспомнились весенние луга, усеянные лютиками, и теплое чистое солнце, возвещающее о том, что наступило росистое утро…



На следующее утро Карпентер, не теряя времени даром, собрался в путь. Марси и Скип были готовы на все, лишь бы остаться пожить а пещере, но он объяснил, что, если будут сидеть на месте, похитители их два счета обнаружат, и поэтому лучше нигде надолго не останавливаться.

Никакого определенного плана действий пока

еще не было. Размышляя, что делать дальше, он предоставил трицератанку самостоятельно выбирать дорогу по равнине — сверхчувствительной навигационной аппаратура ящерохода это было нипочем.

В общем-то у Карпентера было только две возможности. Во-первых, он мог и дальше опекать детей, прятаться вместе с ними от похитителей, пока не подоспеет подмога в лице Космической полиции Большого Марса. Во-вторых, он мог вернуться в точку входа и дать сигнал мисс Сэндз и Питеру Детрайтесу, чтобы те перебросили трицератанк в настоящее время. Второй путь был несравненно безопаснее. Он так бы и поступил без всяких колебаний, если бы не два обстоятельства. Первое: хотя Марси и Скип, несомненно, могут приспособиться к цивилизации, столь похожей на их собственную, вряд ли они будут чувствовать себя в новых условиях как дома. И второе: рано или поздно они осознают ужасную истину, что их собственная цивилизация, оставшаяся на 79 062 156 лет в прошлом, уже давным-давно бесследно исчезла, и из технологических мечтаний, которые они привыкли чтить как святыню, ровно ничего не вышло…

Был, правда, еще и третий путь — взять их с

собой в настоящее время на Землю, переждать, пока похитители не прекратят поиски и не улетят или же пока не появится Космическая полиция, а потом вернуть детей в прошлое Земли. Но для этого понадобилось бы совершить не один рейс в меловой период и обратно, а такие рейсы стоят сумасшедших денег.

Погруженный в размышления, он вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Это был Скип — он вошел в кабину и забрался на сиденье водителя.

— А можно поуправлять вашей машиной, мистер Карпентер? Можно?

Карпентер оглядел равнину через переднее, боковые и хвостовые смотровые стекла, потом заставил Сэма задрать голову и сквозь колпак кабины внимательно осмотрел небо. Высоко над скалистой грядой, где они были меньше часа назад, кружила черная точка. Рядом с ней появились еще две.

— Немного погодя. Скип. Сейчас, по-моему, мы тут не одни.

Скип тоже заметил а небо черные точки.

— Снова птеранодоны, мистер Карпентер?

— Боюсь, что да.

Точки, быстро увеличиваясь, превратились в

крылатые силуэты с узкими, заостренными Головами. В кабину вошла Марси и тоже пристально посмотрела в небо. На этот раз ни она, ни Скип не проявили ни малейших признаков испуга.

— Мы снова прыгнем назад, в прошлое, мистер Карпентер? — спросила она.

— Посмотрим, крошка.

Теперь птеранодоны были хорошо видны. Не было сомнения, что их интересует именно Сэм. Другое дело — решатся ли они снова напасть. Несмотря на то что трицератанк был укрыт защитным полем, Карпентер все же решил на всякий случай направиться к ближайшей пальметтовой заросли примерно в километре. Он включил высшую передачу и взялся за ручки управления.

— Вперед, Сэм! — сказал он. — Покажем Марси и Скипу, на что ты способен!

Сэм сорвался с места. Его упругие стальные ноги ритмично двигались, копыта из твердого сплава отбивали такт, с громом ударяясь о землю. Однако в скорости Сэму было не сравниться с птеранодонами. Передний круто спикировал в сотне метров впереди и сбросил что-то вроде большого металлического яйца и взмыл.

Металлическое яйцо оказалось бомбой. Взрыв

оставил такую огромную воронку, что Карпентер еле сумел ее объехать, едва не опрокинув ящероход. Он тут же прибавил обороты и перешел на вторую скорость.

— Ну, этим нас не возьмут — верно, старина? — сказал он.

— Рррррр! — заурчал в ответ Сэм.

Карпентер взглянул на небо. Теперь все птеранодоны кружились прямо над головой.

— Один, два, три — сосчитал он. — Три? Вчера их было только два! Марси! — возбужденно сказал он. — Сколько всего, вы говорили, там похитителей?

— Трое, мистер Карпентер. Роул, Фритад и Холмер.

— Тогда они все тут. А значит, корабль никем не охраняется. Если только на нем нет экипажа.

— Нет, мистер Карпентер, экипажа нет.

Он оторвал взгляд от кружащихся птеранодонов.

— А как вы думаете, ребята, вы смогли бы проникнуть внутрь?

— Запросто, — ответил Скип. — Это списанный военный авианосец со стандартными шлюзовыми камерами — открыть их ничего не стоит всякому, кто хоть немного разбирается в технике.

Поэтому мы с Марси и смогли удрать. Будьте уверены, мистер Карпентер, я это сделаю.

— Хорошо, мы встретим их там.

С помощью Марси рассчитать координаты для скачка во времени было просто. Уже через несколько секунд Сэм был готов. Когда они оказались в пальметт окон рощице, Карпентер включил рубильник. Снова что- то замерцало у них перед глазами; Сэма слегка тряхнуло, и дневной свет превратился предрассветную тьму.

— А далеко назад мы сейчас перепрыгнули, мистер Карпентер? — поинтересовался Скип.

— На четыре часа. Теперь у нас должно хватить времени, чтобы добраться до корабля и устроиться в нем до возвращения этих приятелей.

— А что, если они найдут нас и в этом времени? — возразила Марси.

— Не исключено, но скорее всего они нас не нашли. Иначе они бы не стали искать нас потом, верно?

Она восхищенно посмотрела на него.

— Знаете что, мистер Карпентер? Вы ужасно умный.

В устах девочки, которая могла в уме умножить 4 692 438 921 на 828 464 280, этот комплимент коечего стоил. Однако Карпентер и виду не показал,

что польщен.

— Я надеюсь, ребята, что вы теперь найдете корабль? — сказал он.

— Мы на правильном курсе, — ответил Скип. — Я знаю, у меня врожденное чувство направления. Он замаскирован под большое дерево.

…Карпентер отыскал брод и повел Сэма через реку. Здесь земля казалась потверже, но это впечатление было обманчиво: навигационные приборы Сэма показывали, что трясины попадаются здесь еще чаще. Вокруг росли папоротники, под ногами расстилался толстый ковер из американского лавра и осоки. Пальметт и веерных пальм по-прежнему было больше всего, но время от времени стали попадаться гинкго. Одно из них, настоящий гигант, возвышалось больше чем на полсотни метров.

Карпентер в недоумении разглядывал это дерево. В меловой период гинкго росли обычно на высоких местах, а не в низинах. К тому же дереву таких размеров вообще нечего было делать меловом периоде. У гинкго-гиганта были и другие странности. Его ствол был слишком толст. Кроме того, нижняя его часть примерно до шестиметровой высоты была разделена на три самостоятельных ствола — что-то вроде треног-

ника, на котором покоилось дерево.

И тут Карпентер увидел, что оба подопечных взволнованно показывают на дерево пальцами.

— Это и есть корабль! — вскричал Скип.

— Неудивительно, что я обратил на него внимание, — сказал Карпентер. — Ну не ахти как хорошо замаскировали. Я давно вижу одно из гнезд для крепления самолетов.

— А они не очень старались, чтобы его не было видно с земли, — объяснила Марси. — Главное — как это выглядит сверху, чтобы не заметила Космическая полиция.

— Вы как будто не рассчитываете на то, что полиция подоспеет вовремя?

— Нет, конечно. Со временем доберутся, но на это понадобится не одна неделя, а может быть, и не один месяц. Их радарной разведке нужно порядочно времени, чтобы выследить путь корабля. Рано или поздно полиция находит, где прятались похитители, но к тому времени их обычно и след простыл.

— Ну что ж, — сказал Карпентер, — *я* думаю, давно пора кому-нибудь первому их поймать. Как по-вашему?

Спрятав Сэма в ближайшей пальметтовой рощице и выключив защитное поле, Карпентер за-

лез под сиденье и вытащил оттуда единственное оружие, которым был снабжен трицератанк, — легкую, но с сильным боем винтовку, которая стреляла парализующими зарядами. Такую винтовку САПО сконструировало специально для своих служащих, чья работа была связана с путешествиями во времени. Перекинув ремень через плечо, Карпентер откинул колпак, вылез сам и помог детям спуститься на землю. Все трое подошли к кораблю.

Скип вскарабкался по посадочной стойке, через несколько секунд шлюзовая камера открылась. Скип опустил алюминиевую лестницу.

— Все готово, мистер Карпентер.

Марси оглянулась через плечо на пальметтовую рощу.

— А Сэм, с ним ничего не случится, как вы думаете?

— Конечно, ничего, крошка, — успокоил ее Карпентер. — Ну, полезай.

Кондиционированный воздух внутри корабля имел примерно такую же температуру, как и в кабине Сэма; освещение было колодным и тусклым. За внутренним люком шлюзовой камеры короткий коридор вел к стальной винтовой лестнице, которая шла вверх, на жилые палубы, и

вниз, в машинное отделение. Карпентер взглянул на часы, которые раньше отвел на четыре часа назад, — было 8.24. Через несколько минут птеранодоны начнут атаковать Сэма, Карпентера, Марси и Скипа в «предыдущем» времени. Даже если похитители сразу же после этого направились к кораблю, времени еще достаточно — во всяком случае, хватит на то, чтобы послать радиограмму, а потом приготовить задуманную ловушку. Правда, радиограмму можно будет послать и тогда, когда Роул, Фритад и Холмер будут крепко заперты в своих каютах, но, если что-нибудь сорвется, такая возможность может вообще не представиться, так что лучше это сделать сразу же.

— Ну вот что, ребята, — сказал Карпентер. — Закройте шлюз и ведите меня в радиорубку.

Первую часть приказания они исполнили с большой готовностью, но выполнять вторую почему-то не спешили. В коридоре Марси остановилась. За ней остановился и Скип.

— Зачем вам радиорубка, мистер Карпентер? — спросила Марси.

— Радировать наши координаты Космической полиции и сказать ей, чтобы спешили сюда. Я надеюсь, что вы с этим справитесь?

Скип поглядел на Марси, Марси — на Скипа. Потом оба покачали головами.

— Погодите, — с досадой сказал Карпентер. — Ведь вы прекрасно знаете, как это делается. Почему вы делаете вид, что не умеете?

Скип уставился в пол.

— Мы… мы не хотим домой, мистер Карпентер.

— Но вы должны вернуться домой! Куда же вы еще денетесь?

Они молчали, пряча глаза.

— В общем, так, — продолжал он через некоторое время. — Если нам удастся поймать Роула, Фрнтада и Холмера, асе прелестно. Мы продержимся здесь, пока не прибудет Космическая полиция. Но если что-нибудь сорвется и мы их не поймаем, останется еще один козырь — та самая радиограмма, которую вы сейчас пошлете. Теперь дальше. Я примерно представляю себе, сколько времени нужно нашему космическому кораблю, чтобы добраться с Земли до Марса. Но я не знаю, за сколько Времени доберется до Земли ваш корабль. Скажите, через сколько дней Космическая полиция будет здесь, на Земле, после того как получит радиограмму?

— При нынешнем расположении планет чуть больше чем через четверо Суток, — сказала Мер-

си. — Если хотите, мистер Карпентер, я могу рассчитать время с точностью до…

— Не надо, достаточно и этого, крошка. А теперь лезь вверх. и ты тоже, Скип. Нечего терять время!

Дети нехотя повиновались. Радиорубка находилась на второй палубе. Кое-что в ней показалось Карпентеру знакомым, но большая часть аппаратуры была совершенно непонятна. За огромным, от пола до потолка, иллюминатором открывался вид на доисторическую равнину. Взглянув вниз, Карпентер увидел пальметтовую рощицу, где был спрятан Сэм. Он тщательно оглядел горизонт — не возвращаются ли птеранодоны. В небе ничего не было видно. Но, отвернувшись от иллюминатора, он увидел, что в рубке появился кто-то четвертый. Карпентер сбросил с плеча винтовку и почти успел вскинуть ее, когда металлическая трубка в руке этого четвертого издало резкий скрежещущий звук. Винтовка исчезла.

Высокий мускулистый человек, появившийся в рубке, был одет примерно так же, как и Марси со Скипом, но его костюм был побогаче. На узком лице было написано ровно столько же душевных переживаний, сколько на сушеной груше, а металлическая трубка в его руке была

направлена Карпентеру точно между глаз. Не требовалось никаких специальных объяснений, чтобы понять: стоит сдвинуться с места хоть на полшага, и с ним произойдет то же самое, что с винтовкой. Впрочем, человек снизошел до того, что сообщил:

— Если двинешься, распылю.

— Нет, Холмер! — вскричала Марси. — Не смей его трогать! Он просто помог нам, потому что ему стало нас жалко!

— Постой, крошка, ты же как будто говорила, что их только трое? — сказал Карпентер, но сводя глаз с Холмера.

— Их на самом деле трое, мистер Карпентер. Честное слово! Наверное, третий птеранодон был беспилотный. Они нас перехитрили!

Холмер должен был бы ухмыльнуться, но он не ухмыльнулся. Он заговорил, и в его голосе должно было бы прозвучать торжество. Но и этого не было.

— Мы так и думали, приятель, что ты из будущего, — сказал он. — Мы тут устроились довольно давно и знали, что ты не можешь быть из настоящего. А раз так, нетрудно было сообразить, что, когда этот твой танк вчера исчез, ты прыгнул во времени или вперед или назад, и два против

одного, что назад. Мы решили рискнуть, предположили, что ты сделаешь то же самое еще раз, если тебя прижать к стене, и устроили небольшую ловушку. Мы рассудили, что у тебя хватит ума в нее попасть. И верно, хватило. Я не стану распылять тебя прямо сейчас же только потому, что еще не вернулись Роул и Фритад. Я хочу, чтобы они сначала на тебя полюбовались. А потом я тебя распылю, будь уверен. И этих обоих тоже. Нам они больше не нужны.

У Карпентера мороз пробежал по спине. В этих чисто логических рассуждениях было слишком много от самой обыкновенной мстительности. Возможно, птеранодоны чуть ли не с самого начала пытались «распылить» Марси, Скипа, Сэма и его самого, и если бы не защитное поле Сэма, несомненно, так бы и сделали. «Ну ничего, — подумал Карпентер, — логика — палка о двух концах, и не один ты умеешь ею пользоваться».

— А скоро твои приятели вернутся? — спросил он.

Холмер ответил непонимающим взглядом. И тут Карпентер заметил, что у Холмера в ушах нет сережек.

Карпентер повернулся к Марси:

— Скажи-ка, если этот корабль упадет набок,

не взорвется ли тут что-нибудь — от изменения положения, например, или от удара о землю! Ответь «да» или «нет», иначе этот приятель поймет, о чем мы говорим.

— Нет.

— А конструкция корабля достаточно прочная — переборки нас не раздавят!

— Нет.

— А аппаратура в рубке! Она хорошо закреплена! Не упадет на нас!

— Нет.

— Хорошо. Теперь постарайтесь вместе со Скипом как можно незаметнее подвинуться вон к той стальной колонне в центре. Когда корабль начнет валиться, хватайтесь за нее и держитесь изо всех сил.

— Что он тебе говорил, девчонка! — резко спросил Холмер.

Марси показала ему язык.

— Так я тебе и сказала!

Очевидно, способность принимать хладнокровно взвешенные решения, сообразуясь исключительно со строгой Логикой, отнюдь не сопровождалась способностью быстро соображать. Только в эту минуту десентиментализированный марсианин понял, что из всех присутствующих

лишь у него одного нет сережек.

Он полез в небольшую сумку, висевшую у него на поясе, достал оттуда пару сережек и начал одной рукой надевать их, продолжая держать в другой распылитель, нацеленный Карпентеру в лоб. Карпентер ощупал большим пальцем правой руки крохотные выпуклости на управляющем перстне, надетом на указательный палец. отыскал нужные и нажал в нужной последовательности. Внизу, на равнине, из пальметтовой рощицы показалась тупоносая морда Сэма.

Карпентер сосредоточился и начал мысленно передавать по телепатическому каналу, который теперь соединил его мозг с нервным центром Сэма:

— Сэм, убери рогопушки и выдвинь защитное поле вокруг колпака кабины.

Сэм выполнил приказ.

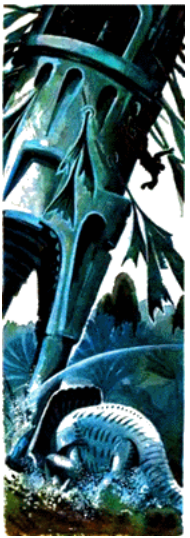
— Теперь отступи назад, разбегись как следует, упрись в посадочную стойку справа от тебя и вышиби ее. А потом удирай во все лопатки!

Сэм выполз из рощицы. Медленно двинулся вперед, потом переключился на вторую передачу. Его топот превратился в громовые раскаты, которые проникли сквозь переборки в радиорубку. Холмер, который наконец вставил в уши

сережки, вздрогнул и шагнул к иллюминатору.

Сэм несся к кораблю, как таран. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы сообразить, что произойдет дальше.

Совсем забыв о Карпентере, марсианин повернул рычажок справа от иллюминатора. Толстое небьющееся стекло скользнуло вбок, в стену. Марсианин высунулся наружу и направил вниз свой распылитель. В этот самый момент Сэм врезался в посадочную стойку, и Холмер пулей вылетел в раскрытый иллюминатор.



Дети вцепились в колонну. Сделав отчаянный прыжок, Карпентер присоединился к ним.

— Держись, ребята! — крикнул он и повис рядом.

Сначала корабль кренился медленно, потом начал падать все быстрее. «Бумммм!» Карпентера вместе с детьми оторвало от колонны Он ухитрился на лету обхватить ребят и смягчил их падение своим телом, а сам ударился спиной о переборку. У него перехватило дыхание, все

погрузилось во тьму...

.....03/04

Через некоторое время кто-то снова включил свет. Он увидел лицо Марси, парящее над ним наподобие маленькой бледной луны. Ее глаза были как осенние астры после первого заморозка.

Она расстегнула ему воротник и, плача, гладила его щеки. Он с трудом поднялся на ноги, улыбнулся ей.

— Я боялась, что вы умерли, мистер Карпентер! — сквозь слезы говорила Марси.

Он взъерошил ее лютиковые волосы.

— Что, здорово я тебя обманул?

Через дверь, расположенную горизонтально, в рубку вошел Скип с небольшим контейнером в руках. При виде Карпентера лицо его осветилось радостью.

— Я пошел за укрепляющим газом, но, похоже, он вам уже не понадобится. Ну и рад же я, что с

вами ничего не случилось, мистер Карпентер!

— С вами, кажется, тоже? — спросил Карпентер и с облегчением услышал утвердительный ответ. Он взобрался по плавно изогнутой переборке к иллюминатору и выглянул наружу. Сэма нигде не было видно. Вспомнив, что канал телепатической связи все еще работает, приказал трицератанку вернуться, а потом вылез через иллюминатор, спустился на землю и отправился искать тело Холмера. Поиски оказались безуспешными. Карпентер решил было, что Холмер остался жив и скрылся в лесу. Но потом он наткнулся на трясину. При виде взбаламученной поверхности он содрогнулся. Ну ладно, во всяком случае, теперь ясно, чьи это были останки.

В это время тяжелой рысью приблизился Сэм, обогнув трясину, вовремя замеченную его навигационными приборами. Карпентер похлопал ящероход по голове, на которой не осталось ни малейших следов недавнего столкновения с посадочной стойкой корабля, потом выключил телепатическую связь и вернулся в корабль. Марси и Скип стояли у иллюминатора, уставившись в небо. Карпентер тоже посмотрел вверх. Над горизонтом виднелись три темных пятнышка.

Тут голова у него окончательно прояснилась,

он помог детям быстрее спуститься на землю.

— Бегите к Сэму! — крикнул он. — Скорее!

И бросился вслед, но, несмотря на свои длинные ноги, не мог за ними угнаться. Птеранодоны были уже близко. Карпентер не заметил черепаху, которая изо всех сил старалась убраться с дороги, споткнулся о нее и растянулся на земле.

Подняв голову, он увидел, что Марси и Скип уже захлопнули колпак Сэма. А через секунду оцепенел от ужаса: ящероход исчез!

И вдруг на землю легла еще одна тень — такая огромная, что она проглотила тени птеранодонов.

Карпентер повернулся на бок и увидел космический корабль — он опускался на равнину, как какой-то внеземной небоскреб. Как раз в этот момент из его верхней части вылетели три радужных луча. «ПФФФТ! ПФФФТ! ПФФФТ!», и все три птеранодона исчезли.

Небоскреб грузно приземлился, открыл люки и выкинул трап. Карпентер взглянул в другую сторону и увидел, что Сэм снова появился на том же месте, откуда исчез. Колпак откинулся, из кабины показались Марси и Скип в клубах голубоватого дыма. Карпентер понял, что произошло, и про себя навсегда распрощался с двадцать

вторым веком.

Дети подбежали к нему в тот момент, когда шестеро марсиан спустились по трапу. Они были все как на подбор, рослые, в еще более суровым лицом, а в руке у него было что-то вроде волшебной палочки, какие бывают у фей. Он удостоил Карпентера недобрым взглядом, потом окинул таким же недобрым взглядом детей.

Дети помогли Карпентеру подняться на ноги. Не то чтобы он физически нуждался в помощи — просто он был так ошарашен быстрой сменой событий, что растерялся. Марси плакала.

— Мы не нарочно сломали Сэма, мистер Карпентер, — торопливо говорила она. — Но чтобы спасти вам жизнь, можно было сделать только одно — прыгнуть назад на четыре дня два часа шестнадцать минут и три и три четверти секунды, пробраться на борт корабля похитителей и дать радиограмму Космической полиции. Иначе они не поспели бы вовремя. Я сообщила им, что вы попали в переделку и чтобы у них были наготове радугометы. А потом, как раз когда мы хотели вернуться в настоящее время, у Сэма сломался временной двигатель, и пришлось его чинить, а потом Сэм все равно перегорел, и простите нас, пожалуйста, мистер Карпентер.

Теперь вы больше никогда не сможете вернуться в 79062156 год, и увидеть мисс Сэндз, и…

Карпентер похлопал ее по плечу.

— Ничего, крошка. Все в порядке. Вы правильно сделали, и я вами горжусь. Это же надо было все так точно рассчитать.

Улыбка пробилась сквозь слезы, и слезы высохли.

— А я… я же неплохо считаю, мистер Карпентер.

— А рубильник включил я! — вмешался Скип. — И временной двигатель починил тоже я, когда он сломался!

Карпентер усмехнулся.

— Знаю, Скип. Вы оба молодцы.

Он повернулся к рослому марсианину с волшебной палочкой в руках и заметил, что тот уже вдел в уши сережки.

— Я полагаю, что столь же обязан вам, как и Марси со Скипом, — сказал Карпентер. — И я весьма признателен. А теперь мне, боюсь, придется просить вас еще об одном одолжении — взять меня с собой на только специалисты, да и то в сверхсовременной мастерской со всеми приспособлениями. Из этого следует, что я лишен всякой возможности связаться со временем, из которого

сюда прибыл.

— Мое имя Гаутор, — сказал командир и повернулся к Марси. — Изложи мне со всей краткостью, на какую ты способна, что произошло, начиная с твоего прибытия на эту планету и до настоящего момента.

Марси повиновалась.

— Так что вы видите, сэр, — закончила она, — что, помогая Скипу и мне, мистер Карпентер оказался в очень тяжелом положении. Вернуться в свое время он не может, выжить в этом времени тоже. Мы просто вынуждены взять его с собой на Марс, и все.

Гаутор ничего не ответил. Он небрежно поднял свою волшебную палочку, направил ее на поваленный корабль похитителей и что-то сделал с ее рукояткой. Палочка загорелась. Яркими зелеными и синими огнями. Через несколько секунд из небоскреба вылетел радужный сноп огня, упал на корабль похитителей, и с ним произошло то же самое, что с тремя птеранодонами. Он превратился в ничто. Гаутор повернулся к своим людям.

— Проведите детей на борт полицейского крейсера и обеспечьте им должный уход.

Потом повернулся к Карпентеру.

— Правительство Большого Марса выража-

ет вам признательность за оказанную услугу — спасение двух его будущих ценных граждан. Я благодарю вас от его имени. А теперь, мистер Карпентер, прощайте.

Гаутор отвернулся. Марси и Скип бросились к нему.

— Вы не можете его здесь оставить! — вскричала Марси. — Он погибнет!

Гаутор дал знак двоим марсианам, к которым только что обращался. Они прыгнули вперед, схватили детей и поволокли в корабль-небоскреб.

— Погодите, — вмешался Карпентер, озадаченный новым поворотом событий, но не потерявший присутствия духа. — Я не умоляю о спасении моей жизни, но если вы примете меня в свое общество, я могу принести вам кое-какую пользу. Я могу, например, научить вас путешествовать во времени. Я могу…

— Мистер Карпентер, если бы мы хотели путешествовать во времени, то давным-давно этому научились. Путешествие во времени — занятие для глупцов. Прошлое уже случилось, и изменить его нельзя. Так стоит ли пытаться? А что касается будущего, нужно быть идиотом, чтобы стремиться узнать, что будет завтра.

— Ну ладно, — сказал Карпентер, — тогда я не буду изобретать путешествие во времени, буду держать язык за зубами, жить тихо-спокойно и стану солидным гражданином.

— Не станете, мистер Карпентер, и вы сами это прекрасно знаете. Для этого нужно вас десентиментализировать. А по выражению вашего лица я могу сказать, что вы никогда по своей воле на это не согласитесь. Вы скорее останетесь здесь, в вашем доисторическом прошлом, и здесь погибнете.

— Пожалуй, что так, — ответил Карпентер. — Даже тиранозавр в сравнении с вами просто филантроп, а уже все остальные динозавры, как ящеротазовые, так и птицетазовые, не в пример человечнее. Но мне кажется, что есть одна простая вещь, которую вы могли бы для меня сделать, не нанеся особого ущерба своему десентиментализированному душевному спокойствию. Вы могли бы дать мне какое-нибудь оружие взамен того, что распылил Холмер.

Гаутор покачал головой.

— Как раз этого я и не могу сделать, мистер Карпентер, потому что это оружие легко может быть обнаружено вместе с вашими останками и тем самым на меня ляжет ответственность за анахро-

низм. Один такой анахронизм уже отчасти лежит на моей совести — труп Холмера, который мы не можем извлечь. Я не хочу рисковать и брать на себя новую ответственность. Как вы думаете, почему я уничтожил корабль похитителей?

— Мистер Карпентер! — крикнул Скип с трапа, по которому его с сестрой тащили двое марсиан. — Может быть, Сэм не совсем перегорел? Может быть, у него еще хватит сил хотя бы послать назад банку зайчатины?

— Боюсь, что нет, Скип! — крикнул в ответ Карпентер. — Но ничего страшного, ребята. Не беспокойтесь за меня — я перебьюсь. Животные всегда меня любили, а ведь ящеры тоже животные. Может быть, и они меня полюбят?

— О, мистер Карпентер, — прокричала Марси, — мне ужасно жаль, что все так вышло. Почему вы не взяли нас с собой в ваш 79062156 год? Мы все время этого хотели, только боялись сказать.

— Да, надо бы мне так и сделать, крошка, надо бы… — В глазах у него все вдруг расплылось, и он отвернулся. Когда он снова взглянул в ту сторону, двое марсиан уже уводили Марси и Скипа в шлюзовую камеру. Он помахал рукой.

— Прощайте, ребята! — крикнул он. — Я нико-

гда вас не забуду.

Марси сделала последнюю отчаянную попытку вырваться. Еще немного — и это бы ей удалось. В ее глазах, похожих на осенние астры, утренней росой блистали слезы.

— Я люблю вас, мистер Карпентер! — успела она прокричать перед тем, как скрылась из виду. — Я буду любить вас всю жизнь!

Двумя ловкими движениями Гаутор вырвал сережки из ушей Карпентера, потом вместе с остальными марсианами поднялся по трапу и вошел в корабль. Парадный подъезд захлопнулся. Небоскреб дрогнул, поднялся в воздух и некоторое время парил над Землей. Наконец он, отбросив слепящий поток света, устремился в небо, взвился к зениту и превратился в звездочку. Это не была падающая звезда, и все-таки Карпентер загадал желание.

Желаю вам обоим счастья, — сказал он. — И желаю, чтобы они не смогли отнять у вас сердце. Потому что уж очень хорошие у вас сердца.

Звездочка поблекла, замерцала и исчезла. Он остался один на обширной равнине.

Земля дрогнула. Повернувшись, он увидел, что справа, рядом с гремя веерными пальмами, движется что-то большое и темное. Через мгновение

он различил гигантскую голову и массивное, прямостоящее туловище. Два ряда саблевидных зубов сверкнули на солнце, и он невольно сделал шаг назад.

Это был тиранозавр.

Ящероход, даже если он сломан, все же лучше, чем ничего. И Карпентер помчался к Сэму. Забравшись в кабину и захлопнув колпак, он смотрел, как приближается тиранозавр. Было ясно, что тот заметил Карпентера и теперь направляется прямо к Сэму. Марси и Скип выключили защитное поле кабины, и Карпентер представлял собой довольно-таки легкую добычу. Однако он не спешил убраться в каюту, потому что Марси и Скип оставили выдвинутыми рогопушки. Навести их теперь было невозможно, но стрелять они все еще могли. Если бы тиранозавр подошел на нужное расстояние с нужной стороны, то его, может быть, удалось бы на некоторое время вывести из строя парализующими зарядами. Правда, пока что тиранозавр приближался к Сэму под прямым углом к направлению, куда смотрели рогопушки; но все еще оставались шансы на то, что, прежде чем напасть, он окажется перед ними, и Карпентер решил выждать.

Он низко пригнулся на сиденье, готовый на-

жать на спуск. Кондиционер Сэма не работал, в кабине было жарко и душно. К тому же в воздухе стоял едкий запах горелой изоляции. Карпентер заставил себя не обращать на это внимания и сосредоточился.

Тиранозавр был уже так близко, что можно было разглядеть его атрофировавшиеся передние ноги. Они свисали с узких плеч чудовища, как высохшие лапки какого-то другого существа, раз в десять меньше. Над ними, в добрых семи метрах от земли, на шее толщиной со ствол дерева возвышалась гигантская голова; уродливый торс, расширяясь, переходил в задние лапы. Мощный хвост волочился сзади, и треск ломающихся под его тяжестью кустов сопровождал громовые удары, которые раздавались всякий раз, когда ступала на землю огромная лапа с птичьим когтем на конце. Карпентер должен был бы оцепенеть от ужаса — он никак не мог понять, почему ему не страшно.

В нескольких метрах от трицератанка тиранозавр остановился, и его приоткрытая пасть разинулась еще шире. Полуметровые зубы, торчавшие из челюстей, могли сокрушить лобовой колпак Сэма, как бумажный. Карпентер приготовился ретироваться в каюту, но тут, в самый

страшный момент, тиранозавру как будто не понравилось выбранное им направление атаки, и он начал приближаться к ящероходу спереди, предоставляя Карпентеру долгожданную возможность. Его пальцы легли >на первую из трех спусковых кнопок, но не нажали ее. «Почему же все-таки мне совсем не страшно?» — пронеслось в его голове.

Он взглянул сквозь колпак на чудовищную голову. Огромные челюсти продолжали раскрываться все шире. Вот уже вся верхняя часть черепа поднялась вертикально. Карпентер не поверил своим глазам — над нижним рядом зубов показалась человеческая головка и посмотрела на него веселыми голубыми глазами.

— Мисс Сэндз! — выдохнул он.

— Вы целы, мистер Карпентер? — крикнула сверху мисс Сэндз.

— Вполне, — отвечал Карпентер. — Ну и рад же я вас видеть, мисс Сэндз!

Рядом с ее головкой показалась еще одна — знакомая каштановая голова Питера Детрайтеса.

— А меня вы тоже рады видеть, мистер Карпентер?

— Еще бы, Пит, приятель!

Мисс Сэндз выдвинула трап, и оба спустились.

Питер Детрайтес тащил буксирный трос, который он тут же принялся цеплять к морде Сэма.

— А откуда вы узнали, что мне пришлось туго? — спросил он. — Ведь я ничего не посылал.

— Сердце подсказало, — ответил Литер Детрайтес и повернулся к мисс Сэндз. — Ну, у нас все, Сэнди.

— Что ж, тогда поехали, — откликнулась мисс Сэндз. Она взглянула на Карпентера и быстро опустила глаза. — Если, конечно, вы уже покончили со своим заданием, мистер Карпентер.

Теперь, когда первое радостное возбуждение схлынуло, он почувствовал, что снова, как и прежде, совсем теряется в ее присутствии.

— Покончил, мисс Сэндз, и вы не поверите мне, как все обернулось!

— Ну, не знаю. Бывает, что самые невероятные вещи на поверку оказываются самыми правдоподобными. Я приготовлю вам что-нибудь поесть.

Она легко поднялась по лестнице. Карпентер и Питер Детрайтес последовали за ней.

— Я сяду за руль, мистер Карпентер, — сказал Питер. — Похоже, вы порядком измотаны.

— Так оно и есть, — признался Карпентер.

Спустившись в каюту, он рухнул на койку. Мисс Сэндз зашла в кухонный отсек, поставила воду

для кофе и достала из холодильника ветчину.

Питер был прекрасным водителем и готов был сидеть за рулем день и ночь. И не только сидеть за рулем — он мог бы с закрытыми глазами разобрать и собрать любой ящероход. «Странно, почему они с мисс Сэндз не влюбились друг в друга? — подумал Карпентер. — Они оба такие милые, что им давно следовало бы это сделать». Конечно, Карпентер был рад, что этого не произошло, хотя ему-то от этого было не легче.

А почему они ни слова не сказали о корабле Космической полиции? Ведь не могли же они не видеть, мак он взлетает?

Они не спеша двигались по равнине в сторону холмов. Через иллюминатор было видно, как позади ковыляет Сэм. В кухоньке мисс Сэндз нарезала ветчину. Карпентер засмотрелся на нее, пытаясь отогнать печаль, навеянную расставанием с Марси и Скипом. Его взгляд остановился на ее стройных ногах, изящной талии, медно-красных волосах, задержался на шелковистом пушке, покрывавшем ее шею под короткой стрижкой. Странно, что с возрастом волосы всегда темнеют…

— Мисс Сэндз, — сказал он вдруг. — Сколько будет 499 999 991 умножить на 8 003 432 111?

Мисс Сэндз вздрогнула и, немного помолчав, ответила:

— 400 171 598 369 111 001.

А потом продолжила резать ветчину.

Карпентер медленно сел и спустил ноги на пол. У него сжалось сердце и перехватило дыхание.

…Возьмите двух одиноких детишек. Один — гений по части математики, другой — по части техники. Двое одиноких детишек, которые за всю свою одинокую жизнь не знали, что такое быть любимыми. Перевезите их на другую планету и посадите в ящероход, который при всех своих достоинствах прежде всего огромная восхитительная игрушка. Устройте для них импровизированный пикник в меловом периоде и приласкайте впервые в жизни. А потом отнимите у них все это и в то же время оставьте сильнейший стимул к возвращению — необходимость спасти человека. И при этом сделайте так, что, спасая его жизнь, они могут — в ином, но не менее реальном смысле слова — спасти свою.

Но 79 062 156 лет! 49 000 000 миль! Это невозможно!

А почему?

Они могли тайком построить машину времени в своей подготовительной школе, делая вид, что

готовятся к десентиментализации; потом, как раз перед тем, как начать принимать десентиментализирующий препарат, могли войти в машину и совершить скачок в далекое будущее.

Правда, такой скачок должен был потребовать огромного количества энергии. К тому же картина, которую они застали на Марсе, прибыв в будущее, не могла не потрясти их до глубины души. Но это были предприимчивые дети, достаточно предприимчивые, чтобы использовать любой мощный источник энергии, оказавшийся под рукой, чтобы выжить при нынешнем климате и в нынешней атмосфере Марса до тех пор, пока не отыщут одну из марсианских пещер с кислородом. А там о них должны были позаботиться марсиане, которые научили их всему, что нужно, чтобы сойти за уроженцев Земли. Что же касается колонистов, то они вряд ли стали задавать лишние вопросы, потому что были счастливы увеличить свою скудную численность еще на двух человек. А дальше детям оставалось бы только терпеливо ждать, пока они вырастут и смогут заработать на поездку на Землю. Там им оставалось бы только получить палеонтологическое образование.

Конечно, на все это понадобилось бы много лет.

Но они, вероятно, предвидели это и рассчитали свой прыжок во времени так, чтобы прибыть заранее и к 2156 году все успеть. И этого запаса времени только-только хватило: мисс Сэндз работает в САПО всего три месяца, а Питер Детрайтес устроился туда месяцем позже, по ее рекомендации, разумеется.

Они шли кружным путем, вот и все. Сначала 49 000 000 миль до Марса в прошлом; потом 79 062 100 лет до нынешнего Марса; снова 49 000 000 миль до нынешней Земли — и наконец, 79 062 156 лет в прошлое Земли. Карпентер сидел на койке, пытаясь собраться с мыслями.

Знали ли они, что это они будут, мисс Сэндз и Питер Детрайтес? — подумал он. Наверное, знали, во всяком случае, именно на это рассчитывали, поэтому и взяли себе такие имена, когда присоединились к колонистам. Получается парадокс, но не очень страшный, так что и беспокоиться об этом нечего. Во всяком случае, новые имена им вполне подошли.

Но почему они вели себя так, как будто с ним незнакомы?

Так ведь они и были незнакомы, разве нет? А если бы они рассказали ему — всю правду, разве он бы поверил?

Конечно, мет.

Впрочем, все это ничуть не объясняло, почему мисс Сэндз так его не любит.

А может быть, дело совсем не в этом? Может быть, и она так же боготворит его, как и он ее, и так же теряется при нем, как и он при ней? Может быть, она старается по возможности на него не смотреть потому, что боится выдать свои чувства, пока он не знает, кто она такая?

Каюту заполнял ровный гул моторов. И довольно долго ничто больше не нарушало тишины.

— Что с вами, мистер Карпентер? — неожиданно спросила мисс Сэндз. — Язык проглотили?

И тогда он встал. Она повернулась к нему. В глазах ее стояли слезы, она смотрела на него с нежностью и обожанием — точно так же, как смотрела прошлой ночью, 79 062 156 лет назад, у мезозойского костра в верхнемеловой пещере.

НА ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

© *Murray Leinster*, The Middle of the Week After Next, 1952

Мюррей Лейнстер
Рассказ
Перевела с английского Элла Башилова
Рис. А. Черенкова

«Юный техник» 1977'06–07

В последнее время прошел слух о том, что гос-

подин Тадеуш Байндер, всецело погруженный в занятия, которые он называет научно-философскими изысканиями, опять с удовольствием «колдует» в своей мастерской, или, как он говорит, лаборатории. С виду это очень приятный, небольшого роста розовощекий добряк. Однако… однако, может быть, кому-то следовало бы заставить его прекратить эти, с позволения сказать, исследования. Особые соображения на сей счет имеет владелец такси по фамилии Стимс. Он до сих пор негодует, вспоминая, что газеты в свое время изображали его убийцей крупных масштабов и дали кличку «Чудовище за рулем». Кроме Байндера, еще два человека вызывают бурную реакцию у Стимса: девица Сьюзи Блепп, женихом которой он был в те незабываемые дни, и полицейский Кассиди, неожиданно вмешавшийся в этот роман. Однако вся история началась с совершенно, казалось бы, ничем не примечательных событий, с экспериментов господина Байндера. Проработав всю сознательную жизнь в местной энергетической компании, он ушел на пенсию и посвятил свободное время чтению и размышлению над прочитанным. Он жадно впитывал мудрость, завещанную человечеству такими светлыми умами, как Кант и Лейбниц, Эйнштейн

и Резерфорд Господин Байндер с увлечением занимался той областью науки, которая до него давным-давно была предана забвению. Однако он сам недооценивал достигнутых результатов. Это уж точно!

Итак, в один прекрасный день господин Байндер взял такси, за рулем которого сидел Стимс, не знавший, что его пассажир как раз перед этим закончил один из своих экспериментов и сумел реализовать на практике закон «проницаемости одного физического тела сквозь другое», считавшийся до того времени отвлеченной философской проблемой. Весь накопленный человечеством опыт утверждал, что два тела не могут полностью совместиться, то есть в какой-то определенный момент занимать один и тот же объем в пространстве. Однако господин Байндер в свое время предположил, что это вполне возможно. Он изобрел некое приспособление. Проделал на нем бесчисленное количество проб. Пришел в восторг от полученных результатов. И отправился к другу, господину Макфаддену, чтобы рассказать о своем открытии.

Итак, в пять часов пополудни, 3 мая 1984 года, дойдя до угла, где пересекались Блисс и Келвин-стрит, Тадеуш Байндер увидел такси, стоявшее

у обочины. Крепко прижимая к себе сверток, завернутый в газету, он влез в машину и назвал адрес своего друга. Поскольку водитель взглянул на него с мрачной миной, он повторил адрес еще раз.

— Слышал, не глухой! — рявкнул Стимс и с той же кислой физиономией влился в поток движущегося транспорта. Все шло, как и следовало ожидать.

Обивка машины была грязной и рваной, а заднее сиденье вытерто настолько, что казалось — в любую минуту одна из пружин вонзится пассажиру в тело. Но господин Байндер не замечал ничего: он размышлял о том, что выиграл давнишний спор со своим другом. Доказательство, завернутое в газету, покоилось у него на коленях.

Миновав Вернон-стрит, покатили дальше, по улице Дюпуи. Тадеуш Байндер ликовал в душе: наконец-то он ответил на вопрос, так давно не дававший ему покоя. На идею проницаемости физических тел он наталкивался в литературе неоднократно, и всякий раз она вызывала в его душе желание осуществить ее на практике. Изложив свои рассуждения Макфаддену, скептику по натуре, он услышал в ответ: «Бред полнейший».

Байндер утверждал, что разрешение проблемы явится торжеством индуктивного мышления. Макфадден только презрительно фыркал. «Я докажу тебе, что был прав!» — провозгласил однажды Байндер. Именно это он и собирался сделать сейчас.

Торжествуя о душе, он развернул саертсж, чтобы еще раз полюбоваться делом своих рук. Содержимым оказался кусок мягкой оленьей кожи неправильной формы — когда-то, возможно, она служила покрышкой для диванчика в гостиной. Давленый рисунок, от которого почти ничего не осталось, изображал сцену из «Гайаваты». Теперь кожа годилась, пожалуй, лишь для того, чтобы протирать стекла автомобиля, однако Байндер смотрел на нее с нескрываемой нежностью, потому что именно в ней и заключался ответ на пресловутый вопрос.

Внезапно перед машиной Стимса возникло другое такси. Чтобы не врезаться в его багажник, водитель изо всех сил нажал на педали. Взвизгнули тормоза, колеса замерли, Байндер скатился со своего сиденья. Стимс обрушил на другого шофера поток презрительных слов и получил в свой адрес не менее уничтожающие эпитеты.

— Здорово я его отполировал! — гордо спросил

Стимс, обращаясь к своему пассажиру.

Ответа не последовало.

Обернувшись, он увидел, что заднее сиденье пусто. Пассажир испарился.

Отъехав от безумного перекрестка, Стимс остановил машину и, открыв заднюю дверцу, внимательно осмотрел ее изнутри. Пассажира не было и на полу. Вместо него на куске оленьей кожи лежали:

> карманные золотые часы; немного денег — серебряных и медных монет; перочинный нож, металлические петли, сквозь которые продеваются шнурки в ботинках; очки в металлическом футляре, дверные ключи на кольце и пряжка от брючного ремня.

Стимс возмутился: «Хитер, подлец! Хотел прокатиться бесплатно. Часов ты не увидишь, как своих ушей, это факт».

Переложив часы и деньги в карман, он вышвырнул на дорогу все остальное. Стимс готов был выкинуть и оленью кожу («На кой она черт!»), но вспомнил, сколько язвительных замечаний слышал от своей невесты, Сьюзи Блепп, по поводу неприглядного «интерьера» машины.

Не менее едкие высказывания исходили и от ее мамаши, когда на правах будущей тещи та каталась бесплатно. Расстелив кожу на заднем сиденье, Стимс убедился, что она сделала свое дело: пружина больше не выпирала так угрожающе из-под обивки.

Испытав нечто похожее на мрачное удовлетворение, Стимс съездил в ломбард и заложил часы, после чего был намерен вернуться к своему вполне законному занятию, а именно — перевозке пассажиров. Но не тут-то было.

Энергично жестикулируя, на краю тротуара стояла миссис Блепп. Чертыхаясь в душе, Стимс подкатил вплотную и открыл заднюю дверцу. Солидная дама влезла в такси и, отдуваясь, плюхнулась на сиденье.

— Моя дочь просила передать, что сегодня не может с вами встретиться, — заявила миссис Блепп.

— Ах вот оно что, — мрачно отозвался Стимс, — значит, не может?

— Нет, — подтвердила мамаша. Сбросив туфли и откинувшись на спинку, она приготовилась с полным комфортом ехать до самого дома. О том, что Стимс откажется ее везти, не могло быть и речи: при малейшем неповиновении миссис Блепп

устраивала страшный скандал своей дочери.

Остановившись перед знакомым домом (Сьюзи еще не вернулась, конечно), шофер оглянулся назад, чтобы попрощаться с миссис Блепп. И — остолбенел. Машина была пуста. На заднем сиденье лежали:

> медные и серебряные монеты, обручальное кольцо, футляр из-под губной помады, спицы из корсета, шпильки для волос, английская булавка, дешевая сверкающая брошь.

На полу валялись туфли солидного размера.

Из горла Стимса вырвалось хриплое проклятье. Тупо озираясь, он несколько раз судорожно глотнул воздух, потом включил скорость и дал газ, инстинктивно стремясь убраться с этого места. Не нужны ему были неприятности — особенно, если они имели отношение к Сьюзи. Однако нужны или не нужны, а они уже были налицо!

От сегодняшних происшествий веяло какой-то жутью. Стимс снова остановился и обследовал машину с большой тщательностью. Оленья кожа, покрывавшая сиденье, выглядела довольно презентабельно. Кроме нее и вышеперечисленных предметов, в машине ничего не было — однако не

было и какой-нибудь дыры или отверстия, сквозь которое могла бы провалиться мамаша Блепп. Выскакивать из машины на полном ходу ей не пришло бы в голову, не говоря уж о том, что никогда, ни при каких обстоятельствах, не бросила бы она совсем хороших туфель. По всем признакам в жизнь нашего таксиста вмешивались какие-то неведомые, необъяснимые силы.

Здесь было о чем подумать, и потому Стимс заекал в бар и выпил несколько кружек пива. Но поскольку он не был интеллектуалом по натуре, напряженная работа мысли всегда вызывала у него головную боль. Посоветоваться с кем-нибудь он тоже не мог: никто не поверил бы его рассказу.

— Я не виноват, — бормотал Стимс, глядя в пивную кружку, — не виноват, и точка. Да разве Сьюзи мне поверит! Придется считать, что ее матушку я сегодня не видел. Не видел, и дело с концом.

На мрачные раздумья ушло довольно много времени, и когда Стимс снова выехал на людную улицу, было около девяти часов вечера. В половине десятого он остановился перед красным светофором на Эверс-авеню. Кто-то без спроса открыл заднюю дверцу и влез в такси.

— Эй, какого черта! Я не беру пассажиров.

В ответ и его спине прикоснулось что-то холодное и твердое, и зловещий голос прошептал:

— Давай двигай, парень. Не вздумай визжать или оглядываться.

Красный свет сменился зеленым, и в тот же миг Стимс услышал крики: «Ограбили! Держи их!» Ему приходилось выжимать скорость, потому что холодный металл не отрывался от спины, да и сам он не испытывал ни малейшего желания оказаться в гуще перестрелки. Наконец, покрыв приличное расстояние, он осмелился спросить:

— Куда везти-то!

Ответа не последовало. Замедлив ход, Стимс оглянулся.

В машине никого не было.

Открыв заднюю дверь, Стимс увидел на оленьей коже:

> пистолет, серебряный соусник, семнадцать пар часов и тридцать четыре золотых кольца.

Напуганный еще более, водитель снова сел за руль и поехал к дому. Оставив машину во дворе, он едва добрался до двери своей квартиры.

Утром Стимса разбудил телефонный звонок.

Сняв трубку, он услышал, как Сьюзи, всхлипывая, старается объяснить ему все сразу: мать не вернулась домой, и не позвонила, и на улице страшный дождь, и…

— Не видал я твоей старухи, — раздраженно перебил Стимс. — А ты почему на свиданье не явилась!

Сьюзи рыдала. Она повторила все снова, потом сообщила, что Кассиди навел справки и выяснил, что среди несчастных случаев миссис Блепп не значится. Сьюзи просила Стимса узнать как-нибудь, что же случилось с матерью.

Однако Стимс был не такой дурак, чтобы ввязываться в это дело: при одной мысли о вчерашнем дне у него голова шла кругом.

— Слушай, Сьюзи, мне надо деньги зарабатывать на нашу свадьбу. Да и дождь льет как из ведра. Где я буду ее искать! Объявится твоя мамаша, никуда не денется. Просто загуляла.

Когда он вышел на улицу, дождь падал сплошной стеной; такая погода обычно приносила барыш, но сейчас Стимса ничто не радовало. Оглядев машину, он подумал, что, хотя вид у нее и потрепанный, никаких улик незаметно. Часы показывали десять утра.

Примерно к половина одиннадцатого не только

спина, но и все тело у Стимса покрылось испариной — от страха. Один пассажир сменял другого, каждый называл адрес, спокойно сидел в такси и ехал. А потом — исчезал. В неизвестном направлении. По неизвестной причине.

В одиннадцать часов сквозь плотную завесу дождя он увидел постового Кассиди. Заметив знакомую машину, тот жестом приказал остановиться. Стимс показал ка заднее сиденье — занято, мол, — и умчался, вздымая брызги фонтаном. Он ехал прямо домой: момент был слишком неподходящим для того, чтобы сажать к себе полисмена! Оглядываясь по сторонам, Стимс перетащил в свою квартиру: четыре чемодана, один портфель, три пары дамских туфель, букет красных роз, сырую курицу.

В ящик письменного стола он выгрузил из карманов не менее восьми пар часов, мужских и женских, четыре кольца, одиннадцать браслетов и десять разного рода заколок и булавок.

Как только он разложил добычу по местам, им овладела злость.

— Какого дьявола ко мне привязался Кассиди? — закричал он, обращаясь к чемоданам. — Думает, я загубил эту свиную тушу?

Кипя от негодования, Стимс все же поехал

разыскивать полисмена. При виде блюстителя порядка, в сверкающем от дождя плаще, лицо Стимса перекосилось, но он заставил себя нажать на тормоза. Кассиди стал рассказывать, что Сьюзи очень расстроена, — может быть, водитель случайно видел вчера миссис Блепп?

— Я уже сказал ей, что не видел! — рявкнул Стимс. — Хотя старая калоша не упустит случая, чтобы на мне прокатиться. Да что я ее — съел?

Кассиди не ответил. Оно и понятно: ответить, собственно, было нечего.

Как должен был, скажите на милость, поступить наш водитель? Не мог же он совсем бросить свою работу: это вызвало бы подозрения и расспросы. Не мог он, с другой стороны, говорить всем подряд, что машина занята: это было бы еще более странно. Получалось, что Стимс стал жертвой каких-то диких, немыслимых обстоятельств.

Вообще, нужно сказать, что Стимс принадлежал к той счастливой категории людей, которые умеют избавляться от любых неприятностей довольно простым путем: они приходят от них в ярость.

Именно такая ситуация и была сейчас налицо. Пассажир брал такси, садился в него и называл адрес — в глазах у водителя он был непогрешим.

Пассажир исчезал как сон, оставив кое-что на память о себе — Стимс начинал чувствовать против него раздражение. К концу второго дня, после очередной подобной «выходки», Стимс уже ненавидел всех своих клиентов.

— Они мне заплатят за эти фокусы! — ворчал он, перетаскивая в свое жилье чемоданы и портфели, — и заплатят сполна! Они еще захотят получить назад свое барахлишко; посмотрим, что из этого выйдет.

.....06/07

Вечером Стимс позвонил Сьюзи и справился о том, не объявилась ли ее мамаша. Нет, не объявилась. Тогда жених со свойственной ему широтой

натуры предложил невесте пойти куда-нибудь, где она смогла бы развлечься, забыть о своих горестях. В ответ на это предложение Сьюзи чуть не разразилась истерикой, и Стимсу пришлось снова призадуматься над происходящим.

Что же мне делать, думал он, может быть, действительно перестать ездить на проклятой машине, из которой люди вываливаются самым непонятным образом? Но от этой мысли он пришел в ужас.

— Хотите, чтоб я подох с голоду?! — завопил он. — Нет, это не решение вопроса.

Осознать причину таинственных злоключений Стимс тоже не мог. Он упускал из виду все то, что могло стать ключом к разгадке: самым первым исчез г-н Байндер. После него в машине осталась оленья кожа, сквозь которую «проваливались» другие пассажиры, «забывая» на ней предметы только металлические: все остальное валялось на полу или ехало в багажнике. Однако сопоставить эти факты Стимс не догадывался. Да и самого-то Байндера он совершенно забыл.

Прошел третий день. Миссис Блепп так и не нашлась. В связи с этим Сьюзи стала питать и будущему мужу необъяснимую неприязнь. По ее словам, Стимсу было наплевать на исчезновение

ее матери. Теперь Сьюзи обо всем советовалась с Кассиди. Связавшись с Бюро несчастных случаев, тот, к своему удивлению, узнал, что за последнее время в городе резко возросло количество без вести пропавших граждан. В душе Кассиди пробудилось служебное рвение: он решил, что случай с миссис Блепп наводит его на след, и стал наблюдать за Стимсом.

К концу четвертого дня описываемых в нашей истории событий Стимс увидел в газетах заголовки:

«ПРОПАЛО 52 ЧЕЛОВЕКА! КТО ИХ ПОХИЩАЕТ?»

Газетные отчеты подчеркивали, что все пропавшие без вести собирались брать такси, в связи с чем доведенные до отчаяния родственники требовали от полиции принятия самых решительных мер по отношению к их владельцам: задержания, допросов с пристрастием и т. д.

— Чего захотели! — возмутился Стимс, прочитав и об этом. — Допрос учинить! Хотят распугать всех пассажиров!

В сердцах скомкав газету, он направился к автомобилю. Но не успел Стимс проехать и трех кварталов, как его остановил пожилой толстяк, страдающий одышкой. Расположившись поудобнее, пассажир развернул вечернюю газету и

спросил с деланным испугом:

— Надеюсь, вы не «Чудовище за рулем»?

Стимс бешено рванул рычаг переключения скоростей; первую сотню метров он проехал, шипя как перегретый пар, рвущийся из паровозной трубы. Потом заговорил тоном человека, с трудом подавившего ярость. Он отзывался о газетных репортерах в выражениях настолько едких, что по сравнению с ними серная кислота показалась бы водичкой. Стимс говорил все громче, с нарастающей обидой. И к моменту, когда ему пришлось остановиться перед красным светофором — было девять часов сорок пять минут вечера, — он уже ораторствовал в полную силу своих легких. На перекрестке двух оживленных улиц со всех сторон сияли огнями витрины магазинов, и лицо нашего героя было хорошо освещено.

Рядом остановилась машина полицейского патруля. «Это он», — сказал Кассиди своему водителю и, выйдя из машины, заглянул в окошко Стимса.

— Вы, капиталисты, — пронзительно кричал тот, — думаете, что раз у вас деньги в кармане, значит, вам все можно! Да, вот такие, как вы…

— Послушай, — вмешался Кассиди, — с кем ты споришь?

Стимс чуть не подпрыгнул на своем сиденье: и этот здесь! Приятная встреча, ничего не скажешь. Но вслух сказал:

— Да вот этот тип, позади меня, говорит…

— Какой тип? — Кассиди внимательно осмотрел машину. — Где это, позади тебя?

Стимс обернулся. Вместо пассажира на оленьей шкуре лежали:

слуховой аппарат, часы, авторучка, серебряные монеты, брючные пуговицы, зубцы от застежки-«молнии», пряжка от ремня.

Кассиди сел за спиной Стимса.

— В полицию, — приказал он. — Я уже несколько дней слежу за тобой, голубчик. Не вздумай пробовать свои штучки на мне.

Стимс чуть не задохнулся от возмущения: какая чудовищная несправедливость! Однако свернул к полицейскому участку: патрульный автомобиль следовал по пятам.

Наконец, обретя дар речи, шофер закричал:

— Да в чем я виноват, черт побери!

И этот вопрос остался без ответа.

Теперь, по прошествии определенного времени, Стимс снова, хотя и не очень спокойно, может говорить обо всем, что произошло в те дни. В его квартире произвели обыск; полиция обнаружила вещи, когда-то принадлежавшие всем тем, кто имел неосторожность воспользоваться услугами таксиста. Револьвер Кассиди, его свисток и личный знак, наручники, кастет и прочие аксессуары полицейской службы были выставлены в специальной витрине участка, в память о его беззаветной преданности долгу.

Водитель Стимс прославился моментально: вся страна узнала, что именно он и есть тот самый таинственный убийца, «Чудовище за рулем».

Итак, водителю Стимсу предъявили обвинение в убийстве семидесяти одного человека — их было бы семьдесят два, заметь хоть кто-нибудь исчезновение господина Байндера. Несмотря на отчаянные крики протеста со стороны обвиняемого, его упрятали за решетку, без права быть взятым на поруки.

Газеты подняли страшную шумиху вокруг персоны Стимса.

И вдруг дело приняло совершенно неожиданный оборот. В здание полицейского участка вошел, прихрамывая, Кассиди. Полисмен расска-

зал, что каким-то непонятным образом вылетел из такси, в котором направлялся в участок. Очнувшись, он обнаружил пропажу своего личного знака, свистка, револьвера, наручников, кастета и других вещей. Ботинки распались на части, как только он оторвал ноги от земли — видимо, в них не осталось гвоздей. О чем он и считал необходимым написать рапорт.

Еще через час на одной из улиц нашли пожилого толстяка, лежавшего на тротуаре почти без признаков жизни. Он рассказал, что позволил себе подшутить над шофером, после чего тот выбросил его на мостовую. В кармане не осталось ни слухового аппарата, ни авторучки, ни часов, а на брюках ни одной пуговицы.

В скором времени один за другим, на улицах города стали появляться прочие жертвы «Чудовища» — вид у каждого был в большей или меньшей степени растерзанный. Ни один из них не подозревал, что его долго разыскивали: «Я сел в такси, из которого меня вышвырнули, вслед за чем я и явился в полицию, чтобы заявить о нанесенном оскорблении». За четыре часа прибыло девять человек из тех, кто «пропал» примерно пять дней назад; за шесть часов появилось еще пятнадцать, отсутствовавших шесть или семь дней. Через

сутки «нашлось» уже пятьдесят девять человек. На очной ставке со Стимсом все утверждали, что именно он повинен в их злоключениях.

Проявляя незаурядную проницательность, полиция отметила следующую закономерность: чем позже исчез из поля зрения человек, тем раньше он объявился. И когда в участок влетела разъяренная миссис Блепп, крича, что некий Стимс украл у нее обручальное кольцо, туфли и зачем-то вытащил спицы из корсета, — всем стало ясно, что конец близок.

Он был не просто близок — он уже наступил. Господин Байндер очнулся на проезжей части улицы и вспомнил, что 3 мая днем, часов в пять, ехал к Макфаддену. Теперь же в городе была ночь, в карманах у него не оказалось ни часов, ни мелочи, а брюки сваливались. Байндер поплелся домой: расстояние не превышало двух кварталов. Из груды газет, накопившихся под дверью, он с удивлением узнал, что уже 14 мая, и прочел о событиях последних дней.

Тадеуш Байндер заварил чаю покрепче, налил себе стакан и стал сосредоточенно думать. Он припомнил, что, выйдя из дома, сел в такси и, развернув сверток, стал любоваться оленьей кожей, которая как раз перед этим помогла ему

доказать, что проницаемость предметов вполне осуществима на практике…

Опираясь на свои технические знания и практический опыт, Байндер без особого труда смог объяснить все случившееся. Однако вопрос был интересен не только с точки зрения научной; приходилось принимать во внимание и юридическую его сторону. Семьдесят один человек мог подать на Байндера в суд — при этой мысли он содрогнулся. И решил держать язык за зубами.

И все же на следующий день он направился к своему другу Макфаддену.

— Боже мой, жив и невредим! — воскликнул тот. — А я считал тебя жертвой «Чудовища». Где ты пропадал?

— Попробую объяснить. Выслушай меня, Джордж.

Тадеуш Байндер рассказал другу о том, что, по всем признакам, он разгадал тайну проницаемости одного физического тела сквозь другое. Атомы, из которых состоят самые твердые вещества, говорил он, очень малы, а расстояние между ними сравнительно велико. Другими словами, между атомами любого твердого тела столько же пустоты, сколько между атомами, скажем, облаков: нейтроны и космические лу-

чи проходят сквозь них совершенно свободно. С другой стороны, два облака так же не могут проникнуть одно сквозь другое, как два твердых тела. Атомы облаков не разлетаются врассыпную, потому что они «подвешены» в частицах воздуха, а атомы твердых тел скреплены между собой электромагнитными полями, которое каждый из них создает. Однако, если отнять у поля его сопротивляемость, в структуре твердого тела появится уйма пробелов, сквозь которые может проникнуть другое тело, не менее твердое.

— Именно к этому я и стремился в своих опытах, — продолжал Байндер. — Уничтожить целиком сопротивляемость полей, мешающую проникновению «чужих» атомов, я не смог, удалось лишь слегка ее нейтрализовать. Я обработал кусок оленьей кожи таким образом, что мог «пропихнуть» через нее почти все. Говорю «почти» потому, что металл не захотел мне подчиниться, он оставался на своем месте. В тот день, 5 мая, я и хотел тебе все это продемонстрировать.

— Ну и где же ты пропадал с тех пор? Если всему этому поверить…

— Сейчас расскажу. Ты знаешь, что электромагнитные поля держат каждый атом на своем месте с помощью сил, действующих друг на друга в трех

взаимно перпендикулярных направлениях: горизонтальном, вертикальном и поперечном. Если между ними пытается втиснуться «чужой» атом, поля его выталкивают. Когда я их нейтрализовал, они и продолжали выталкивать, действуя по тем же взаимно перпендикулярным направлениям. В новом направлении они втягивали эти атомы.

— В новом направлении? Но ведь это было бы уже четвертое измерение.

— Это и было четвертое измерение, но совершенно неожиданное: измерение во времени. Когда я упал на оленью кожу, ее атомы, действуя на те, из которых состою я, заставили меня двигаться во времени. Они забросили меня вперед, в двенадцатый день с того самого момента. А для вас этот день наступил только сегодня.

— Но атомы вещества, обработанного таким образом, — продолжал Байндер, — постепенно теряют свои свойства. Поэтому каждый день они засылали людей на все меньшую и меньшую временную дистанцию. Судя по сообщениям газет, последние «подопытные» оказались всего лишь в послезавтрашнем дне. А сейчас, может быть, атомы в оленьей коже вернулись в прежнее состояние и больше никого не пропустят.

— Ты думаешь?

— Боюсь, что это так и есть. Я мог бы, конечно, добиться полной проницаемости, но ведь от нее нет никакой практической пользы. Лучше я займусь множимостью.

— Множимостью? А это что еще такое?

— Понимаешь, — начал Байндер с энтузиазмом, — существует философское положение, согласно которому один и тот же предмет способен одновременно находиться в нескольких местах. Представляешь, какие в этом таятся возможности?!

КОВАРНАЯ КАЛЛИСТО

© *Isaac Asimov*, The Callistan Menace, 1940

Айзек Азимов
Фантастический рассказ
Перевод с английского Татьяны Гинзбург
Рис. Ю. Макарова

«Юный техник» 1978'01–02

— Проклятый Юпитер! — зло пробурчал Эмброуз Уайтфилд, и я, соглашаясь, кивнул.

— Я пятнадцать лет на трассах вокруг Юпитера, — ответил я, — и слышал эти два слова, наверно, миллион раз. Должно быть, во всей солнечной системе не существует лучшего способа отвести душу.

Мы только что сменились с вахты в приборном отсеке космического разведывательного судна «Церера» и устало поплелись к себе.

— Проклятый Юпитер, проклятый Юпитер! — хмуро твердил Уайтфилд. — Он слишком огромен. Торчит здесь, у нас за спиной, и тянет, и тянет, и тянет! Всю дорогу надо идти на атомном двигателе, постоянно, ежечасно сверять курс. Ни тебе передышки, ни инерционного полета, ни минуты расслабленности! Только одна чертова работа!

Тыльной стороной кисти он отер выступивший на лбу пот. Он был молодым парнем, не старше тридцати лет, и в глазах его можно было прочитать волнение, даже некоторый страх.

И делю здесь было, несмотря на все проклятия, не в Юпитере. Меньше всего нас беспокоил Юпитер. Дело было в Каллисто! Именно эта маленькая светло-голубая на наших экранах луна, спутник гиганта Юпитера, вызывала испарину

на лбу Уайтфилда и уже четыре ночи мешала мне спокойно спать. Каллисто! Пункт нашего назначения!

Даже старый Мак Стиден, седоусый ветеран, в молодости ходивший с самим великим Пиви Уилсоном, с отсутствующим видом нес вахту. Четверо суток прочь, и впереди еще десять, и в душу когтями впивается паника…

Все мы восемь человек — экипаж «Цереры» — были достаточно храбрыми при обычном ходе вещей. Мы не отступали перед опасностями полудюжины чужих миров. Но нужно нечто большее, чем просто храбрость, для встречи с неизвестным, с Каллисто, с этой «загадочной ловушкой» солнечной системы.

По сути дела, о Каллисто был известен только один зловещий, точный факт. За двадцать пять лет семь кораблей, каждый совершеннее предыдущего, долетели туда и пропали. Воскресные приложения газет населяли спутник всевозможными существами, от супердиноэавров до невидимых созданий из четвертого измерения, но тайны это не проясняло.

Наша экспедиция была восьмой. У нас был самый лучший корабль, впервые изготовленный не из стали, а из вдвое более прочного сплава

бериллия и вольфрама. У нас были сверхмощное оружие и наисовременнейшие атомные двигатели.

Но… но все же мы были только восьмыми, и каждый это понимал.

Уайтфилд молча повалился на койку, подперев подбородок руками. Костяшки пальцев у него были белыми. Мне показалось, он на грани кризиса. В таких случаях требуется тонкий дипломатический подход.

— Как ты, собственно, оказался в этой экспедиции, Уайти? — спросил я. — Ты, пожалуй, еще зеленоват для такого дела.

— Ну знаешь, как бывает. Тоска вдруг напала… Я после колледжа занимался зоологией — межпланетные полеты необычайно расширили это поле деятельности. На Ганимеде у меня было хорошее, прочное положение. Но надоело мне там, скука зеленая. Во флот я записался, поддавшись порыву, а затем, поддавшись второму, завербовался в эту экспедицию. — Он с сожалением вздохнул. — Теперь я немного раскаиваюсь…

— Нельзя так, парень. Поверь мне, я человек опытный. Если ты запаникуешь, тебе конец. Да и осталось-то каких-нибудь два месяца работы, а потом мы снова вернемся на Ганимед.

— Я не боюсь, если ты это имеешь в виду, — обиделся он. — Я… я… — Он долго молча хмурился. — В общем, я просто измучился, пытаясь представить, что нас там ждет. От этих воображаемых картин у меня совсем сдали нервы.

— Конечно, конечно, — заверил я. — Я ни в чем тебя не виню. Наверно, мы все через это прошли. Только постарайся взять себя в руки. Помню, однажды в полете с Марса на Титан у нас…

Я не хуже любого другого умею сочинять небылицы, а эта басня мне особенно нравилась, но Уайтфилд взглядом заставил меня умолкнуть.

Да, мы устали, нервы у нас сдавали, — и в тот же день, когда мы с Уайтфилдом работали в кладовой, поднимая ящики со съестными припасами на кухню, Уайти вдруг, запинаясь, сказал:

— Я мог бы поклясться, что в том дальнем углу не одни ящики, что там есть еще что-то.

— Вот что сделали с тобой твои нервы. В углу, конечно, духи, или каллистяне, решили первыми напасть на нас.

— Говорю тебе, я видел! Там есть что-то живое.

Он придвинулся ближе. Нервы его так накалились, что на миг он заразил даже меня; мне вдруг тоже стало жутко в этом полумраке.

— Ты спятил, — громко сказал я, успокаивая

себя звуком собственного голоса. — Пойдем пошуруем там.

Мы стали расшвыривать легкие алюминиевые контейнеры. Краешком глаза я видел, как Уайтфилд пытается сдвинуть ближайший к стене ящик.

— Этот не пустой. — Бормоча себе под нос, он приподнял крышку и на полсекунды застыл. Потом отступил и, наткнувшись на что-то, сел, по-прежнему не сводя глаз с ящика.

Не понимая, что его так поразило, я тоже взглянул туда — и обомлел, не сдержав крика.

Из ящика высунулась рыжая голова, а за ней грязное мальчишеское лицо.

— Привет, — сказал мальчик лет тринадцати, вылезая наружу. Мы все еще оторопело молчали, и он продолжал: — Я рад, что вы меня нашли. У меня уже все мышцы свело от этой позы.

Уайтфилд громко, судорожно сглотнул:

— Боже милостивый! Мальчишка! «Заяц»! А мы летим на Каллисто!

— И не можем повернуть назад, — сдавленно проговорил я. — Разворачиваться между Юпитером и спутником — самоубийство.

— Послушай, — с неожиданной воинственностью напустился Уайтфилд на мальчика, — ты, голова, два уха, кто ты вообще такой и что ты здесь делаешь?

Парнишка съежился — видать, немного испугался.

— Я Стэнли Филдс. Из Нью-Чикаго, с Ганимеда. Я… я убежал в космос, как в книжках. — И, блестя глазами, спросил: — Как, по-вашему, мистер, будет у нас стычка с пиратами?

Без сомнения, голова его была заморочена «космической бульварщиной». Я тоже в его возрасте зачитывался ею.

— А что скажут твои родители? — нахмурился Уайтфилд.

— У меня только дядя. Не думаю, чтобы его это особенно беспокоило. — Он уже справился со своим страхом и улыбался нам.

— Ну что с ним делать? — Уайтфилд растерянно обернулся ко мне.

Я пожал плечами.

— Отвести к капитану. Пусть капитан и ломает голову.

— А как он это воспримет?

— Нам-то что! Мы тут ни при чем. Да и ничего ведь с таким делом не попишешь.

Вдвоем мы поволокли парнишку к капитану.

Капитан Бэртлетт знает свое дело, и самообладание у него удивительное. Крайне редко дает он волю чувствам. Но уж в этих случаях он напоминает разбушевавшийся на Меркурии вулкан, а если это явление вам незнакомо, значит, вы вообще еще не жили на свете.

Сейчас чаша терпения капитана переполнилась. Рейсы к спутникам всегда утомительны. Предстоящая высадка на Каллисто являлась для капитана более серьезным испытанием, чем для любого из нас. А тут еще этот «космический заяц».

Снести такое было немыслимо! С полчаса капитан очередями выстреливал отборнейшие проклятия. Он начал с солнца, а затем перебрал весь список планет, спутников, астероидов, комет, не пропустив даже метеоров. Только дойдя до неподвижных звезд, он наконец выдохся.

Но капитан Бэртлетт не дурак. Кончив браниться, он понял, что, если положения нельзя исправить, к нему надо приспособиться.

— Возьмите его кто-нибудь и умойте, — устало проворчал он. — И уберите на время с моих глаз. — Затем, уже смягчаясь, притянул меня к себе. — Не пугай его рассказами о том, что нас

ожидает. Эх, не повезло ему, бедняжке.

После нашего ухода этот добрый старый плут срочно связался с Ганимедом, чтобы успокоить дядю мальчишки.

Конечно, мы в это время не подозревали, что малыш окажется для нас поистине божьим даром. Он отвлек наши мысли от Каллисто. Он дал им другое направление. Благодаря ему напряжение последних дней, почти достигшее уже предела, улеглось.

Было что-то освежающее в природной живости этого мальчишки, в его очаровательной непосредственности, Он бродил по кораблю, приставая ко всем с глупейшими вопросами. Он ежеминутно ждал боя с пиратами. А главное— он упорно видел в каждом из нас героя «космических комиксов».

Это последнее льстило, понятно, нашему самолюбию, и мы соперничали друг с другом по части всяких басен. А старый Мак Стиден, являвшийся в глазах Стэнли полубогом, превзошел самого себя и побил все рекорды в области вранья.

Особенно мне запомнился словесный поединок, случившийся на исходе седьмого дня. Мы достигли как раз середины пути и готовились начать торможение. За исключением Хэрригана

и Тули, несших вахту у двигателей, все мы собрались в приборном отсеке. Уайтфилд, вполглаза посматривая на пульт, как обычно, завел речь о зоологии:

— Есть такой род слизняка, который водится только в Европе и называется «каролус европио», но больше известен как «магнитный червь». Длина его около шести дюймов, цвет аспидно-серый, и ничего более противного, чем это создание, нельзя себе и представить. Мы, однако, занимались его изучением целых шесть месяцев, и я никогда не видел, чтобы старик Морников приходил из-за чего-нибудь в такое возбуждение, как из-за этого червя. Видите ли, он убивает своеобразным магнитным полем. Вы помещаете в одном углу комнаты его, а в другом, скажем, гусеницу. И уже через пять минут она сворачивается клубком и погибает. И вот что любопытно. Лягушка для этого червя слишком велика, но, если вы обернете ее железной проволокой, магнитный червь убьет и ее. Вот почему мы узнали о наличии у него магнитного поля: в присутствии железа сила его больше, чем вчетверо, возрастает.

Рассказ произвел впечатление.

Джо Брок пробасил:

— Если то, что ты говоришь, правда, я чертов-

ски рад, что эти штуки такие маленькие.

Мак Стиден потянулся и с подчеркнутым безразличием подергал свои седые усы.

— По-твоему, этот червь необыкновенный. Но он не идет ни в какое сравнение с тем, что я однажды видел… — Он в раздумье покачал головой, и мы поняли, что нас ожидает тягучая и жуткая история. Кто-то глухо заворчал, но Стэнли так и расцвел, сочувствовав, что ветеран готов разговориться.

Заметив его сияющие глаза, Стиден обратился непосредственно *к* нему:

— Я был тогда с Пиви Уилсоном… Ты ведь слышал о Пиви Уилсоне?

— О да! — Глаза Стэнли засветились благоговейным восторгом перед памятью героя. — Я читал книги о нем. Он был величайшим астронавтом!

— Да, можешь поклясться всем радием Титана, малыш! Ростом он был не выше тебя и весил не больше ста фунтов, но он стоил впятеро против своего веса. Мы с ним были неразлучны. Без меня он никогда не отправлялся в полет. На самые опасные задания он всегда брал с собой меня. И я от него не отходил. — Он сокрушенно вздохнул. — Только сломанная нога помешала мне быть с ним в его последнем полете… — Спохватившись,

он замолчал.

На нас повеяло холодным дыханием смерти. Лицо Уайтфилда посерело, капитан странно скривил рот, а у меня душа сразу ушла в пятки.

Никто не проронил ни слова, но каждый из нас думал об одном: последний полет Уилсона был к Каллисто. Он был вторым — и не вернулся. Мы были восьмыми.

Стэнли удивленно переводил взгляд с одного на другого, но все мы старательно избегали его глаз.

Капитан Бэртлетт первый взял себя в руки.

— Слушайте, Стиден, у вас ведь сохранился старый скафандр Пиви Уилсона? — Голос его звучал спокойно и ровно, но я чувствовал, что дается ему это нелегко.

Стиден поднял на него просветлевший взгляд. Его мокрые усы — он всегда жевал их, когда нервничал, — обвисли.

— Ясно, капитан. Он сам отдал его мне. Это было в двадцать третьем, когда только еще начали вводить стальные скафандры. Старый, из синтетического каучука, не был больше нужен ему, и он оставил его мне. С тех пор это мой талисман.

— Так я подумал, что этот скафандр можно бы подогнать для мальчика. Никакой другой ему ведь не подойдет, а без скафандра как же…

Выцветшие глаза ветерана холодно сверкнули.

— Нет, сэр. Никто не прикоснется к этому скафандру, капитан. Я получил его от самого Пиви, из его собственных рук! Это… это для меня святыня.

Мы все сразу приняли сторону капитана, но Стиден нипочем не сдавался, лишь твердя и твердя одно:

— Этот старый скафандр останется на своем месте. — И всякий раз для большей убедительности взмахивал кулаком.

Мы готовы уже были отступить, когда Стэнли, до того скромно молчавший, поднял руку.

— Пожалуйста, мистер Стиден. — Голос его подозрительно дрогнул. — Пожалуйста, разрешите мне взять его. Я буду бережно с ним обращаться. Уверен, будь Пиви Уилсон жив, он бы мне разрешил. — Его голубые глаза увлажнились, нижняя губа задрожала. Мальчишка был настоящим артистом.

Стиден смутился и снова закусил ус.

— Ну… черт с вами, раз вы все против меня. Мальчик получит скафандр, но не ждите, что я стану возиться с починной! Можете сами не спать, в я умываю руки.

Так капитан Бартлетт одним выстрелом убил двух зайцев; в критический момент отвлек нас

от мыслей о Каллисто и нашел нам занятие на оставшуюся часть пути: на ремонт этой древней реликвии потребовалась почти целая неделя.

Мы взялись за дело с полной ответственностью. И эта кропотливая работа захватила нас целиком. Мы заделывали каждую трещину и каждый излом на старом венерианском скафандре. Мы стягивали прорехи алюминиевой проволокой. Мы подновили крошечный обогреватель и вмонтировали новый вольфрамовый кислородный баллон.

Даже капитан не счел для себя зазорным Принять в ремонте участие, и Стиден уже на другой день, несмотря на свой зарок, присоединился к нам.

Мы кончили работу накануне прибытия на Каллисто, и Стэнли, сияя от гордости, примерил скафандр, а Стиден с улыбкой наблюдал за ним и крутил ус.

Бледно-голубой шар все увеличивался на наших экранах и закрыл собой уже почти все небо. Последний день был тревожным. Мы механически несли службу, старательно избегая смотреть на холодный, неприветливый спутник.

На снижение корабль шел по длинной, все сжимавшейся спирали. Этим маневром капитан надеялся получить первое представление о природе Каллисто, но раздобытая информация была почти целиком негативной. Большой процент

двуокиси углерода в атмосфере способствовал обильной и разнообразной растительности. Но всего три процента кислорода исключали, казалось, возможность развития живых организмов, если не считать самых примитивных форм жизни, вроде каких-нибудь вялых, малоподвижных существ.

Пять раз мы облетели Каллисто, пока не заметили большое озеро, напоминавшее формой лошадиную голову. О таком озере сообщалось в последнем донесении второй экспедиции — экспедиции Пиви Уилсона, и потому именно здесь решено было посадить корабль.

Еще в полумиле над поверхностью мы увидели металлическое поблескивание яйцевидного «Фобоса» и, совершив наконец мягкую посадку, оказались в каких-нибудь пятистах ярдах от него.

— Странно, — пробормотал капитан, когда все мы собрались в приборном отсеке. — Он вообще кажется целехоньким.

Верно! «Фобос» выглядел целым и невредимым. В желтом свете Юпитера ярко блестел старомодный стальной корпус.

Капитан, оторвавшись от своих раздумий, спросил сидевшего у радио Чарни:

— Ганимед ответил?

— Да, сэр. Они желают нам удачи! — Это было сказано обычным тоном, но у меня по спине пополз холодок.

На лице капитана не дрогнул ни один мускул.

— С «Фобосом» не пытались связаться?

— Он не отвечает, сэр.

— Троим из нас придется пойти поискать ответ на самом «Фобосе».

— Будем тянуть спички, — хладнокровно предложил Брок.

Капитан серьезно кивнул и, зажав в кулаке восемь спичек, в том числе три сломанные, молча протянул к нам руку.

Чарни первый шагнул вперед и вытащил спичку. Она оказалась сломанной, и он спокойно направился к стеллажу со скафандрами. За ним тянули жребий Тули, Хэрриган и Уайтфилд. Потом я, и я вытянул вторую сломанную спичку. Усмехнувшись, я двинулся следом за Чарни, а еще через тридцать секунд к нам присоединился старый Стиден.

Проверив свои карманные лучеметы, мы вышли. Мы не знали, что нас ожидает, и не были уверены, что наши первые шаги по Каллисто не окажутся последними, но без малейших колеба-

ний отправились в путь. Космические комиксы представляют храбрость ничего не стоящим пустяком, но в действительной жизни она много дороже. И потому я не без гордости вспоминаю, каким твердым шагом двинулась наша тройка прочь от «Цереры».

Мы подошли к «Фобосу», и огромный корабль накрыл нас своей тенью. Он лежал на темно-зеленой жесткой траве, безмолвный, как сама гибель. Один из семи прилетевших сюда и здесь погибших кораблей. А наш был восьмым.

Чарни нарушил гнетущее молчание:

— Что это за белые пятна на корпусе? — Металлическим пальцем он провел по стальной обшивке, с удивлением разглядывая вязкую белую кашицу. Затем с невольной дрожью отдернул палец и яростно стал вытирать его травой. — Что это, как по-твоему?

Весь корабль, насколько он был виден нам, был покрыт тонким слоем этой белой противной массы. Она была похожа на пену или на…

Я сказал:

— Это похоже на слизь. Как если бы гигантский слизняк вылез из озера и обслюнявил корабль.

Я, конечно, сказал это не всерьез, но мои товарищи быстро обернулись к озеру. На его зеркально

гладкой поверхности неподвижно лежал Юпитер. Чарни сжал свой лучемет.

— Эй! — резко отдался в моем шлемофоне голос Стидена. — Кончайте болтать. Нам надо проникнуть в корабль. Должно же где-нибудь здесь быть отверстие! Ты, Чарни, пойдешь направо, а ты, Дженкинс, налево. Я попытаюсь забраться наверх.

Он внимательно осмотрел обтекаемый корпус корабля, отступил немного и прыгнул. Конечно, на Каллисто он весил не больше двадцати фунтов вместе со всем снаряжением, так что подпрыгнуть ему удалось на тридцать-сорок футов вверх. Мягко шлепнувшись о корабль, он тут же заскользил вниз, но удержался.

Мы с Черни расстались.

— Все в порядке? — слабо прозвучал в наушниках голос капитана.

— Все о'кэй, — хрипло откликнулся я, — пока... — И с этими словами я обогнул лишенный признаков жизни «Фобос» и оказался по другую его сторону, потеряв из виду «Цереру».

Дальнейший обход я совершал в полной тишине. «Оболочка» корабля выглядела неповрежденной. Никаких отверстий, кроме темных, словно ослепших иллюминаторов, из которых

даже самые нижние были высоко над моей головой, я не обнаружил. Раз или два наверху мелькнул Стиден, но, может быть, мне это просто показалось.

Наконец я достиг носа корабля, ярко освещенного Юпитером.

Иллюминаторы здесь были расположены ниже, и я смог заглянуть внутрь, где из-за причудливой игры теней и света, казалось, бродили призраки.

Но настоящее потрясение я пережил у последнего окна. На полу в желтом прямоугольнике света лежал скелет астронавта. Одежда висела на нем как на вешалке, рубашка сморщилась, словно он, падая, придавил ее своей тяжестью. Это жуткое впечатление усиливала фуражка, которая сползла на череп на один бок и теперь казалась надетой набекрень.

От резанувшего уши крика сердце мое упало. Это Стиден не сдержал громкого проклятия. В ту же минуту я увидел его неуклюжую из-за стального скафандра фигуру, торопливо соскользнувшую с корабля.

Мы с Чарни одновременно понеслись к нему огромными, летящими скачками, но он, помахав нам рукой, мчался уже к озеру. Мы увидели, как,

добежав до самой кромки берега, он склонился там над чем-то полузарытым в грунт. В два прыжка мы были рядом со Стиденом. «Что-то» оказалось человеком в скафандре. Человек лежал ничком и был покрыт той же тошнотворной слизью, что и «Фобос».

— Я заметил его с корабля, — сказал Стиден, переворачивая лежавшего.

— Боже мой! — в голосе Черни послышалось что-то похожее на рыдание. — Они все умерли здесь!

Я рассказал об одетом скелете, замеченном мною в иллюминаторе.

— Ну и загадка, черт подери! — прорычал Стиден. — И ответ на нее, несомненно, содержится в самом «Фобосе». — Воцарилась короткая тишина. — Вот что я вам скажу. Один из нас должен отправиться к капитану, чтобы тот спустил дезинтегратор. На Каллисто орудовать им будет довольно легко, и мы сможем, используя его на малых оборотах, проделать в корабле нужных размеров дыру, не разрушая всего корпуса. Пойдешь ты, Дженкинс, а мы с Чарни посмотрим, нет ли здесь и других бедняг.

Я без возражений отправился к «Церере». Позади осталось уже три четверти пути, когда

громкий крик, металлическим звоном отдавшийся в моих ушах, заставил меня в тревоге оглянуться и окаменеть.

Озеро забурлило, вспенилось, и оттуда стали появляться гигантские грязно-серые пиявки. Они одна за другой выбирались на берег, извиваясь и стряхивая с себя ил и воду. Длиной они были примерно фута четыре и шириной около фута. Их способ передвижения — чрезвычайно медленное ползание, — без сомнения, был следствием атмосферных условий Каллисто: недостаток кислорода требовал экономить силы. Кроме красноватого волокнистого нароста в головной части туловища, они были абсолютно лишены волосяного покрова.

Очи все ползли и ползли. Казалось, им не будет конца. Весь берег покрылся уже сплошной серой отвратительной плотью.

Чарни и Стиден бежали по направлению к «Церере», но, не одолев еще и половины расстояния, начали спотыкаться, как будто наткнулись на какое-то препятствие, и затем почти одновременно упали на колени.

Я услышал слабый голос Чарни:

— На помощь! Голова раскалывается! Я не могу шевельнуться! Я… — Затем оба стихли.

Я автоматически повернул назад, но резкая боль в висках вынудила меня остановиться, и я растерянно застыл.

В этот момент с «Цереры» отчаянно заорал Уайтфилд:

— Назад, Дженкинс! На корабль! Сейчас же назад! Назад!

Я покорно повернул к «Церере», так как боль становилась нестерпимой. Спотыкаясь и шатаясь как пьяный, я едва доплелся до корабля и не помню уже, как очутился в шлюзовом отсеке. На какое-то время я, должно быть, лишился чувств.

Следующее мое воспоминание относится к моменту, когда я открыл глаза в приборном отсеке. Кто-то стащил с меня скафандр. Еще плохо соображая, я, однако, заметил, что вокруг меня царит всеобщая тревога и замешательство. Голова моя была как в тумане, и наклонившийся ко мне капитан Бэртлетт двоился у меня в глазах.

— Знаешь, что такое эти чертовы отродья? — Он указал наружу, туда, где были огромные пиявки.

Я молча покачал головой.

— Это родственники того самого магнитного червя, о котором как-то рассказывал Уайтфилд. Помнишь магнитного червя?

— Помню. Он убивает магнитным полем, сила

которого возрастает в присутствии железа.

— Да, черт его возьми! — не выдержал Уайтфилд. — Клянусь, что так! Если бы не то, что по счастливой случайности наш корабль сделан из бериллия и вольфрама, а не из стали, как «Фобос» и остальные, мы все были бы уже сейчас без сознания, а спустя немного времени мертвы.

— Так вот оно, коварство Каллисто! — Охваченный внезапным ужасом, я закричал: — А Чарни и Стиден, что с ними?

— Они там, — мрачно буркнул капитан. — Без чувств… может быть, мертвы. Эти мерзкие гады ползут к ним, и мы ничего не в силах сделать. Без скафандров мы не можем покинуть корабль, а в стальных скафандрах мы все станем жертвами. Наше оружие не позволяет так прицельно вести огонь, чтобы уничтожить только этих ползучих, не задев Чарни и Стидена. У меня мелькнула было мысль подвести «Цереру» поближе, чтобы напасть на червей, но космический корабль не приспособлен для маневров на поверхности такой вот планеты. Мы…

— Короче, — глухо перебил я, — мы будем сидеть здесь и наблюдать, как они умирают.

Капитан кивнул, и я с горечью отвернулся. Кто-то легонько потянул меня за рукав, и я, посмотрев

в ту сторону, увидел широко раскрытые голубые глаза Стэнли. Я совсем забыл о нем, и сейчас мне было не до него.

— В чем дело? — рявкнул я.

— Мистер Дженкинс. — Глаза его покраснели; наверняка он предпочел бы иметь дело с пиратами, а не с магнитными червями. — Мистер Дженкинс, может быть, я могу помочь мистеру Чарни и мистеру Стидену?..

Вздохнув, я отвел глаза.

— Но, мистер Дженкинс, я правда могу. Я слышал, что сказал мистер Уайтфилд, и ведь мой скафандр не из стали, а из искусственного каучука.

— Малыш прав, — медленно проговорил Уайтфилд, когда Стэнли громко повторил свое предложение. — Совершенно очевидно, что ослабленное поле для нас безвредно. А у него-то скафандр не металлический.

— Его скафандр — старая развалина! — возразил капитан. — Я никогда всерьез не помышлял, что мальчик сможет им пользоваться.

По тому, как он вдруг умолк, видно было, что он колеблется.

— Мы не можем бросить Нила и Мака, не попытавшись спасти их, капитан, — твердо сказал

Брок.

И капитан внезапно решился, после чего сразу принялся приводить этот план в исполнение. Он сам достал из стеллажа ветхую реликвию и помог Стэнли облачиться в нее. Покончив с этим, он сказал:

— Начни со Стидена. Он старше, сопротивляемость к полю у него ниже… Ну, удачи тебе, малыш. Только смотри, если увидишь, что тебе это не по силам, немедленно возвращайся. Немедленно, ты меня слышишь?

Стэнли на первом же шагу растянулся, но жизнь на Ганимеде научила его приспосабливаться к условиям пониженной гравитации, и он быстро освоил способ передвижения на Каллисто. Мы вздохнули с облегчением, увидев, как решительно устремился он к двум беспомощно распростертым фигурам. Магнитное поле, совершенно очевидно, на него не действовало.

Взвалив на плечи одного из пострадавших, он тронулся в обратный путь ненамного медленнее, чем шел туда. Он благополучно опустил во входной люк свою ношу, помакал нам через стекло и снова удалился.

Через несколько минут Стиден, с которого мы сорвали скафандр, лежал на кушетке в приборном отсеке. Капитан приложил ухо. к его груди и вдруг счастливо рассмеялся:

— Живой! Живой наш старикан! Столпившись возле Стидена, мы наперебой тянулись к его руке, желая лично убедиться, что пульс есть. Наконец лицо ветерана дрогнуло, а когда послышался его невнятный шепот: «Так я сказал Пиви, я сказал...» — наши последние сомнения исчезли.

От Стидена нас оторвал пронзительный крик Уайтфилда:

— С мальчиком что-то неладно!

Стэнли со своей второй ношей был уже на полпути к кораблю, но теперь он спотыкался, и с каждым шагом сильнее.

— Это невозможно, — хрипло прошептал Уайтфилд. — Это невозможно. Поле не должно влиять на него!

— Боже! — Капитан в отчаянии схватился за голову. — В проклятой рухляди нет радио. Он не может сказать, что с ним… Я иду к нему! Поле или не поле, я иду к нему!

Он рванулся бежать, но Тули схватил его за рукав.

— Стоп, капитан! Он, пожалуй, сам справится.

Стэнли опять бежал, но как-то странно, будто не видя, куда бежит. Два или три раза он падал, но ему удавалось подняться. Последний раз он упал почти у самой «Цереры». Видно было, как силится он добраться до входного люка. Мы орали, и молились, и обливались холодным потом, но сделать ничего не могли.

А потом он скрылся: попал наконец в люк.

В мгновение ока мы втащили обоих внутрь. Чарни был жив. С первого взгляда убедившись в

этом, мы бесцеремонно повернулись к нему спиной. Сейчас для нас существовал только Стэнли. Воспаленный язык и струйка крови, сбегавшая от носа к подбородку, лучше всяких слов объясняли случившееся.

— У него разгерметизировался скафандр, — сказал Хэрриган.

— Отойдите-ка все! — приказал капитан. — Мальчику нужен воздух.

Мы молча ждали. Наконец слабый стон возвестил нам, что мальчик начинает приходить в чувство. Как по команде мы все заулыбались.

— Какой храбрый мальчик! — сказал капитан. — Последние сто ярдов он протянул только на силе духа, больше ни на чем. — И снова повторил: — Какой храбрый мальчик! Он получит Медаль Астронавта, даже если мне придется отдать ему мою собственную.

Каллисто, голубой, все уменьшавшийся на нашем телевизоре шар, был самым обыкновенным, ничуть не загадочным миром. Стэнли Филдс, почетный капитан «Цереры», приставил большой палец *к* кончику носа и одновременно показал экрану язык. Не слишком элегантная пантомима, зато символ торжества Человека над враждебными силами Солнечной системы.

ШТУКОВИНА

© ***Clifford Simak*, Contraption, 1953**

Клиффорд Д. Саймак
Фантастический рассказ
Перевод с английского Татьяны Гинзбург
Рис. Г. Алексеева

«Юный техник» 1978'07

Штуковину он заметил в кустах ежевики, когда гонялся за коровами. В тени высоких тополей он не мог разглядеть ее как следует, а задерживаться здесь ему не позволяло время, потому что дядя Эб был очень зол на него из-за этих двух отбившихся телок. Если бы сейчас он разыскивал их слишком долго, ему снова не миновать порки, а он свою дневную порцию и так с лихвой получил. Без ужина его тоже наверняка оставят, потому что он забыл принести воды из ручья. И тетя Эм весь день напускалась на него за плохо прополотый огород.

— В жизни не видывала такого никудышного мальчишку! — визжала она, а потом пошла твердить, что ожидала хоть капельку благодарности за то, что она и дядя Эб взяли его к себе, избавив от сиротского приюта, но нет, он никогда не был благодарен им, он доставлял им одни хлопоты, никакой помощи они от него не видели, и вообще только небу известно, что из него вырастет.

Он нашел телок на опушке леса, возле орешника, и погнал их домой, а сам поплелся сзади, опять строя планы бегства, но зная при этом, что никуда не убежит, потому что бежать ему некуда. Хотя, говорил он себе, нигде, наверное, не может быть хуже, чем здесь, у тети Эм и дяди Эба, которые на самом деле вовсе ему не дядя и тетя, а просто чужие люди, взявшие его не воспитание.

Дядя Эб уже кончил доить коров, когда он пригнал этих двух телок, и дядя Эб снова принялся отчитывать его за то, что он упустил их, когда собирал стадо.

— Вот, — сказал дядя Эб, — мне пришлось одному всех их доить и только потому, что ты их не пересчитываешь, сколько я тебя ни учу.

И дядя Эб взялся за кнут, чтобы объяснить все это еще убедительнее. А потом они пошли домой, и дядя Эб всю дорогу ворчал, что от некоторых мальчишек больше убытка, чем прибыли, а тетя Эм встретила их у двери, чтобы напомнить Джонни о необходимости вымыть как следует ноги, потому что она не хочет, чтобы он пачкал ее прекрасные простыни.

— Тетя Эм, — сказал он, — я ужасно голоден.

— И не мечтай! — Она поджала губы. — Может, поголодав разок, не будешь таким забывчивым.

— Только ломтик хлеба, — попросил Джонни. — Без масла, без ничего. Только ломтик хлеба!

— Молодой человек, — сказал дядя Эб, — ты слышал, что тебе сказала тетя. Мой ноги и марш в постель!

Итак, он помыл ноги, лег и уже в постели вспомнил то, что он видел в кустах ежевики, а также вспомнил, что ни словом об этом не обмолвился, потому что дядя Эб и тетя Эм сами все время что-нибудь говорили, а ему не давали рта раскрыть.

И вот тут он принял решение ничего им о своей находке не рассказывать, потому что, если он им о ней расскажет, они неизвестно что сделают, и, может быть, тогда будет еще хуже. Они все у него отбирали.

Единственной вещью, которая действительно принадлежала ему, был старый перочинный нож с отломанным кончиком лезвия. Больше всего на свете хотелось ему иметь новый такой нож, но он знал, что просить об этом напрасно. Один раз он попросил, и дядя Эб с тетей Эм много дней потом твердили еще, какое он неблагодарное и алчное создание; они подобрали его с улицы, а ему все мало, он требует, чтобы они еще на перочинный нож потратились! Джонни было невыносимо слышать насчет улицы, потому что он не помнил,

чтобы когда-нибудь валялся на улице.

Сейчас, лежа в кровати, глядя в окно не звезды, он старался понять, что же такое он сегодня видел, и не мог толком вспомнить, потому что не успел разглядеть эту штуковину. Но было в ней что-то любопытное.

Завтра, думал он, я схожу туда. Схожу, как только выдастся случай. Но лотом он понял, что такого случая у него завтра не будет, потому что сразу после утренней уборки дома тетя Эм заставит его пропалывать огород и глаз с него не опустит.

Он все думал и думал, и ему стало ясно, что, если он действительно хочет поглядеть на штуковину, идти надо сейчас же.

По доносившемуся до него храпу он определил, что дядя Эб и тетя Эм уснули. Тогда он встал, быстренько натянул рубашку, брюки и, стараясь не скрипеть ступенями, спустился по лестнице. в кухне он залез на стул, чтобы достать с еще не остывшей старинной высокой печи коробок. Он набрал полную горсть спичек, но, поразмыслив, высыпал почти все обратно, взяв лишь полдюжины, так как боялся, что тетя Эм может заметить пропажу.

Трава была мокрой и холодной от росы, и он, чтобы не намочить штанины, закатал их повыше.

Потом он направился в лес. Кое-где в этих местах водилась нечистая сила, но он не очень трусил, хотя в ночном лесу каждому бывает, конечно, немножко страшно.

Наконец он добрался до участка с ежевикой и остановился, раздумывая, как пролезть в темноте через эти кусты, не изодрав одежды и не исколов шипами босые ноги. Он думал также, здесь ли еще та штуковина, и вдруг понял, что она здесь, потому что почувствовал странное дружелюбие, которое словно бы излучала штуковина, точно хотела сказать ему, что она все еще на прежнем месте, и чтобы он не боялся.

Но он немного разнервничался, потому что дружелюбие было ему непривычно. У него был только один друг — Бенни Смит, но встречались они лишь в школе и то не всегда, потому что Бенни часто и долго хворал. А так как жил он в другом конце школьного округа, в каникулы Джонни совсем не видел его.

Глаза немного привыкли к темноте, и Джонни стал различать контуры штуковины, недоумевая, как он мог ПОЧУВСТВОВАТЬ дружелюбие, когда перед ним было не живое существо, а вещь, наподобие какой-то машины или фургона. Если бы он допускал, что она живая, вот тогда он по-настоя-

щему испугался бы.

Но все-таки он чувствовал дружелюбие.

Поэтому Джонни попытался руками раздвинуть кусты. Если бы ему удалось пробраться к самой штуковине, он мог бы воспользоваться спичками, чтобы поглядеть на нее вблизи.

— Стоп! — сказала штуковина чьим-то голосом, раздавшимся в его голове, и он остановился, хотя уверенности, что он слышал это слово, у него не было.

— Не смотри на нас слишком пристально, — сказал голос, и Джонни даже вздрогнул, потому что он пока еще ни на что слишком пристально не смотрел.

— Хорошо, — сказал он. — Я не стану глядеть. — И он подумал, может, это такая игра, вроде пряток.

— Когда мы подружимся, мы сможем глядеть друг на друга, и каждый будет уже знать, каков другой в действительности, и не станет обращать внимания на внешность.

И Джонни подумал, что они, верно, уродливые, если не хотят, чтобы он видел их, и тут же услышал:

— Мы покажемся тебе уродливыми. А нам ты кажешься уродливым.

— Тогда, может, к лучшему, что *я* не вижу в темноте?

— Ты не видишь а темноте? — спросил голос, и Джонни сказал, что не видит, и на какое-то время воцарилось молчание, хотя Джонни почудилось, что там удивляются, как это он может не видеть в темноте.

Затем штуковина спросила, может ли он еще что-то, и он не понял даже, о чем речь, а она как будто сама догадалась, что он этого — что бы там ни было — не может.

— Тебе страшно, — сказала штуковина. — Не надо нас бояться.

И Джонни объяснил, что он боится не их, кто бы они ни были, потому что они дружелюбны, а боится он, что будет, если дядя Эб и тетя Эм обнаружат его самовольную отлучку. Тогда его стали расспрашивать о дяде Эбе и тете Эм, и он постарался объяснить, но его не понимали; кажется, там сочли, что он говорит о правительстве. Он еще раз стал объяснять, но было совершенно очевидно, что его так и не поняли.

В конце концов он со всей вежливостью, чтобы не обидеть их, сказал, что должен распрощаться, и, так как пробыл он здесь куда дольше, чем собирался, бегом пустился в обратный путь.

Он незаметно прошмыгнул в дом, лег, и все сошло спокойно, однако утром тетя Эм обнаружила у него в кармане спички и прочла лекцию об опасности пожаров, подкрепив ее так убедительно, что Джонни, несмотря на все старания держаться мужчиной, судорожно дергался и орал от боли.

Весь день он возился с прополкой, а перед заходом солнца отправился загонять коров.

Чтобы наведаться на участок, где росла ежевика, ему не пришлось отклоняться от курса, потому что коров надо было искать а этом направлении, но он хорошо знал, что, не будь их здесь, он свернул бы с дороги, так как весь день помнил о встреченном в этом месте дружелюбии.

Было еще светло, едва начинало смеркаться, и теперь он мог окончательно убедиться, что штуковина, чем бы она там ни являлась, определенно не живая, а просто кусок металла, напоминающий по форме две спичечные коробки, одна чуть больше другой, положенные одна на другую. Похоже было, что штуковина Давно уже валяется без присмотра: металл потемнел, как бывает, когда какую-нибудь технику надолго бросят под открытым небом.

Кусты под штуковиной были придавлены, а позади нее футов двадцать почвы было взрыто.

Как и накануне, Джонни ощутил чувства дружбы и товарищества, хотя этого последнего слова он до сих пор вообще не знал — в школьных учебниках оно отсутствовало. Штуковина сказала:

— Можешь теперь немножко взглянуть на нас. Только сразу же отвернись. Долго пока смотреть не надо. Просто глянь разок и отведи глаза. Ты должен привыкать к нам постепенно.

— Где вы? — спросил Джонни.

— Да здесь же, — сказали они.

— Внутри? — спросил Джонни.

— Да, внутри, — сказали они.

— В таком случае я не могу вас видеть. Я не вижу сквозь металл.

— Он не видит сквозь металл, — сказал один из них.

— Он не видит, когда нет света, — сказал другой.

— Значит, он и нас не может видеть, — сказали оба вместе.

— А вы выйдите оттуда, — сказал Джонни.

— Мы не можем выйти. Мы умерли бы, если б вышли.

— Значит, я никогда вас не увижу.

— Никогда не увидишь, Джонни.

Ему стало ужасно тоскливо оттого, что он нико-

гда не увидит этих своих друзей.

— Мы не понимаем, кто ты, — сказали они. — Расскажи нам о себе.

И, откликаясь на их доброту и дружелюбие, он рассказал, кто он, и как он осиротел, и как его взяли к себе дядя Эб и тетя Эм, которые на самом деле вовсе не тетя и не дядя ему. Он не говорил, какие ему приходится сносить унижения, как его секут, и мучают, и отправляют без ужина спать, но все это без слов стало ясно его новым друзьям, и теперь они преисполнились к нему больше чем дружелюбием, больше чем чувством товарищества. Теперь от них исходило сострадание и нечто являющееся у них эквивалентом материнской любви.

— Оказывается, он еще ребенок, — сказали они друг другу.

Они как будто обняли Джонни и крепко прижали его к себе, а он, сам того не сознавая, опустился на колени и, протянув руки к лежавшему среди сломанных кустов предмету, выплакал все, что наболело у него на душе, как если бы действительно касался чего-то живого и теплого, приносящего утешение, которого ему всегда не хватало и которое он сейчас наконец обрел. И хотя просить Джонни не осмелился, ему ответили

на невысказанную мольбу:

— Нет, Джонни, мы тебя не покинем. Мы не можем покинуть тебя, Джонни.

— Обещаете? — спросил он.

На сей раз ответ прозвучал печально:

— Обещания не нужны. Наша машина сломалась, и починить ее мы не в силах. Один из нас умирает, и второй тоже вскоре последует за ним.

Джонни показалось, что этого он не вынесет: найти двух друзей и тут же их потерять.

— Джонни! — позвали они.

— Да? — одерживая слезы, откликнулся Джонни.

— Хочешь с нами меняться?

— Меняться?

— Ну, в знак дружбы. Ты даешь нам что-нибудь, и мы тебе что-нибудь дадим.

— Но, — сказал Джонни, — но у меня ничего… — И сразу же вспомнил о своем перочинном ноже. Не бог весть какая ценность с этим сломанным лезвием, но это все, чем он располагает.

— Вот и славно, — сказали они. — Положи его на землю, рядом с машиной.

Он вынул нож из кармана и положил его возле машины и хотя очень старался уследить за тем, что произойдет, но произошло все так быстро, что

он ничего не успел заметить. Просто нож исчез, а на его месте появилось что-то другое.

— Спасибо, Джонни, — услышал он. — С твоей стороны было очень мило пойти на этот обмен.

Он протянул руку и взял лежавший на земле предмет. Даже в темноте было видно, как тот сверкает. Было похоже, что это какой-то драгоценный камень, *и* грани его переливались всеми цветами радуги.

Только теперь Джонни заметил, что уже совсем стемнело, и понял, как он задержался, а поняв это, он со всем нос бросился бежать, даже не простившись.

Разыскивать коров в такой тьме было бесполезно, и он понадеялся, что они сами уже двинулись домой и что он догонит их по дороге. Он скажет дяде Эбу, что собрать их было нелегко. Он смажет дяде Эбу, что те две телки снова отбились и их пришлось разыскивать. Он окажет дяде Эбу… он скажет… он скажет…

Он задыхался от быстрого бега, и сердце у него так и скакало, и на плечи все сильнее наваливался страх — страх от сознания своего ужасного проступка — проступка тем более непростительного, что совершен он был после целой серии других: после того, кок не была принесена вода

из ручья, после того, как потерялись две телки, после того, как в кармане обнаружились спички.

Коров он не догнал — они были уже в хлеву и, конечно, подоены, потому что он задержался еще больше, чем ему думалось.

Подходя к дому, он буквально трясся от страха. В кухне горел свет, и ясно было, что там уже готовы к встрече.

Он вошел в кухню, и они сидели у стола, и их освещенные лампой лица казались высеченными из камня.

Дядя Эб встал, возвышаясь почти до потолка, и видно было, как напряглись мускулы под его засученными по локоть рукавами.

Он потянулся к Джонни, и Джонни отступил, но крепкая рука уже схватила его за ворот, оторвала от пола и тряхнула с дикой яростью.

— Я тебе покажу! — сквозь зубы процедил дядя Эб. — Я тебе покажу! Я тебе покажу!

Что-то стукнулось об пол и покатилось, оставляя за собой огненно яркий след.

Дядя Эб перестал трясти Джонни и, немного подержав в воздухе, отпустил.

— Это выпало из твоего кармана. Что это такое?

Джонни отодвинулся, мотая головой.

Он не скажет, что это. Ни за что не скажет. Пусть дядя Эб делает с ним что хочет, он не скажет. Пусть хоть убивает!

Дядя Эб быстро нагнулся, поднял камень и, вернувшись к столу, положил под лампу. Тетя Эм подалась вперед со стула.

— Бог ты мой! — только и сказала она.

Оба они уставились на камень; глаза их расширились и засияли; дыхание стало прерывистым;

они словно застыли. Наступи сейчас конец света, они его не заметили бы.

Что привлекло их — красота камня?

Потом они выпрямились и посмотрели на Джонни, отвернувшись от камня, как если бы он перестал интересовать их, как если бы у него было свое предназначение, которое он выполнил, и перестал быть нужен. Вид у них был странный… нет, не то, что странный, но необычный, не такой, как раньше.

— Ты, верно, умираешь с голоду, — обратилась к Джонни тетя Эм. — Я разогрею тебе ужин. Сварить яиц?

Джонни оторопело кивнул.

Дядя Эб сел, не обращая никакого внимания на камень.

— Знаешь, — сказал он. — На днях я видел в городе хороший складной нож. Такой, как тебе хочется…

Но Джонни почти не слышал. Он прислушивался к другому: к приязни и дружелюбию, проникшим в этот дом вместе с камнем.

ПРИЗРАК-5

© *Robert Sheckley*, Ghost V, 1954

Роберт Шекли
Призрак-5
Фантастический рассказ
Перевел с английского Виктор Вебер
Рис. Р. Авотина

«Юный техник» 1980'08

— Теперь он читает нашу вывеску, — сказал Грегор, прильнувший к глазку во входной двери.

— Дай мне посмотреть, — попросил Арнольд.

Грегор оттолкнул его.

— Он собирается постучать... нет, передумал. Он уходит.

Арнольд вернулся к столу и начал раскладывать очередной пасьянс. Глазок в дверь они вставили просто от скуки через три месяца после того, как создали компанию и арендовали это помещение. В этот период «ААА. Служба Обеззараживания Планета не могла похвастаться обилием клиентов, хотя и стояла первой в телефонном справочнике. Обеззараживание планет, древняя почтенная область деятельности человека, была, к сожалению, полностью монополизирована двумя известными фирмами, что не сулило радужных перспектив двум начинающим бизнесменам, у которых, кроме блестящих идей и неоплаченного оборудования, ничего не было.

— Он возвращается! — воскликнул Грегор. — Прими деловой вид!

Арнольд смахнул карты в ящик стола и только успел застегнуть верхнюю пуговицу халата, как раздался стук в дверь.

Посетитель был небольшого роста, лысый и выглядел очень уставшим. Он с сомнением посмотрел на молодых людей.

— Вы занимаетесь обеззараживанием планет?

— Совершенно верно, сэр, — ответил Грегор, пожав руку незнакомца. — Я — Ричард Грегор. Мой компаньон — доктор Френк Арнольд.

Арнольд, облаченный в белоснежный лабораторный халат, рассеянно кивнул и вновь склонился над стоящими на столе запылившимися пробирками.

— Присядьте, пожалуйста, мистер…

— Фернграум.

— Мистер Фернграум. Думаю, мы сможем удовлетворить любое ваше желание! Подбор флоры и фауны, дегазация атмосферы, поставка родниковой воды, стерилизация почвы, обеспечение сейсмоустойчивости, управление вулканами — все необходимое, чтобы превратить планету в райский уголок, пригодный для жизни человека.

Фернграум, казалось, все еще сомневался. Наконец он решился.

— Буду с вами откровенен. У меня большие неприятности.

Грегор ободряюще кивнул головой.

— Я независимый торговец недвижимостью.

Вы знаете, как мы работаем: купил планету, продал планету, разницы как раз хватает, чтобы свести концы с концами Обычно я занимаюсь небольшими планетами, и покупатели сами проводят обеззараживание. Но несколько месяцев назад я приобрел настоящую жемчужину, можно сказать, чудом увел ее из-под носа крупных компаний.

Фернграум вытер вспотевший лоб.

— Изумительное место, — продолжал он без всякого энтузиазма. — Средняя температура двадцать один градус, плодородная земля, леса, водопады, голубое небо и никакой животной жизни.

— Удивительно, — согласился с ним Грегор. — Микроорганизмы?

— Ничего опасного.

— Тогда в чем же дело? Фернграум смутился.

— Может быть, вы что-нибудь слышали о ней. В государственном каталоге планета значится как РЖЦ-5, но все называют ее Призрак-5.

Грегор пожал плечами.

— Так что же произошло с вашей планетой?

— На ней обитают привидения! — в отчаянии воскликнул фернграум.

Он рассказал. Оказалось, что он осмотрел пла-

нету, не обнаружил ничего подозрительного и сдал ее в аренду синдикату фермеров с Диджона-6. Восемь человек, прибывшие первыми, в тот же день начали передавать какие-то сбивчивые сообщения о демонах, упырях, вампирах. Когда прилетел спасательный корабль, все колонисты были мертвы. Фернграум был оштрафован за некачественное обеззараживание, а фермеры отказались от аренды. Тем не менее ему удалось всучить планету группе поселенцев с Орала-2. Эти действовали осторожно. Сначала послали снаряжение в сопровождении трех человек. Разведчики разбили лагерь, распаковали ящики и передали на Орал-2, что планета — истинный рай. Они предложили остальным прибыть немедленно, но сообщение оборвалось на полуслове диким воплем, а затем наступила полная тишина.

Направленный на Призрак-5 патрульный корабль обнаружил там три изувеченных до неузнаваемости тела и немедленно ретировался.

— И все, — добавил Фернграум. — Теперь никто и слышать не хочет об этой планете. Ни один капитан не желает туда лететь. А я так и не знаю, что же произошло. — Он тяжело вздохнул и посмотрел на Грегора.

— Если вы хотите, то можете заняться этим

делом.

Грегор и Арнольд извинились перед гостем и вышли в прихожую.

— У нас есть работа! — Арнольд подпрыгнул от радости.

— Да, — согласился Грегор, — но какая?

— Мы же хотели начать с серьезного дела. Если все будет хорошо, мы создадим себе репутацию. Не говоря о том проценте прибыли, который мы будем получать с арендной платы.

— По-моему, ты кое-что забываешь, — сказал Грегор. — Ведь именно мне придется лететь на Призрак. Ты-то будешь сидеть в этом кабинете и обрабатывать переданную мной информацию.

— Но все уже давно решено, — напомнил ему Арнольд. — Я занимаюсь анализом, а ты осуществляешь непосредственный контакт. Помнишь?

Грегор кивнул головой. С самого детства он всюду совал свой нос, а Арнольд сидел дома и потом объяснял ему, куда тот сунул нос на этот раз.

— Мне не нравится это дело, — сказал Грегор.

— Ты не веришь в призраков, не так ли?

— Нет, конечно, нет.

— Ну, впрочем, мы можем и отказаться.

Грегор пожал плечами, и они вернулись к

Фернграуму.

В последующие полчаса сделка была заключена: в случае успеха они получали значительный процент прибыли, при неудаче все расходы оплачивались ААА.

— Между прочим, — спросил Грегор, провожая гостя к двери, — почему вы обратились именно к нам?

— Никто не хотел браться за это дело. — Фернграум удовлетворенно улыбнулся. — Желаю удачи.

Через три дня Грегор был на борту потрепанного транспортника, направляющегося к Призраку-5. Он захватил с собой отчеты о предыдущих неудачных попытках колонизации злосчастной планеты и обширную литературу о сверхъестественных явлениях.

Корабль завис на высоте нескольких тысяч футов над изумрудной поверхностью планеты: капитан отказался спуститься ниже. Грегор сбросил свое снаряжение на парашютах, а потом прыгнул сам. Приземлившись около лагеря поселенцев с Орала-2, он посмотрел наверх. Транспортник удирал с такой скоростью, будто за ним гнались фурии. Он остался на Призраке-5 один.

Проверив, ничего ли не разбилось при посадке,

Грегор сообщил Арнольду о своем благополучном прибытии и с бластером в руке отправился в лагерь.

Поселенцы разбили его на берегу небольшого озера, у подножия горы. Сборные домики оказались в прекрасном состоянии, так как на Призраке не бывало ни ураганов, ни бурь. Но они выглядели очень одинокими.

Грегор внимательно осмотрел один из домиков. В стенных шкафах на полках аккуратными стопками лежала одежда, на стенах висели картины, на окнах — занавески. В углу стоял ящик с детскими игрушками. Он был вскрыт, очевидно, к приезду детей основной группы колонистов, и на полу рядом с ним валялись кубики, пирамидка и водяной пистолет.

Приближался вечер, и Грегор быстренько перетащил в домик свои пожитки. Потом он установил систему сигнализации и отрегулировал ее так тщательно, что даже муха не проскочила бы незамеченной. Распаковав свой арсенал, он разложил оружие так, чтобы оно всегда было под рукой. Бластер постоянно висел у него на поясе. Обеспечив свою безопасность, Грегор не спеша поужинал. Начало смеркаться. От легкого ветерка зашелестела высокая трава, а по поверхности

воды пробежала рябь. Трудно было представить более мирный вечер.

Проверив еще раз сигнализацию, он разделся, положил одежду на стул и, выключив свет, забрался в постель. Комната освещалась звездами лучше, чем на Земле в лунную ночь, бластер лежал под подушкой, все было прекрасно.

Грегор уже задремал, когда у него появилось ощущение, что он не один. Это было невероятно, система сигнализации была в полном порядке. Он слышал ровное жужжание радара. В то же время каждый нерв его тела бил тревогу. Он вытащил бластер из-под подушки и огляделся. В углу стоял мужчина. Теперь уже не было времени разбираться, как он сюда попал. Грегор взял его на мушку и тихим, но решительным голосом сказал: «Подними руки вверх».

Мужчина не пошевелился. Палец Грегора напрягся на спусковом крючке, но выстрела не последовало: он понял, в чем дело. Это была его собственная одежда, небрежно брошенная на стул, очертания которой исказились благодаря звездному свету и его воображению. Он усмехнулся и опустил бластер. Одежда зашевелилась. Грегор чувствовал слабый ветерок, дующий из окна, и продолжал улыбаться.

Вдруг стопка одежды поднялась над стулом, расправила плечи и двинулась к нему. Застыв на кровати, Грегор наблюдал за приближающейся бестелесной фигурой. Когда она дошла до середины комнаты и начала поднимать рукава, чтобы дотянуться до него, Грегор выстрелил. И продолжал стрелять, потому что каждый отлетевший лоскуток, казалось, обретал собственную жизнь и пытался добраться до него. Пылающие куски ткани летели ему в лицо, а пояс, как змея, старался оплести ноги, пока Грегор не превратил его в пепел.

Когда все закончилось, он зажег все лампы и сварил кофе. Потом связался со своим партнером.

— Очень интересно, — прокомментировал Арнольд его сбивчивый рассказ.

— Я был уверен, что тебя это позабавит! — с горечью воскликнул Грегор.

— Еще что-нибудь произошло?

— Пока нет.

— Ну, будь осторожен. У меня есть идея. Надо кое-что проверить…

Под утро Грегору удалось заснуть. Проснувшись, он наскоро перекусил и принялся всерьез обследовать лагерь поселенцев.

Осматривая домик за домиком, он не обнаружил ничего подозрительного, пока, уже ближе к вечеру, не заметил торопливо нацарапанного на стене слова «Тгасклит». Какая-то тарабарщина. Тем не менее, он обо всем сообщил Арнольду.

Вернувшись к своему домику, он внимательно осмотрел его снаружи, зажег все лампы, еще раз проверил систему сигнализации и перезарядил бластер. Закончив приготовления, Грегор с грустью наблюдал за заходом солнца. Затем он уселся поудобнее и задумался над создавшейся ситуацией.

Итак, животной жизни на планете нет. Как, впрочем, и ходячих растений, разумных кристаллов и мыслящих насекомых. Нет у планеты и естественного спутника, на котором кто-то или что-то могло спрятаться. Впрочем, оставалось еще одно предположение. Допустим, кто-то хотел купить эту планету, но цена Фернграума его не устраивала. Тогда не мог ли этот кто-то спрятаться, напугать колонистов, а при необходимости и убить их, чтобы снизить цену? Все казалось логичным. Можно было объяснить даже странное поведение его одежды. Приложенное соответствующим образом статическое электричество…

Перед ним кто-то стоял. Система сигнализации,

как и прежде, безмолвствовала.

Грегор осторожно посмотрел вверх и увидел странное существо ростом не менее десяти футов, фигурой напоминающее человека, но с головой фокодила. На розовой коже выделялись широкие лиловые полосы, В одной руке оно держало большую консервную банку коричневого цвета.

— Хелло, — поздоровалось чудовище.

— Хелло, — машинально ответил Грегор. Бластер лежал на столе, всего в двух футах от него. «Интересно, — подумал он, — что будет, если я захочу его взять?»

— Кто ты такой? — спросил Грегор со спокойствием обреченного.

— Я — Обжора с Лиловыми Полосами. Я все ем.

— Как интересно! — Рука Грегора медленно поползла к бластеру.

— Особенно я люблю Ричардов Грегоров, — весело продолжало чудовище. — И обычно ем их в шоколадном соусе. — Оно протянуло вперед коричневую банку. На этикетке было написано: «Шоколад Смита — Идеальный Соус при Употреблении Грегоров, Арнольдов и Флиннов».

— Ты собираешься меня съесть? — Пальцы Грегора коснулись рукоятки бластера.

— Ну конечно, — ухмыльнулся Обжора.

Грегор уже держал бластер в руке. Через секунду яркий луч ударил в грудь Обжоры и, отразившись от нее, опалил стены, пол и брови Грегора.

— Мне он не повредит, — пояснил Обжора. — Я слишком высокий.

Бластер выпал из руки Грегора. Обжора наклонился вперед.

— Я не собираюсь есть тебя сегодня, — сказал он.

— Правда? — удалось вымолвить Грегору.

— Конечно. Я смогу тебя съесть только завтра, первого июня. Таковы правила. — И с этими словами полосатое чудовище исчезло.

Дрожащими руками Грегор включил радио и, связавшись с Арнольдом, рассказал ему о случившемся.

— Хм-м, — пробурчал Арнольд. — Обжора с Лиловыми Полосами. Я так и думал. Все сходится.

— Что сходится? О чем ты говоришь?

— Я выяснил, что такое «Ттасклит». Это орлианское слово. Оно означает «многозубый демон». Что из этого следует?

— Они были убиты демоном, — язвительно ответил Грегор.

— Успокойся, — оборвал его Арнольд. — Демоны здесь ни при чем. Вернемся к твоей ожившей одежде. Она тебе ни о чем не напоминает?

Грегор задумался: «Ну, когда я был ребенком… Нет, это нелепо».

— Продолжай, продолжай, — настаивал Арнольд.

— Когда я был ребенком, то никогда не вешал одежду на стул. В темноте она напоминала мне незнакомого мужчину, или дракона, или еще что-то страшное. Но это ничего не объясняет.

— Совсем наоборот. А Обжору с Лиловыми Полосами ты вспомнил?

— Нет. А почему я должен его помнить?

— Потому что ты сам его выдумал. Нам было лет по восемь или девять — тебе, мне и Джимми Флинну. Мы придумали самое невероятное чудовище, причем это было наше собственное чудовище, и оно хотело съесть только тебя, меня и Джимми, и непременно с шоколадным соусом. Но только первого числа каждого месяца, когда мы приносили домой дневники. И чтобы его прогнать, надо было сказать волшебное слово.

Тут Грегор вспомнил и удивился, что не подумал об этом раньше. Сколько раз он не мог заснуть, ожидая прихода страшного Обжоры. И плохие отметки в дневнике уже не имели значения.

— Мне надо провести еще несколько контрольных тестов, — сказал Арнольд, — но, полагаю, вопрос решен.

— Как решен? Не мог бы ты объяснить поподробнее.

— Это же ясно, как день. На планете нет животной жизни, а науке неизвестны призраки, которые могут убивать вооруженных людей. Напрашивается очевидный ответ — это галлюцинация. Поэтому я решил выяснить, какие же вещества могут их вызывать. Оказалось, их предостаточно. Так, в «Каталоге внеземных веществ» я обнаружил добрую дюжину газов-галлюциногенов. Тут и депрессанты, и стимуляторы, и вещества, превращающие тебя в гения или орла, а то и в червя. Особенно меня заинтересовал лонгстид-42 — тяжелый прозрачный газ, без вкуса и запаха, совершенно безвредный для человека. Стимулирует воображение.

— Ты хочешь сказать, что у меня галлюцинации? Я же говорю тебе…

— Все не так просто, — прервал его Арнольд. — Лонгстид-42 воздействует непосредственно на подсознание, освобождая вытесненные в него детские страхи, и оживляет их, вызывая у тебя галлюцинации.

— Значит, в действительности ничего не было?

— Ничего материального. Но галлюцинации вполне реальны для того, кто их испытывает. Обеззараживание Призрака-5 не займет много

времени, — уверенно продолжает Арнольд. — Надо лишь нейтрализовать лонгстид-42.

Грегор хотел было издать радостный клич, но остановился на полуслове: «Если это всего лишь галлюцинации, то что же произошло с поселенцами?»

— Видишь ли… — Арнольд на секунду запнулся: — Поселенцы, должно быть, сошли с ума. Перестреляли друг друга.

— И никто не выжил?

— Конечно, а почему бы и нет? Последний, оставшийся в живых, мог совершить самоубийство или скончаться от ран. Не беспокойся об этом, расслабься. Я немедленно фрахтую корабль и лечу к тебе.

Утром Грегор собрал свое снаряжение и стал ждать. Вечером корабля все еще не было.

Грегор посидел на пороге своего домика, наблюдая за заходом солнца, а потом пошел на кухню и приготовил обед. Хотя проблема поселенцев по-прежнему его беспокоила, он решил последовать совету своего партнера и не придавать ей особого значения. В конце концов Арнольд нашел логичный ответ. После обеда Грегор растянулся на кровати и только успел закрыть глаза, как услышал чье-то извиняющееся покашливание.

— Хелло, — поздоровался Обжора. — Итак, его собственная галлюцинация явилась, чтобы слопать его самого.

— Хелло, дружище, — весело воскликнул Грегор, не испытывая ни страха, ни волнения.

— Я принес соус. — Обжора поднял банку вверх.

— Ты можешь идти, — улыбнулся Грегор. — Я знаю, что ты плод моего воображения и не сможешь причинить мне вреда.

— Я не собираюсь причинять тебе вред. Я только хочу тебя съесть, — сказал Обжора и подошел к Грегору. Тот наблюдал за ним с улыбкой на лице. Обжора наклонился и для пробы укусил его за руку.

От боли Грегор подпрыгнул и посмотрел на свою руку; на ней были следы зубов. Брызнула кровь, нестоящая кровь, его кровь.

В этот момент Грегор вспомнил сеанс гипноза, который он однажды видел. Гипнотизер сказал человеку, что прижигает ему руку горящей сигаретой, и коснулся ее карандашом. Но на коже тут же появилась красная язва, как от ожога!..

Грегор попытался прорваться к двери, но Обжора схватил его и наклонился, чтобы добраться до шеи.

Волшебное слово! Но какое?

— Алпхойсто!

— Неправильно, — сказал Обжора. — Ну что ты так вертишься?

— Регнастикио!

— Нет. Прекрати наконец дергаться, и все будет кончено до того, как…

— Вуршпелхаппило!

Обжора, испустив дикий крик, взмыл в воздух и пропал.

Грегор упал в кресло… Какое счастье, что он вспомнил волшебное слово!

Он услышал, как кто-то кашлянул. Звук донесся из темного угла за стенным шкафом, разбудив почти совсем забытое воспоминание: ему снова было девять лет, и Теневик, его Теневик, странное полупрозрачное существо, которое пряталось по углам, спало под кроватями и нападало только в темноте.

— Погаси свет, — потребовал Теневик.

— И не подумаю, — рявкнул Грегор, вытаскивая бластер. Пока было светло, ему ничего не грозило.

— Лучше погаси свет.

— Нет!

— Очень хорошо! Эган, Мэган, Дэган!

Три маленьких существа влетели в комнату и, бросившись и ближайшей лампе, приникли к ней. Лампа стала тускнеть. Грегор выстрелил. Раздался звон разбитого стекла, а существа, разлетевшись в разные стороны, метнулись к соседней лампе. Выстрел гремел за выстрелом, пол был усыпан осколками стекла.

И тут Грегор понял, что произошло. Эти существа не могли тушить лампы: галлюцинация не в силах воздействовать на неодушевленные предметы. Он вообразил, что в комнате становится темнее и…

Он сам расстрелял свои лампы! Подсознание опять его надуло. Теперь Теневик смело шагнул вперед. Бластер был бессилен. Грегор лихорадочно пытался вспомнить волшебное слово, изгоняющее Теневика, и в ужасе осознал, что такого слова нет.

Он пятился до тех пор, пока не натолкнулся на ящик с игрушками. Теневик приближался. Грегор опустился на пол и закрыл глаза. Его рука коснулась чего-то холодного. Водяной пистолет! Он вскочил. Теневик отступил на шаг, с опаской поглядывая на новое оружие. Грегор бросился к крану и, наполнив пистолет водой, направил убийственную струю на это страшное существо.

Теневик забился в агонии и исчез.

Грегор сухо улыбнулся. Водяной пистолет — самое подходящее оружие против воображаемого чудовища.

Корабль приземлился перед рассветом, и Арнольд тут же приступил к контрольным тестам. Через несколько часов не осталось никаких сомнений в наличии лонгстида-42 в атмосфере планеты. Быстренько собрав свои пожитки, Грегор и Арнольд, не мешкая, взлетели. Только когда они оказались в космосе, Грегор рассказал своему партнеру о том, что произошло ночью.

— Тяжелое дело, — искренне посочувствовал ему Арнольд.

Теперь, когда они покинули Призрак, и Грегору вернулось чувство юмора.

— Могло быть хуже, — сказал он, улыбнувшись.

— Каким образом?

— Представь себе, что с нами был бы Джимми Флинн. Вот уж кто умел выдумывать страшилищ. Помнишь Ворчуна?

Они летели домой. Арнольд набрасывал тезисы статьи о происшедшем на Призраке-5, а Грегор, удобно устроившись в кресле, начал дремать, утомленный бурными событиями прошедших

дней. Затем Арнольд встал и пошел к пульту управления, чтобы включить автопилот.

Вернувшись в каюту, он быстрыми шагами подошел к Грегору и сказал:

— Мне кажется, там кто-то есть.

Грегор тут же вскочил:

— Не может быть. Мы же взлетели…

В этот момент до них донеслось глухое ворчание.

— О-о! — воскликнул Арнольд. На мгновение он задумался. — Мне все понятно. Когда корабль приземлился, я оставил люки открытыми. Мы по-прежнему дышим воздухом Призрака-5.

В дверном проеме возникло огромное серое существо с несчетным количеством рук, ног, щупалец, когтей и зубов. И вдобавок с двумя крошечными крылышками на спине. Оба узнали Ворчуна.

Грегор бросился вперед и захлопнул дверь перед самым носом чудовища.

— Надеюсь, теперь мы в безопасности, — сказал он, тяжело дыша. Отсеки корабля разделялись герметично. — Но как мы сможем управлять кораблем?

— Автопилот справится сам, — успокоил его Арнольд. — А вот что нам делать с этим страши-

лищем?

Тут они заметили легкий дымок, который начал просачиваться через герметичную щель между дверью и перегородкой.

— Что это? — спросил Арнольд, в его голосе слышались панические нотки.

— Разве ты не помнишь? Ворчун может пройти в любую дверь. Ничто не в силах его остановить.

— Я ничего о нем не помню. Он ест людей?

— Нет, насколько мне известно, он разрывает их на части.

Дымок начал обретать очертания серой фигуры Ворчуна. Партнеры ретировались в следующий отсек и закрыли за собой дверь. Через пару секунд они вновь увидели дымок.

— Это нелепо! — возмутился Арнольд. — Бегать от воображаемого чудовища! Постой, у тебя же есть водяной пистолет, не так ли?

— Да, но…

— Дай его сюда!

Арнольд подбежал к крану и, наполнив пистолет водой, выстрелил в появившегося Ворчуна. Но струя воды его не остановила, и они едва успели скрыться за дверью. Для отступления оставалась лишь крошечная спальня с двумя койками, за стенами которой начинался открытый космос.

— Теперь я вспоминаю, — сказал Грегор. — Водяной пистолет никогда не мог остановить Ворчуна. Неужели ничего нельзя сделать с воздухом?

Арнольд покачал головой.

— Конечно, воздух обновляется. Но действие лонгстида-42 сохранится еще часов двадцать.

— Ты не можешь его нейтрализовать?

— Нет.

Ворчун вновь материализовался перед ними.

— Как нам его уничтожить? — спросил Арнольд. — Должен же быть способ! Волшебные слова? Или деревянный меч?

— Ворчуна нельзя убить, — ответил Грегор. — Против него бессильны водяные пистолеты, ружья с пистонами, рогатки и прочее детское оружие. Ворчун абсолютно неуязвим.

— Этот Флинн и его проклятое воображение! И зачем мы только заговорили о нем! Что же нам теперь делать?

Ворчун снова стоял перед ними. Арнольд и Грегор поспешили в спальню и захлопнули последнюю дверь.

— Вспомни, Грегор, — молил Арнольд. — Ни один ребенок не может придумать чудовища, против которого нет защиты. Вспомни!

Дымок в спальне постепенно трансформировался в серое страшилище. Грегсо лихорадочно вспоминал ночные кошмары детства. Ведь ребенок всегда находит способ справиться с неизвестным.

И наконец в последний момент он вспомнил.

...Под управлением автопилота корабль мчался к Земле. Ворчун был здесь полновластным хозяином. Со стонами, ворчанием и ругательствами он слонялся по пустым коридорам, заглядывал в жилые каюты и отсеки с оборудованием и нигде не мог найти свои жертвы.

Достигнув солнечной системы, корабль вышел на окололунную орбиту. Грегор осторожно выглянул наружу, готовый тут же юркнуть обратно. Ни стонов, ни проклятий, ни легкого дымка под дверью.

— Все чисто, — сообщил он Арнольду. — Ворчуна больше нет.

Арнольд высунул голову из-под одеяла, прекрасной защиты против ночных кошмаров, и сел на койке.

— Я же говорил тебе, что водяной пистолет нам не поможет, — сказал Грегор.

Арнольд слабо улыбнулся и положил пистолет в карман.

— Я хочу сохранить его. Когда у меня родится сын, эта игрушка станет его первым подарком.

— Нет, я с тобой не согласен. — Грегор с любовью погладил койку. — Ничто не сможет защитить ребенка лучше, чем натянутое на голову одеяло.

НЕОБХОДИМАЯ ВЕЩЬ

© *Robert Sheckley*, The Necessary Thing, 1955

Роберт Шекли
Фантастический рассказ
Перевел с английского Виктор Вебер
Рис. О. Соловьёвой

«Юный техник» 1981'01

.....

С Грегором и Арнольдом, героями, созданными фантазией известного писателя Роберта Шекли, читатели нашего журнала уже знакомы: в восьмом номере «Юного техника» за прошлый год публиковался рассказ «Призрак-5».

.....

Ричард Грегор сидел за своим столом в офисе «ААА. Служба Обеззараживания Планет», без всякого энтузиазма разглядывая лежащий перед ним длинный список из 2305 наименований и пытаясь вспомнить, не упустил ли он чего-либо.

Антирадиационная мазь? Осветительные ракеты? Очиститель воды? Нет, перечень включал все необходимое. Грегор зевнул и посмотрел на часы.

Арнольду, его партнеру, пора бы и вернуться. Тот отправился заказывать 2305 наименований и должен был проследить за их доставкой на борт космического корабля. Через несколько часов «ААА» предстояло приступить к очередной работе.

Но все ли он записал? Космический корабль похож на затерянный в океане остров, и если на Дементии-2, например, кончится фасоль, вряд ли удастся найти там магазин и пополнить запас. И спасательный корабль не прилетит по первому зову, чтобы заменить сгоревший отражательный экран маршевого двигателя. Запасной экран надо везти с собой вместе с инструкциями и оборудованием для его установки…

Через несколько минут появился Арнольд. Грегор подозрительно посмотрел на своего партнера. Обычно его сияющее лицо и подпрыгивающая походка означали неприятности для «ААА».

— Ты все достал? — спросил Грегор.

— Даже больше! — с гордостью ответил Арнольд.

— Мы должны стартовать.

— Конечно, конечно, — перебил его Арнольд, усевшись на край стола. — Сегодня я сэкономил нам значительную сумму.

— О, — вздохнул Грегор. — Каким же образом?

— Ты же знаешь, — важно объяснил Арнольд, — сколько денег уходит на оснащение обычной экспедиции. Мы берем с собой 2305 наименований на случаи, что они, возможно, нам пригодятся. А в корабле тесно, и большая часть оборудования никогда не используется.

— Кроме тех случаев, — заметил Грегор, — когда оно спасает нам жизнь.

— Я это учел. И вообще рассмотрел эту проблему в целом. И смог значительно сократить список. Совершенно случайно я наткнулся на одну штуку, которую действительно надо везти с собой. Единственная действительно необходимая вещь. Поехали на корабль. Я тебе все покажу.

По дороге в космопорт Арнольд не произнес ни слова и лишь загадочно улыбался. Корабль уже стоял на стартовой площадке.

— Смотри! — воскликнул Арнольд, откинув люк. — Мечта всех космических путешественников.

Грегор увидел большую, необычного вида машину. По всей поверхности клавиши, кнопки, диски, приборы, индикаторные лампочки.

— Что это?

— Разве не прелесть?! — Арнольд с любовью похлопал по передней панели. — Джо, Межзвездный Старьевщик, случайно нашел ее у себя. Я

приобрел ее буквально за гроши.

Грегору все стало ясно. Он уже имел дело с Джо. Продаваемый им хлам, конечно, работал, но мог выкинуть самый неожиданный фортель.

— Ни один из товаров Джо не полетит со мной в космос, — отрезал он. — Надеюсь, мы сумеем продать это на металлолом.

— Подожди, — взмолился Арнольд. — Представь себе следующее: мы в глубоком космосе, и гут забарахлил маршевый двигатель. Проверка показала, что в топливном проводе соскочила стопорная гайка из дюраллоя. Гайку мы найти не можем. Что делать?

— Мы берем новую гайку из тех самых 2305 наименований, взятых именно для этой цели, — ответил Грегор.

— Ага! Но в твоем списке нет дюраллоевых гаек диаметром четверть дюйма! — победоносно воскликнул Арнольд. — Я проверил. Что тогда?

— Не знаю. Может быть, ты мне скажешь?

Арнольд подошел к машине и нажал кнопку.

— Гайка из дюраллоя диаметром четверть дюйма, — сказал он громко и отчетливо.

В машине что-то зажужжало, замигали индикаторные лампочки. Затем передняя панель отошла в сторону, и перед партнерами появилась

блестящая, только что изготовленная дюралло-евая гайка.

— Вот что мы сделаем! — В голосе Арнольда слышалось удовлетворение.

— Однако… — Грегор, несомненно, удивился. — Значит, она делает дюраллоевые гайки. Что еще?

Арнольд снова нажал кнопку.

— Фунт свежих креветок.

На этот раз за панелью оказался фунт свежих креветок.

— Лучше бы я заказал их очищенными, — вздохнул Арнольд и, нажав кнопку, добавил: — Графитовый стержень, длина четыре фута, диаметр два дюйма.

— Значит, она может все?

— Именно. Это Конфигуратор. Попробуй сам.

Грегор нажал на кнопку и получил пинту чистой воды, наручные часы и бутылку кока-колы.

— Однако… — повторил он.

— Разве лучше тащить с собой 2305 наименований? Гораздо проще и логичнее получать необходимое в нужный момент.

— Неплохо, — согласился Грегор. — Но…

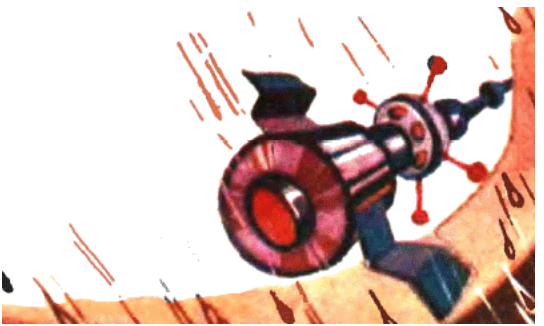
— Что но?

Действительно, что? Он не мог найти ни одного довода. Просто знал, что ни одна из машин Джо

не работала так хорошо, как казалось с первого взгляда.

Через час корабль покинул Землю. Они летели к Деннетту-4, небольшой планете в созвездии Девы. Этот жаркий и плодородный мир имел лишь один существенный недостаток: там практически непрерывно шел дождь.

Им предстояла не слишком сложная работа. Достаточно хорошо исследованные методы контроля климата, многократно проверенные на других планетах, испытывающих аналогичные трудности, позволяли надеяться, что «ААА» справится с ней максимум за неделю и планета станет пригодной для жизни.



Полет прошел без происшествий, и вот на

экране переднего обзора показался Деннетт. Арнольд выключил автопилот и повел корабль на посадку сквозь плотные слои облаков. Наконец, показались вершины гор, а затем они приблизились к плоской, без единого дерева серой равнине.

— Какой странный цвет у этой почвы, — заметил Грегор.

Арнольд согласно кивнул. Выровняв корабль, он подвел его к ровной площадке и выключил двигатель.

— Интересно, почему нет растительности? — спросил Грегор.

Через мгновение он получил ответ. Корабль провалился сквозь равнину и, пролетев, как потом выяснилось, еще десяток футов, шлепнулся на землю.

Такой плотный туман, который они приняли за твердую поверхность, мог сформироваться только на Деннетте. Торопливо ощупав себя и убедившись, что кости целы, отстегнули предохранительные ремни и приступили к осмотру корабля.

Свободное падение не пошло ему на пользу. Радиостанция и автопилот разлетелись вдребезги, помялась обшивка и, что самое худшее, постра-

дала система управления двигателем.

— Нам еще повезло, — заметил Арнольд.

— Да, — согласился Грегор, всматриваясь в окружающий их туман, — но в следующий раз при посадке надо пользоваться приборами.

— В какой-то степени я даже рад случившемуся, — продолжал Арнольд. — Теперь ты увидишь, зачем нам нужен Конфигуратор.

Они составили перечень поврежденных деталей и узлов. Арнольд подошел к Конфигуратору, нажал на кнопку и сказал:

— Анодная пластина ускорителя, площадь пять квадратных дюймов, толщина полдюйма, сплав 342.

Машина мгновенно выполнила приказание.

— Нам нужно десять штук, — напомнил Грегор.

— Я знаю. Еще одну, — сказал Арнольд, нажимая кнопку.

Конфигуратор не прореагировал.

— Наверное, требуется полная команда, Арнольд жал на кнопку и повторил заказ.

Конфигуратор безмолвствовал.

— Странно, — удивился Арнольд, попробовал

еще раз и снова безрезультатно. Затем он глубоко задумался и снова нажал на кнопку. — Пластмассовая чашка!

Передняя панель отошла в сторону, открыв ярко-голубую пластмассовую чашку.

— Еще одну!

Машина оставила просьбу без ответа. Тогда Арнольд потребовал цветной мелок и тут же получил его.

— Еще один мелок!

Никакой реакции.

— Очевидно, Конфигуратор может сделать все, что угодно. Но только в одном экземпляре, — заметил Арнольд.

— Все это хорошо, — проворчал Грегор, — но нам нужно еще девять анодных пластин. И четыре одинаковых элемента системы управления. Что ты собираешься делать?

— Мы что-нибудь придумаем.

— Надеюсь, — вздохнул Грегор.

Они сели и глубоко задумались.

— Есть только одно объяснение, — воскликнул Арнольд несколько часов спустя. — Принцип удовольствия!

— А? — Грегор испуганно вздрогнул. Он уже давно дремал, убаюканный мерным шумом пада-

ющих на обшивку корабля капель дождя.

— Эта машина, несомненно, обладает определенным уровнем сознания, — продолжал Арнольд. — Она получает приказ, анализирует его и выдает требуемый продукт, характеристики которого заложены в ее памяти.

— Но только в единственном числе, — отметил Грегор.

— Но почему? Думаю, мы столкнулись с самоналоженным ограничением, связанным с тягой к наслаждениям. Или, возможно, к псевдонаслаждениям.

— Что-то не пойму тебя.

— Послушай. Создатели Кон-единственное объяснение: машина такой сложности приобретает псевдочеловеческие качества. Она испытывает псевдочеловеческое удовольствие от создания новой вещи. Но любая вещь бывает новой лишь однажды. А потом Конфигуратор хочет создать что-то еще. Заветное желание Конфигуратора — создать все, что возможно. С его точки зрения, повторение является просто тратой времени.

— Никогда не слышал подобной ерунды, — Грегор зевнул. — Допустим, ты прав. Но нам-то что делать?

— Не знаю.

— Я так и думал.

В этот день на обед Конфигуратор приготовил вполне сносный бифштекс, а на десерт партнеры получили яблочный пирог и швейцарский сыр. Настроение их существенно улучшилось.

— Заменители! — воскликнул Грегор, наслаждаясь полученной из машины гаванской сигарой. — Вот что стоит попробовать. Пластины можно изготовить не толь-из сплава 342. Нам ведь нужно лишь дотянуть до Земли.

Однако получить пластины из железа или содержащих его сплавов, аналогичных 342-му, им не удалось. С бронзой все получилось, но ничего не вышло с медью и оловом. Затем последовали алюминий, кадмий, платина, золото и серебро. Пластина из вольфрама казалась настоящим чудом Арнольд дорого бы отдал, чтобы узнать, как машина ее сделала. Грегор отказался от плутония, но вспомнил о сверхпрочной керамике. Последнюю пластину они получили из цинка.

Друзья славно потрудились и отметили это прекрасным ужином.

На следующий день они поставили пластины на место. Теперь двигатель по внешнему виду напоминал лоскутное одеяло.

— По-моему, неплохо, — сказал Арнольд.

— Надеюсь, выдержит, — вздохнул Грегор. — Давай займемся системой управления.

Итак, не хватало четырех идентичных элементов, сложных, точных конструкций из стекла и металла. Тут заменители не подходили.

Первый элемент Конфигуратор выдал без промедления. И все. К полудню партнеры выдохлись.

— Есть идеи? — спросил Грегор.

— Давай сделаем перерыв и пообедаем.

Они заказали салат из крабов. Конфигуратор на мгновение зажужжал, но передняя панель не сдвинулась с места.

— Что случилось? — спросил Грегор.

— Этого-то я и боялся, — вздохнул Арнольд.

— Чего этого? Мы же еще не заказывали крабов.

— Нет, но уже получили креветки. И те и другие имеют хитиновый покров. Боюсь, Конфигуратор знаком с классификацией видов.

— Тогда придется открыть консервы.

— Ну, — слабо улыбнулся Арнольд, — купив Конфигуратор, я решил, что не стоит беспокоиться… Ну, в общем…

— Консервов нет?

— Нет.

Они попросили семгу, форель, тунца. Безрезультатно. Жареную свинину, баранью ногу, говяжью вырезку. Ничего.

— Похоже, что наш вчерашний бифштекс олицетворял всех млекопитающих, — сказал Арнольд. — Это интересно. Кажется, мы сможем создать новую теорию класс…

— Умирая от голода, — прервал его Грегор. Он попросил жареного цыпленка и тут же получил его.

— Эврика! — воскликнул Арнольд.

— Черт! — выругался Грегор… — Надо было просить печеного страуса.

После скромного ужина, состоящего из остатков цыпленка, Арнольд подошел к Грегору.

— Может получиться, — сказал он.

— Получиться что?

— Принцип удовольствия. — Он зашагал по каюте. — Машина обладает псевдочеловеческим качеством. Определенно, она склонна к обучению. Думаю, нам удастся научить ее испытывать наслаждение от многократного воспроизведения одного и того же предмета. В частности, элемента системы управления.

— Стоит попробовать, — согласился Грегор.

Всю ночь они говорили с Конфигуратором.

Арнольд убедительно нашептывал о прелестях повторяемости. Грегор важно рассуждал об эстетических достоинствах, присущих созданию такого сложного устройства, как элемент системы управления, и не единожды, а многократно, с абсолютной идентичностью каждого из них.

Мигание лампочек показывало, что Конфигуратор внимательно слушает. И наконец, при первых проблесках туманной зари Арнольд нажал на кнопку и дал команду на изготовление элемента системы управления.

Машина заколебалась. В усилившемся жужжании слышалась охватившая ее неуверенность. И тут панель отошла в сторону, открыв еще один элемент системы управления.

— Победа! — закричал Грегор и попросил еще один элемент. В жужжании появились басовые нотки, но панель не шевельнулась.

Грегор попробовал еще раз, но панель не сдвинулась с места. Теперь намерения Конфигуратора не вызывали сомнении: никаких двойников.

— Что это с ним? — спросил Грегор.

— Все, очевидно, — грустно объяснил Арнольд. — Конфигуратор решил попробовать, что же такое повторение. И пришел к выводу, что оно ему не нравится.

— Это бесчеловечно! — простонал Грегор.

— Наоборот — это так на человека, — печально Арнольд.

Подошло время еды, и партнерам пришлось поломать голову, чтобы получить что-то, хотя бы отдаленно напоминающее обед. Овощи не вызвали трудностей, но оказались не слишком питательны. Машина выдала им кусок хлеба, но отказала в торте. Съеденный днем раньше сыр вывел из их рациона молочные продукты. Лишь после долгих мучений они добились фунта мяса.

После еды Грегор снова принялся убеждать Конфигуратор, расписывая радости повторения. Мерное жужжание и едва заметное мерцание ламп указывали на то, что Конфигуратор пропускает все его слова мимо ушей.

Во внутренние помещения корабля проникла плесень, на стальной анодной пластине появилась ржавчина. Машина все так же слушала хвалу повторяемости, но никак не реагировала.

Приблизилось время очередного приема пищи. Они получили… ножки лягушки, кузнечиков, запеченных в тесте (старинное азиатское блюдо), и филе из игуаны. Закусив холоднокровными, насекомыми и кузнечиками, они поняли, что в дальнейшем от Конфигуратора еды не жди…

От ужасной диеты и напряжения длинное лицо Грегора стало еще костлявее, Арнольд обнаружил плесень у себя в волосах. А на планете непрерывно шел дождь. Космический корабль медленно оседал под собственным весом, погружаясь в мягкую почву.

И тут Грегора осенило. Последний крохотный шанс на успех, но им нельзя пренебрегать, осторожно приблизился к Конфигуратору. Арнольд пристально наблюдал за ним, встревоженный лихорадочным блеском глаз партнера.

— Последний шанс, — прорычал Грегор. Дрожащей рукой он нажал на кнопку и что-то прошептал.

В первый момент ничего не изменилось. И вдруг Арнольд закричал: «Отходи, скорее отходи!»

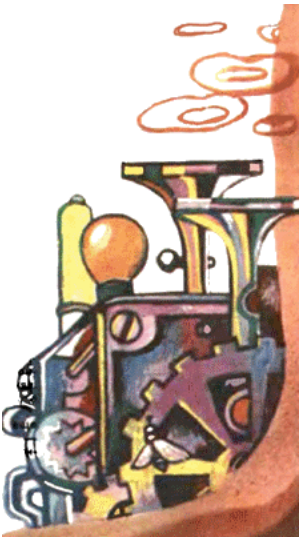
Машина задрожала, замигали огни, индикаторы светились зловещим пурпуром.

— Что ты приказал ей сделать? — спросил Арнольд.

— Себя, — коротко ответил Грегор.

Конфигуратор вздрогнул и выпустил облако черного дыма. Партнеры закашлялись, закрыли лицо руками. Когда дым рассеялся, рядом с покрытым облупившейся краской Конфигура-

тором стоял его новенький, сияющий глянцем двойник.



— Ура! — воскликнул Арнольд, хлопая Грегора по спине. — Ты нас спас!

Тот сухо улыбнулся:

— И не только — я сделал нам состояние.

Подошел к двойнику, нажал на кнопку. И из черного облака дыма возник еще один Конфигуратор.

Через неделю Арнольд, Грегор и три Конфигуратора прибыли в космопорт, полностью закончив работу на Деннетте. Арнольд первым делом отправился на Кэнел-стрит, затем в центр Нью-Йорка. Через три часа вернулся на корабль.

— Все в порядке, — радостно прокричал он. — Я встретился с несколькими ювелирами. Мы можем продать примерно двадцать крупных алмазов, не сбивая цен. Потом, полагаю, мы переключимся на платину, а… что случилось?

— Ничего не замечаешь? — резко спросил Грегор.

— А что? — Арнольд растерянно оглядел каюту, Грегора, Конфигураторы. Наконец он понял. Когда он уезжал, их было три, теперь стало четыре.

— Ты приказал сделать еще один? — спросил Арнольд. — Прекрасно. А сейчас давай ступим к алмазам…

— Ты ничего не понял, — покачал головой Грегор. — Смотри.

Он нажал на кнопку ближайшего Конфигуратора и сказал: «Алмаз!»

Конфигуратор выплюнул облако дыма и… очередной Конфигуратор!

— Проклятый принцип удовольствия! — рявкнул Грегор. — Повторение! Эти чертовы машины

сошли с ума!

СРАЖЕНИЕ

ARMY
Souvenir

© *Stephen King*, **Battleground, 1972**

Стивен Кинг
Фантастический рассказ
Перевод с английского Леонида Володарского
Рисунок В. Овчининского

«Юный техник» 1981'10

— Мистер Реншо?

Голос портье остановил Реншо на полпути к лифту. Он обернулся и переложил сумку из одной руки в другую. Во внутреннем кармане его пиджака похрустывал тяжелый конверт, набитый двадцати- и пятидесятидолларовыми купюрами. Он прекрасно поработал, и Организация хорошо с ним расплатилась, хотя, как всегда, вычла в свою пользу двадцать процентов комиссионных. Теперь Реншо хотелось принять душ и лечь спать:

— В чем дело?

— Вам посылка. Распишитесь, пожалуйста.

Реншо вздохнул и задумчиво посмотрел на коробку. К ней был приклеен листок бумаги, на нем угловатым с обратным наклоном почерком написаны его фамилия и адрес. Почерк показался Реншо знакомым. Он потряс коробку, внутри что-то еле слышно звякнуло.

— Хотите, чтоб ее вам принесли потом, мистер Реншо?

— Нет, я возьму посылку сам.

Коробка около полуметра в длину, держать такую под мышкой неудобно. Он поставил ее на покрытый великолепным ковром пол лифта и повернул ключ в специальной скважине над рядом простых кнопок — Реншо жил в роскошной квартире на крыше здания. Лифт плавно и тихо пошел вверх. Он закрыл глаза и прокрутил на экране своей памяти последнюю «работу».

Сначала, как всегда, позвонил Кэл Бэйтс:

— Джонни, ты свободен?

Реншо — очень хороший и надежный специалист, он свободен всего два раза в год, минимальная такса — 10 000 долларов, клиенты платят деньги за его безошибочный инстинкт хищника. Ведь Джон Реншо ХИЩНИК, генетикой и окружающей средой он великолепно запрограммирован убивать, оставаться в живых и снова убивать.

После звонка Бэйтса Реншо нашел в своем почтовом ящике светло-желтый конверт с фамилией, адресом и фотографией. Он все запомнил, сжег конверт со всем содержимым и выбросил пепел в мусоропровод.

В тот раз на фотографии было бледное лицо

какого-то Ганса Морриса, владельца и основателя «Компании Морриса по производству игрушек» в Майами. Этот тип кому-то мешал, человек, которому он мешал, обратился в Организацию, и она в лице Кэла Бэйтса поговорила с Джоном Реншо.

Двери кабины лифта открылись, он поднял посылку, вышел и открыл квартиру. Начало четвертого, просторная гостиная залита апрельским солнцем. Реншо несколько секунд с удовольствием постоял в его лучах, положил коробку на столик у двери, бросил на нее конверт с деньгами, распустил узел галстука и вышел на террасу.

Там было холодно, и пронизывающий ветер обжег его через тонкое пальто. Но Реншо все же на минуту задержался, разглядывая город, как полководец захваченную страну. По улицам, как жуки, ползет транспорт. На востоке, за роскошными жилыми небоскребами, еле видны набитые людишками грязные трущобы, над которыми возвышается лес телевизионных — антенн из нержавейки. Нет, здесь, наверху, жить лучше, чем живут там.

Он вернулся в квартиру, закрыл за собой дверь на террасу и пошел в ванную понежиться под горячим душем.

Через сорок минут Джон Реншо вышел из душа,

и не торопясь стал разглядывать коробку.

В ПОСЫЛКЕ БОМБА.

Разумеется, ее там нет, но вести себя надо, как будто в посылке бомба. Он делает так всегда и именно поэтому прекрасно себя чувствует, тогда как многие другие давно уже вознеслись на небеса.

Если это и бомба, то без часового механизма. — никакого тикания из коробки не доносится. Но вообще-то сейчас пользуются пластиковой взрывчаткой. Поспокойнее штука, чем все эти часовые пружины.

Реншо посмотрел на почтовый штемпель: Майами, 15 апреля. Отправлено пять дней назад. Бомба с часовым механизмом уже бы взорвалась.

Значит, посылка отправлена из Майами.

Он полностью сосредоточился и, сцепив руки, не шевелясь, разглядывал посылку. Лишние вопросы — откуда близкие Морриса узнали его адрес — не волновали Реншо. Он задаст их позже Бэйтсу. Сейчас это неважно.

Как бы рассеянно он достал из бумажника маленький пластмассовый календарь, засунул его под веревку и клейкую ленту — «скотч» отошел. Он немного подождал, наклонился и понюхал.

Ничего, кроме-картона, бумаги и веревки. Он походил вокруг столика, присел перед коробкой на корточки: кое-где бумага отошла — показался зеленый металлический ящичек с петлями. Реншо достал перочинный нож, перерезал веревку — оберточная бумага свалилась.

Зеленый металлический ящичек с черными клеймами. На нем белыми трафаретными буквами написано: «Вьетнамский сундучок американского ветерана Джо». И чуть пониже: «Двадцать пехотинцев, десять вертолетов, два пулеметчика, два врача, две базуки, четыре «джипа». Внизу, в углу: «Компания Морриса по изготовлению игрушек».

Реншо протянул руку и отдернул ее — в сундучке что-то зашевелилось.

Он встал, — пересек комнату, зажег свет: уже стемнело.

«Вьетнамский сундучок» раскачивался, коричневая оберточная бумага скрипела под ним. Неожиданно он перевернулся и с глухим стуком упал на ковер. Крышка на петлях приоткрылась сантиметров на пять.

Крошечные пехотинцы — ростом сантиметра по четыре — начали выползать через щель. Реншо, не мигая, наблюдал за ними. Разум Реншо

не пытался объяснить невозможность происходящего, а только прикидывал, какая опасность угрожает ему и что надо сделать, чтобы выжить.

Пехотинцы были в полевой форме, касках, с вещевыми мешками, за плечами миниатюрные карабины. Двое посмотрели через комнату на Реншо. Глазе у них были не больше карандашных точек.

Пять, десять, двенадцать, вот и все двадцать. Один из них жестикулировал, отдавая приказы остальным. Те построились вдоль щели и начали толкать крышку — щель увеличилась.

Реншо взял с дивана большую подушку и пошел к сундучку. Командир обернулся и махнул рукой. Пехотинцы взяли карабины на изготовку, раздались негромкие хлопающие звуки, и Реншо внезапно почувствовал что-то вроде пчелиных укусов.

Тогда он бросил подушку, пехотинцы упали, а крышка сундучка распахнулась. Оттуда, жужжа, как стрекозы, вылетели миниатюрные вертолеты, раскрашенные в зеленый цвет.

Негромкое «пах! пах! пах!» донеслось до Реншо, тут же он увидел в дверях вертолетов крошечные вспышки пулеметных очередей и почувствовал, как будто кто-то начал колоть его иголками в жи-

вот, правую руку, шею. Он быстро протянул руку, схватил какой-то из вертолетов, и резкая боль ударила по пальцам — вращающиеся лопасти разрубили пальцы до кости. Остальные отлетели подальше и принялись кружить вокруг, как слепни. Ранивший его вертолет упал на ковер и лежал неподвижно.

Реншо закричал от неожиданной боли в ноге. Один пехотинец стоял на его ботинке и бил Реншо штыком в щиколотку. На Джона смотрело крошечное злое лицо.

Реншо отшвырнул пехотинца ногой.

Раздался негромкий кашляющий взрыв — боль пронизала бедро. Из сундучка вылез пехотинец с базукой — из ее дула лениво поднимался дымок. Реншо посмотрел на ногу и увидел в брюках черную дымящуюся дыру размером с монету в двадцать пять центов. На теле был ожог.

Он повернулся и через холл пробежал в спальню. Рядом с его щекой прожужжал вертолет, выпустил короткую пулеметную очередь и полетел прочь.

Под подушкой у Реншо лежал револьвер большого калибра. Он схватил револьвер двумя руками, повернулся и понял, что придется стрелять по летающей мишени не больше электрической

лампочки.

На него зашли два вертолета. Сидя на постели, Реншо выстрелил, и один вертолет разлетелся на кусочки. «Одним меньше», — подумал он, прицелился во второй… нажал курок…

Вертолет неожиданно пошел на него по дуге, лопасти винтов вращались с огромной скоростью. Реншо успел увидеть пулеметчика, стрелявшего точными, короткими очередями, и бросился на пол.

ОН ЦЕЛИЛСЯ МНЕ В ГЛАЗА!

Прижавшись спиной к дальней стене, Реншо поднял револьвер, но вертолет уже удалялся. Казалось, он на мгновение застыл в воздухе, нырнул вниз, как бы признавая преимущество огневой мощи Реншо, и улетел в сторону гостиной.

Реншо поднялся, наступил на раненую ногу и сморщился от боли. «Много ли на свете людей, — мрачно подумал он, — в которых попали из базуки, а они остались в живых?»

Сняв с подушки наволочку, он перевязал ногу, взял зеркальце для бритья, подошел к двери, встал на колени, выставил его на ковер и увидел…

Они разбили лагерь у сундучка. Крошечные солдатики сновали взад и вперед, устанавлива-

ли палатку, деловито разъезжали на «джипах». Над солдатом, которого Реншо ударил ногой, склонился врач. Оставшиеся восемь вертолетов охраняли лагерь, барражируя на высоте кофейного столика.

Неожиданно они заметили зеркальце. Трое пехотинцев встали и открыли огонь с колена. Через несколько секунд оно разлетелось.

НУ ЛАДНО, ПОГОДИТЕ.

Реншо взял с туалетного столика тяжелую коробку из красного дерева, которую подарили ему на рождество, взвесил ее в руке, подошел к двери, резко открыл ее и с размаху швырнул коробку, как бейсболист бросает мяч. Коробка сбила пехотинцев, как кегли. Один «джип» перевернулся два раза. Стоя в дверях, Реншо выстрелил и попал в солдата.

Но несколько пехотинцев уже пришли в себя и стреляли с колена: другие быстро попрятались.

Реншо выстрелил еще раз — мимо. Очень уж они маленькие! Но следующим выстрелом он уничтожил еще одного пехотинца.

Яростно жужжа, на него летели вертолеты, крошечные пульки попадали ему в лицо выше и ниже глаз. Реншо расстрелял два вертолета. От режущей боли ему застилало глаза.

Оставшиеся шесть вертолетов разделились на два звена и отступили. Рукавом он вытер кровь с лица и приготовился стрелять, но остановился. Пехотинцы, укрывшиеся в сундучке, что-то оттуда выкатывали. Похоже…

Последовала ослепительная вспышка желтого огня, и слева от Реншо полетела штукатурка.

РАКЕТНАЯ УСТАНОВКА!

Он выстрелил, промахнулся, повернулся, добежал до ванной в конце коридора и заперся там. Посмотрев в зеркало, он увидел обезумевшего в сражении индейца с дикими перепуганными глазами. Лицо индейца было в подтеках красной краски, которая натекала из крошечных, как перчинки, дырочек. Кожа на щеке содрана, на шее как будто борозду пропахали.

Я ПРОИГРЫВАЮ СРАЖЕНИЕ!

Дрожащей рукой он провел по волосам. Входная дверь отрезана. До телефона не добраться. Ракетная установка — прямое попадание, и ему голову оторвет.

ПРО НЕЕ ДАЖЕ НА КОРОБКЕ НАПИСАНО НЕ БЫЛО!

Из двери вылетел кусок дерева величиной с кулак. Маленькие языки пламени лизали рваные края дыры — он увидел яркую вспышку — они

пустили еще одну ракету. В ванную полетели обломки, горящие щепки упали на коврик. Реншо затоптал их — через дыру влетели два вертолета, посылая ему в грудь пулеметные очереди.

С протяжным гневным стоном он сбил один рукой. Отчаяние подсказало выход — на второй Реншо накинул тяжелое махровое полотенце и, когда вертолет упал на пол, растоптал его.

ВОТ
ТАК! ВОТ ТАК! ТЕПЕРЬ ОНИ ПРИЗАДУМАЮТСЯ!

Похоже, они действительно призадумались. В течение пятнадцати минут все было спокойно. Реншо сел на край ванны и принялся лихорадочно размышлять: должен же быть выход из этого тупика. Обязательно. Обойти бы их с фланга.

Он резко повернулся и посмотрел на маленькое окошко над ванной. Из этой ловушки есть выход.

Его взгляд упал на баллончик сжиженного газа для зажигалки. Реншо протянул за ним руку — и услышал сзади шуршание. Он быстро развернулся, вскинул револьвер, но под дверь подсунули всего лишь клочок бумаги. Щель настолько узкая, мрачно подумал Реншо, что в нее даже ОНИ не пролезут.

Крошечными буковками на клочке было напи-

сано: «СДАВАЙСЯ!»

Реншо угрюмо улыбнулся, положил баллон с жидкостью в нагрудный карман, взял с аптечки огрызок карандаша, написал на клочке: «ЧЕРТА С ДВА!»: и просунул его обратно.

Мгновенно ему ответили ослепляющим ракетным обстрелом — Реншо отскочил от двери. Ракеты влетали через дыру и взрывались, попадая в стену, облицованную бледно-голубыми плитками, превращая ее в лунный пейзаж. Реншо прикрыл рукой глаза — горячим дождем шрапнели полетела штукатурка, прожигая его рубашку на спине.

Когда обстрел закончился, Реншо залез на ванну и открыл окошко. На него смотрели холодные звезды. За маленьким окошком узкий карниз, но сейчас нет времени об этом думать.

Он высунулся в окошко, и холодный воздух ударил в лицо. Реншо посмотрел вниз: сорок этажей. С этой высоты улица казалась не шире полотна детской железной дороги.

С легкостью тренированного гимнаста Реншо бросил свое тело вверх и встал коленями на нижнюю часть рамы. Если хоть один из этих слепней-вертолетиков сейчас влетит в ванную через дыру в двери и начнет стрелять, он, вероят-

нее всего, с криком полетит вниз.

Но ничего не случилось.

Он извернулся, просунул в окошко ногу и схватился за свес над ним. Мгновением позже Реншо стоял на карнизе.

Стараясь не думать об ужасающей бездне под ногами и о том, что будет, если вертолеты полетят за ним, Реншо медленно двигался к углу здания.

Осталось четыре метра… три… Ну вот, дошел. Он остановился, прижавшись грудью к стене, раскинув по ней руки, чувствуя баллон в нагрудном кармане и придающий уверенность вес револьвера за поясом.

Теперь надо обогнуть угол…

В девяти метрах терраса перед его гостиной…

Наконец он схватился руками за железные перила, украшенные орнаментом.

Реншо бесшумно залез на террасу, через стеклянную раздвижную дверь осторожно заглянул в гостиную. Они его не заметили.

Четыре пехотинца и вертолет охраняли сундучок. Остальные, наверное, с ракетной установкой расположились перед дверью в ванную.

Так. Резко ворваться в гостиную, уничтожить тех, что у сундучка, выскочить из квартиры, сесть в такси — и в аэропорт.

Он снял рубашку, оторвал длинный лоскут от рукава, смочил один его конец жидкостью из баллона, а другой запихал в баллон, достал зажигалку, поджег лоскут, с треском отодвинул стеклянную дверь и бросился внутрь.

Вертолет сразу пошел на него в атаку — как камикадзе. Реншо сбил его рукой.

Пехотинцы бросились в сундучок.

Все остальное произошло мгновенно.

Реншо швырнул загоревшийся и превратившийся в огненный шар баллон, мгновенно повернулся и рванулся к двери.

Он так и не успел понять, что произошло.

Раздался грохот, как будто стальной сейф швырнули с большой высоты. Все здание вздрогнуло…

* * *

Мужчина и женщина шли по улице. Они испуганно посмотрели вверх и увидели огромную белую вспышку — как будто сто фотоблицев сработали одновременно.

— Что это? — спросила его спутница.

— Кто-то сжег пробки, — сказал мужчина.

Какая-то тряпка медленно и лениво падала рядом с ними. Мужчина протянул руку, поймал ее:

— Господи, мужская рубашка, вся в крови и в

маленьких дырочках.

— Мне это не нравится, — сказала женщина, нервничая. — Вызови такси, Раф.

Мужчина огляделся, подозвал такси. Машина остановилась, они побежали к ней и уже не видели, как у них за спиной приземлился еще и листок бумаги, на котором было написано:

Эй, ДЕТИШКИ! ТОЛЬКО В НЕСКОЛЬКИХ ВЬЕТНАМСКИХ СУНДУЧКАХ!

1 ракетная установка

20 ракет «Твистер» класса «земля — воздух»

1 термоядерный заряд.

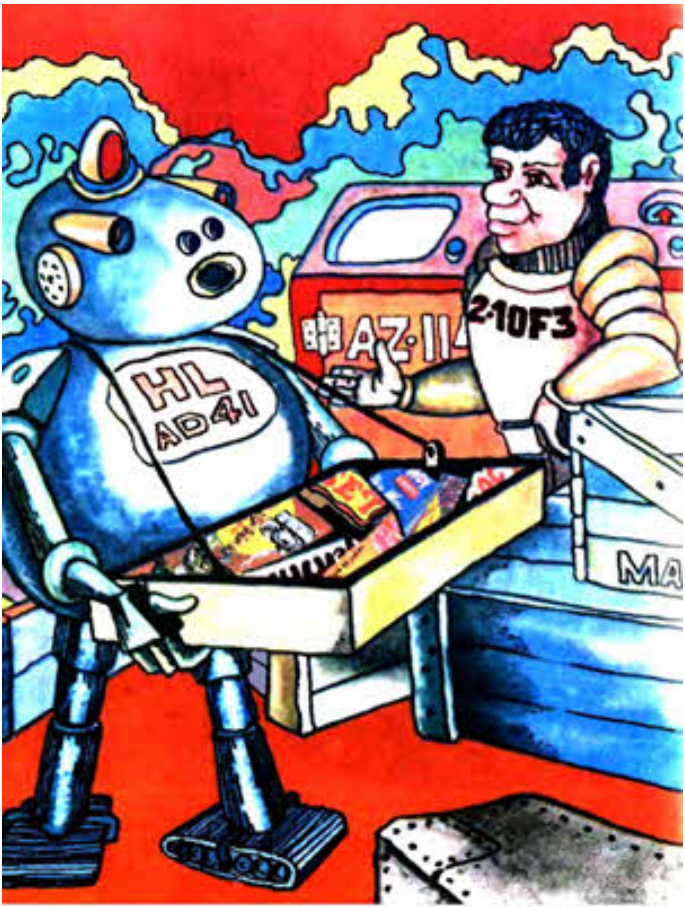
.....

Любители фантастики знают, насколько отличается солнечный, яркий мир будущего в рассказах, повестях, романах советских мастеров этого жанра от книг писателей Запада, в которых так часто будущее представляется мрачным и жестоким. Сюжеты их произведений становятся как бы продолжением того мира, где они живут, где царят жестокость и насилие, где нагнетается военная истерия. Часто фантастические произведения становятся беспощадной сатирой

на окружающую действительность.

Сатиричен и рассказ «Сражение», который вы прочитали. Автор нашел для осуждения насилия любопытный и парадоксальный прием: игрушки. Миллионы игрушечных ракет, самолетов, подводных лодок выпускаются сегодня в Америке, с детства приучая ребят к мысли о войне. И вот эти милитаристские суперкибернетические игрушки в жестоком мире Америки будущего вступают в сражение с наемным убийцей. Погибает всего один убийца, разрушается один набор милитаристских игрушек, но мир равнодушия и жестокости этого и не замечает. И завод продолжает штамповать «сундучки», которые пробуждают в ребятах будущих «зеленых беретов», наемников, таких же, как Реншо.

«ЧЕСТНЫЙ КОНТРАКТ»


HL
AD41
AZ-11
2-10F3

© *Robert Silverberg*, Company Store, 1959

Роберт Сильверберг
Фантастический рассказ
Перевел с английского Виктор Вебер
Рис. А. Назаренко

«Юный техник» 1982'01

Колонист Рой Вингерт сжал рукоятку бластера и прицелился червеобразное страшилище, выползающее из-за груды ящиков с его имуществом.

— А они говорили, что планета необитаема… — пробурчал он.

Вингерт нажал на спусковой крючок, и из ствола вылетела струя фиолетового пламени. Еще два показались из-за дерева слева…

— Ничего опасного, — хмыкнул Вингерт и, перезарядив бластер, поджарил незваных гостей.

Громкие звуки заставили его оглянуться. Какие-то существа, похожие на жабу, но огромной величины, большими прыжками приближались сквозь невысокую растительность. Расправив плечи, он приготовился к защите.

— Извините, сэр, — неожиданно раздался чей-то голос. — Похоже, что вы попали в затруднительное положение. Позвольте предложить

вам портативный генератор силового поля. Его стоимость всего лишь…

— К черту стоимость! — рявкнул Вингерт. — Скорее включай!

Через мгновение над ним появился мерцающий голубой купол. Коснувшись его, обе жабы отлетели.

— Благодарю, — сказал колонист. — Вы спасли мне жизнь. Но кто вы такой и как попали на эту планету?

— Разрешите представиться. Я ХЛ-ад41, новая модель Торгующего и Разносящего Робота, изготовленная на Денсоболе-2. Сюда я прибыл недавно и, оценив ситуацию…

Перед Вингертом действительно был робот, сделанный по образу и подобию человека, но передвигающийся на двух широких гусеницах.

— Я механический путешествующий коммивояжер, представитель «Межгалактического общества честной торговли». Мое назначение — продавать в цивилизованной части Галактики товары, произведенные моими создателями — «Объединением мастеровых Денсобола-2». Вы, вероятно, с Земли?

— Да, но…

— Я так и думал. К этому заключению я при-

шел, сравнив показания датчиков с данными, заложенными в моей памяти.

Вингерт задумчиво смотрел на купол силового поля.

— Генератор Дьюарма, одно из наших последних достижений, действует только в одном направлении. Они не могут попасть сюда, но вы можете в них стрелять.

— Почему не сказал об этом раньше? — Вингерт двумя выстрелами разделался с жабами. — Отлично, — хмыкнул он. — А теперь подождем остальных.

— О, их не будет, — сказал робот. — Здесь они не водятся.

— А как же они попали сюда?

— С моей помощью. Я привез их, чтобы убедить вас в необходимости приобретения генератора силового по…

— Ты сюда их привез?! — взревел Вингерт. — Специально, чтобы продемонстрировать качество своего товара?! Они же могли меня съесть!

— Я полностью контролировал положение и вмешался при появлении реальной угрозы.

— Убирайся отсюда! — кричал Вингерт.

— Но вы должны заплатить мне за…

— Это мы решим позднее. Убирайся, да пожи-

вее.

Робот ушел. Вингерта позабавила неуклюжая тактика механического торговца. Конечно, ловкий прием — собрать несколько страшилищ и в последнюю минуту предложить генератор силового поля, но ни к чему клиенту об этом рассказывать.

Колонист подозрительно посмотрел на лес, надеясь, что робот сказал правду. Он подписал «Честный Контракт» с «Колонизацией Планет, Инкорпорейшн» и прилетел на Квеллак вовсе не для того, чтобы сражаться за свою жизнь.

Генератор по-прежнему работал. Внимательно осмотрев панель управления, Вингерт нашел рычажок, регулирующий радиус действия, и переставил его на тридцать футов. Он решил, что пора переходить к делу. В первый час, проведенный на Квеллаке, он только стрелял. А в «Руководстве колонисту» говорилось; «По прибытии на планету колонист первым делом должен привести в действие массопередатчик». Вингерт оглядел гору ящиков. Вскоре он нашел большую желтую коробку с надписью: «Массопередатчик».

Снял упаковку. Тот выглядел как письменный стол с двумя большими тумбами. На дверцах

были надписи: «Отправление» и «Прием». Всю верхнюю панель занимали кнопки, диски приборов и большой экран. В «Руководстве» говорилось: «Все необходимое будет послано с Земли с помощью массопередатчика бесплатно». Вингерт улыбнулся. Все необходимое. Он мог получить башмаки на магнитной подошве, сигары, массопередатчики малого радиуса действия…

В левом верхнем углу Вингерт нашел кнопку «Включение», нажал на нее. Внутри массопередатчика что-то зажужжало, по экрану пошли полосы, и наконец появилось полное лицо.

— Привет! Я — Смейтерс из Земного офиса. Я представляю Компанию для массопередатчиков от А, Зет-1061 до Б.Ф-80. Не могли бы вы назвать свою фамилию, регистрационный номер и координаты?

— Рой Вингерт, номер 76-032-10ф3. Планета Квеллак.

— С приездом, колонист Вингерт! Как вам понравилась планета?

— Не очень. Она обитаема. И местная фауна настроена враждебно. В «Честном Контракте» же указано, что меня отправят в необитаемый мир.

— Прочтите «Честный Контракт» еще раз, колонист Вингерт. Насколько я помню, там говорится,

что вы не встретите опасных животных. Но поговорим о другом. — Смейтерс улыбнулся. — Я хочу напомнить, что компания всегда готова оказать вам любую услугу… Не хотели бы вы сделать первый заказ?

— Думаю, ничего не нужно, кроме… Да! Пошлите лезвия для безопасной бритвы и тюбик крема для бритья. Я забыл взять свои лезвия…

— Разве вы не собираетесь отрастить бороду? — удивился Смейтерс.

— Нет.

— Хорошо, я дам указание переслать вам лезвия и крем.

— Благодарю, — ответил Вингерт.

По «Честному Контракту» работа Вингерта заключалась в «осмотре и подготовке планеты к приему будущих поселенцев». Колонист был авангардом, посланным компанией. За это он получал тысячу долларов в месяц плюс «все необходимое» через массолередатчик.

— Извините, — раздался голос робота. — Я случайно услышал ваш разговор о бритвенных принадлежностях…

— Я же велел тебе убраться!

Но робот достал прозрачный тюбик с зеленой пастой.

— Крем Глоглама для удаления волос. Двенадцать порций. Цена — один доллар.

— С Земли я все получу бесплатно. Кроме того, предпочитаю безопасную бритву.

— Похоже, вы не понимаете, что ваш отказ покупать у меня различные товары, — робот печально вздохнул, — указывает на мою неспособность их продать. В результате при возвращении на Денсобол-2 меня могут демонтировать. Отнеситесь к моим товарам без предубеждения. — Робот сделал паузу. — Я возьму на себя смелость предложить образец крема Глоглама бесплатно.

Робот выдавил зеленую пасту на маленькую розетку и протянул Вингерту.

Вингерт подозрительно посмотрел на розетку. Мало того, что на Земле не скроешься от назойливой рекламы, и в глубоком космосе коммивояжеры. Однако если этот механический торговец похож на своих земных собратьев. То отделаться от него можно, лишь сделав какую-то покупку. К тому же Вингерт, сам в прошлом коммивояжер, испытывал в душе некоторую симпатию к бедолаге-роботу, которого могли разобрать на части за неумение торговать.

Он осторожно подцепил пальцем капельку зеленой пасты, втер в щеку и достал из кармана

зеркало. Там, где крем коснулся щеки, не осталось ни единого волоска. Остатка пасты хватило на одну щеку и большую часть подбородка.

Колонист хмыкнул. Судя по всему, о нравах честной торговли робот кое-что знал.

— Ты, однако, хитер. Выдал мне крем на пол-лица… Товар, правда, первоклассный…

— Сколько тюбиков возьмете?

Вингерт вытащил бумажник. Там было лишь шестнадцать долларов. Он ведь не предполагал, что на Квеллаке потребуются деньги.

— Один.

ХЛ-ад41 церемонно поклонился и передал колонисту тюбик. В этот момент массопередатчик издал громкий гудок, за которым последовал глухой шлепок.

— Ваша машина что-то получила для вас, — заметил ХЛ-ад41.

Вингерт открыл дверцу «Прием» и вытащил маленькую коробочку с двадцатью четырьмя лезвиями, тюбик крема для бритья и свернутый вчетверо счет.

Бритвенные лезвия, согласно заказу 00.23
Крем для бритья, согласно заказу 00.77
Стоимость транспортации 1500.00
Всего 1501.00

— Вы побледнели, — забеспокоился робот. — Возможно, заболели? Не заинтересует ли вас Автоматический Диагност Дерблонга, имеющийся в моем…

— Нет| — прорычал Вингерт.

Подскочив к массопередатчику, он с силой нажал на кнопку «Включение». На экране появилось лицо Смейтерса.

— Здравствуйте, колонист Вингерт. Что-нибудь случилось?

— Мне прислали лезвия с диким счетом за транспортацию, — прохрипел Вингерт. — Что это значит? Мне неоднократно говорили, что все поставляется бесплатно.

— В «Честном Контракте» сказано, — прервал его Смейтерс, — «все необходимое для жизни». И не упоминается о предметах роскоши.

— Лезвия для бритвы — предметы роскоши?!

— Большинство колонистов отращивают бороды.

— Тогда обойдусь без вас! — прорычал Вингерт. — Сюда забрел торгующий робот с Денсобола и продал мне тюбик крема для удаления волос.

— Что?! Вы должны немедленно отказаться от покупки! — воскликнул Смейтерс. — Приобретение товаров в обход компании — серьезное

нарушение «Честного Контракта». Обратившись к другому поставщику, вы лишаете компанию привилегии служить вам, колонист Вингерт.

— Значит, с меня будут брать по пятьдесят долларов каждый раз, когда мне потребуются бритвенные лезвия на двадцать три цента? Это же грабеж!

— Советую более внимательно ознакомиться с «Честным Контрактом».

— Плевать я хотел на этот контракт!

— Напрасно горячитесь. — Смейтерс победоносно улыбнулся. — Теперь у нас есть законное основание навести на Квеллак следящий луч. Мы будем наблюдать за тем, чтобы вы не нарушали условия «Честного Контракта».

— Эй! Куда! Вы не имеете права… — Вингерт трижды нажимал на кнопку «Включение», но экран так и остался пустым…

Вингерт задумался. Теперь он все понял. Да, компания крепко взяла его за горло. У него не было ни денег, ни возможности вернуться на Землю. К окончанию трехлетнего пребывания на Квеллаке Вингерту причиталось бы тридцать шесть тысяч долларов, но из них надо будет вычесть расходы за оказанные услуги. И ему еще повезет, если долг не превысит зарплату. Ведь

бесплатно компания будет доставлять только инструменты и консервы. Но ему никак не обойтись без некоторых необходимых вещей.

Робот все еще был рядом.

— Вы должны мне пятьсот долларов за генератор.

— Но ты слышал, что сказал Смейтерс? Уходи и забирай генератор. Заказ отменен.

— Очень сожалею, — в голосе робота прозвучали зловещие нотки, — но Квеллак — семнадцатая планета, которую я посетил, покинув Денсобол, а я ничего еще не продал, кроме тюбика крема Глоглама. Согласно инструкциям, побывав на семнадцати планетах, я должен вернуться на Денсобол для профилактики. — Панель на животе робота отошла в сторону, и Вингерт увидел дуло молекулярного дезинтегратора.

— Но у меня нет денег! — воскликнул колонист.

— Они есть у ваших друзей с Земли. Я должен вернуться на Денсобол, выполнив свою миссию. Иначе меня разберут на части.

— Эй| Что у вас происходит?

С экрана массопередатчика на Вингерта смотрело полное лицо Смейтерса.

— Робот должен продать свои товары. Поэтому

сейчас он угрожает мне оружием.

— Это мне известно. Я все видел по следящему лучу.

— Ну и попался же я, — вздохнул колонист, переводя взгляд с нахмурившегося Смейтерса на дезинтегратор ХЛ-ад41. — Если я не куплю что-нибудь у робота, он меня убьет, а если куплю, вы отправите меня в тюрьму.

— Мы можем послать вам оружие, колонист Вингерт.

— Вы хотите, чтобы я соревновался с роботом в скорости стрельбы? Спасибо за помощь, Смейтерс, — буркнул Вингерт, и тут его озарило.

— Смейтерс! — воскликнул он, глубоко вздохнув.

— Де?

— Послушайте, если я ничего не куплю, робот разложит меня на молекулы. Но я не могу покупать даже с разрешения компании, потому что у меня нет денег. И вот сейчас для того, чтобы сохранить свою жизнь, мне необходимы деньги.

— Я что-то не… — начал Смейтерс.

— Это все, что необходимо для моего существования. И, таким образом, вы должны снабжать меня деньгами, пока робот не решит, что он продал достаточно товаров. А если вы не пришлете

денег, я подам на компанию в суд, обвинив ее в нарушении «Честного Контракта».

— Попробуйте, — усмехнулся Смейтерс. — Робот разделается с вами до того, как вы успеете связаться с адвокатом.

— Вы отказываетесь? Вы отказываетесь послать мне то, что в данный момент для меня не роскошь, а необходимость? С этого момента «Честный Контракт» не имеет силы. — И на глазах потрясенного Смейтерса колонист разорвал пергамент на мелкие кусочки. — Нарушив условия, вы освободили меня от обязательств перед компанией.

Смейтерс пробормотал:

— Я доложу об этом руководству компании…

— Докладывайте кому угодно, — ухмыльнулся Вингерт. — Закон на моей стороне.

Лицо Смейтерса исчезло с экрана.

— Великолепно! — ХЛ-ад41 одобрительно кивнул. — Надеюсь, вы выиграете это дело.

— Я тоже, — вздохнул Вингерт. — Информация, полученная по следящему лучу, подтвердит, что ты мне угрожал и, значит, деньги для меня были жизненной необходимостью. У них нет ни единого шанса.

— А как насчет меня? Я…

Вингерт внимательно посмотрел на робота. В голове колониста зрела новая идея.

— Послушай, ХЛ-ад41, давай смотреть правде в глаза: ты отвратительный коммивояжер. Тебе не хватает такта, тонкости обращения. Кто же продает, угрожая оружием?! А если бы я тоже был вооружен?

— Я уже думал об этом, — признался робот.

— Вот и хорошо. Но у меня есть предложение. Я могу научить тебя, как стать коммивояжером. Во-первых, одно время я сам занимался этим делом, а во-вторых, как землянин, я обладаю врожденной практичностью.

— Отлично! — воскликнул ХЛ-ад41.

— А в обмен на полученные знания ты снабдишь меня всем необходимым для нормальной жизни на Квеллаке. Генераторы силового поля, массопередатчики, сигары и прочее. Я уверен, твои создатели признают, что это не такая уж большая цена за приносящую прибыль практичность.

— Я в этом не сомневаюсь. — Робот весь светился от удовольствия. — Вероятно, с этого момента мы становимся компаньонами.

ЗВЕРОЛОВЫ

ЗВЕРОЛОВЫ

Роберт Сильверберг

Фантастический рассказ

© *Robert Silverberg*, Collecting Team, 1956

Роберт Сильверберг
Фантастический рассказ
Перевел с английского Виктор Вебер
Рис. А. Назаренко

«Юный техник» 1982'03

С высоты пятидесяти тысяч миль планета выглядела очень привлекательно. Она была земного типа, с преобладанием зеленых и коричневых тонов. Никаких видимых признаков цивилизации. Что же касается фауны... Я повернулся к Клайду Холдрету, приникшему к термоскопу.

— Ну, что ты думаешь?

— Температура подходящая, много воды. Мне кажется, стоит сесть.

В рубку вошел Ли Дависон. На руке его сидела одна из тех голубых мартышек, что мы поймали на Альфераэе.

— У нас есть свободные вольеры? — спросил я.

— Места еще хватит на целый зоопарк!

— Я за посадку, — сказал Холдрет. — Нельзя же возвращаться на Землю только с парой мартышек и муравьедами.

Кроме поисков внеземных животных для зоологического управления Бюро Межзвездных Дел,

мы занимались между делом планетокартографией, а в эту звездную систему не залетал прежде ни один корабль с Земли. Еще раз взглянув на коричнево-зеленый шар, медленно вращающийся на обзорном экране, я занялся расчетом траектории посадки. Из вольеров доносились сердитые вопли голубых мартышек, которых Дависон привязывал к противоперегрузочным креслам, и недовольное похрюкивание муравьедов с Ригеля…

Не успел корабль коснуться поверхности, как вокруг начали собираться представители фауны планеты.

— Посмотрите, тут тысяча различных видов! — воскликнул Дависон. — Об этом можно только мечтать!

— Кого же взять с собой? — немного растерянно спросил я, прикинув, сколько у нас свободного места.

— Я считаю, мы должны отобрать дюжину самых странных существ и вернуться на Землю. Остальных оставим до следующего раза, — ответил Холдрет.

— Эй, посмотрите сюда! — воскликнул Дависон.

Из густого леса появилось существо, похожее на

жирафа, с миниатюрной головкой на грациозной шее, ростом не менее двадцати футов. Оно передвигалось на шести длинных ногах. Поражали глаза, огромные фиолетовые шары, чуть выдающиеся вперед. Животное подошло к кораблю и, подняв голову, заглянуло в иллюминатор. У меня возникло ощущение, будто оно пытается нам что-то сказать.

— Великовато, а? — прервал молчание Дависон.

— Держу пари, ты хотел бы взять его с собой.

— Возможно, нам удастся уместить детеныша. — Дависон повернулся к Холдрету.

Жираф, похоже, удовлетворил свое любопытство и, подогнув ноги, опустился на траву. Маленький собакообразный зверек недовольно залаял, но жираф даже не повернул голову.

— Ну как анализ атмосферы? — спросил Дависон.

— Отличный, — возвестил Холдрет. — Можно на охоту. Берем наши сети.

Я вдруг почувствовал смутную тревогу. Слишком здесь было хорошо…

Дависон и Холдрет трудились в поте лица.

— Я никогда не видел ничего подобного. Сущий рай для звероловов, — повторил Дависон, по

крайней мере, в пятнадцатый раз.

Подошел Холдрет, в руках собака с блестящей, без единого волоска кожей и выпуклыми, как у насекомых, глазами.

— Как дела, Гас?

— Нормально, — ответил я без энтузиазма.

— Послушай, Гас, ты сегодня не в духе. В чем дело?

— Мне здесь не нравится.

— Почему?

— Животные сами идут в руки. Будто рады, что их возьмут на корабль. Так не бывает… Я вспоминаю, как нам пришлось погоняться за муравьедами…

— Перестань, Гас. Сели хочешь, мы быстро погрузимся. Но эта планета — золотая жила для таких, как мы.

Холдрет беззаботно рассмеялся и потащил собаку в корабль. Я решил тщательно обследовать окрестности. Через полчаса поднялся на высокий холм и кое-что узнал о географии нашего рая. Мы сели на огромном острове или сильно вытянутой косе: с двух сторон было море.

За холмом начинался лес, он тянулся до самого берега. Левее, за лесом, начиналась степь. У подножия холма блестело небольшое озеро. Такая

местность — рай для самых разных животных, птиц.

Я и не считал себя зоологом. Черпал знания лишь из бесед с Дависоном и Холдретом. Но и меня все больше поражало разнообразие странных существ и еще то, что, несмотря на различия в размерах, формах, окраске, их объединяла общая черта — дружелюбие. За время прогулки не меньше сотни зверей бесстрашно подходили ко мне. Встретился мне еще один жираф. И снова у меня возникло ощущение, будто он пытается мне что-то сказать.

Вернувшись на корабль, я увидел, что вольеры уже забиты до отказа.

— Как дела? — поинтересовался я.

— Заканчиваем, — ответил Дависон. — Теперь приходится выбирать, кого взять, кого оставить.

Он вынес из звездолета двух собакообразных и вместо них взял пару пеликанов.

— Зачем они тебе? — спросил Холдрет.

— Одну минуту, — вмешался я. — Какая странная птица! У нее восемь ног!

— Ты становишься зоологом? — удивился Холдрет.

— Нет, но у меня возникают сомнения. Почему у одних животных восемь ног, у других — шесть,

а третьи обходятся четырьмя? — Холдрет и Дависон смотрели на меня, не понимая вопроса. — Я хочу сказать, что процесс эволюции отличается определенной логикой. Для животного мира Земли характерны четыре конечности, Венеры — шесть…

— Ну, всякое случается, — возразил Холдрет. — Вспомни симбиоз Сириуса-3 или червей Миэара. Но, вероятно, ты прав. Налицо очень странное отклонение процесса эволюции. Мне кажется, нам стоит остаться и провести некоторые исследования.

Я понял, что допустил серьезную ошибку и предпринял обходной маневр.

— Я не согласен. Наоборот, мы должны вылететь немедленно и потом вернуться с более подготовленной экспедицией.

— Перестань, Гас, — хмыкнул Дависон. — Такой случай выпадает раз в жизни.

— Ли, я командую этим звездолетом. Нам положено сделать короткую остановку и лететь дальше. Запасы продовольствия строго ограничены. Мы только звероловы. Никаких научных исследований, иначе нам придется есть тех, кого мы поймали.

— С этим доводом не поспоришь, — после неко-

торого молчания ответил Холдрет.

— Ну ладно, — неохотно согласился Дависон.

Я решил рассчитать режим взлета. Подошел к пульту управления и обомлел. Кто-то выдрал из гнезд все провода. Несколько минут я не мог прийти в себя, а потом кинулся к вольерам.

— Дависон! — позвал я.

— Что случилось, Гас?

— Срочно в рубку!

Он появился только через некоторое время, недовольно хмурясь.

— В чем дело? Я занят и…

— Посмотри на пульт!

У него отвисла челюсть…

— Пойди и позови Холдрета!

Пока он ходил, я снял панель и повнимательнее присмотрелся к тому, что случилось. После осмотра мое настроение слегка поднялось. За три-четыре дня поломки можно было устранить…

— Ну что! Кто из вас это сделал? — набросился я на Холдрета и Дависона, как только оба вошли в рубку.

— Если ты намекаешь, что кто-то из нас намеренно повредил звездолет, — начал Дависон, — то…

— Я ни на что не намекаю. Но мне кажется,

оба вы с удовольствием продолжили бы свои исследования. И наилучший способ убедить меня в необходимости их проведения — заставить чинить систему управления. Что же, парни, вы своего добились.

— Гас, — Дависон положил руку мне на плечо, — мы этого не делали. Ни он, ни я.

Я понял, что он говорит правду.

— Но кто?

Дависон пожал плечами.

Они ушли к животным, а я постарался сосредоточиться на работе. Через пару часов мои пальцы стали дрожать от усталости, и я решил, что лучше отложить ремонт до следующего дня.

В ту ночь я спал плохо. Из вольеров доносились стоны муравьедов, визг, блеяние, шипение и фырканье других животных. Наконец около четырех часов утра я провалился в глубокий сон. Проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, увидел бледные лица Холдрета и Дависона.

— Что случилось? — пробормотал я.

— Вставай, Гас!

— Какого черта!.. — Но меня уже тащили в рубку. Там я мгновенно пришел в себя.

Все провода, идущие к пульту управления,

вновь лежали на полу!

— Мы должны охранять рубку, — сказал я. — Во-первых, один из нас должен постоянно бодрствовать, во всяком случае, пока я не починю пульт; второе — всех животных необходимо немедленно удалить из звездолета.

— Что? — воскликнул Холдрет.

— Он прав, — согласился Дависон.

Весь день я снова чинил пульт управления, а к вечеру заступил на вахту, с трудом подавляя желание вздремнуть. Когда Холдрет вошел в рубку, чтобы сменить меня, он ахнул и указал на пульт. Провода снова валялись на полу…

Ночью мы все остались в рубке. Я чинил этот проклятый пульт.

Но… к утру оказалось, что все труды пропали даром. Как это произошло, никто не заметил.

Я вылез из звездолета, уселся на большой камень. Одна из собакообразных подошла ко мне и потерлась мордой о колено.

Я почесал ее за ухом.

На одиннадцатый день животные перестали интересоваться нами. Они бродили по равнине, подбирая комочки белого тестообразного вещества, каждую ночь падающего с неба. Мы называли его манной. Провизия кончалась. Мы

здорово похудели. Я уже давно перестал чинить пульт управления.

К вечеру Дависон собрал много этой белой «штуки» и мы устроили пир.

— Отлично, — вдруг улыбнулся Холдрет. — Звездолет мне порядком надоел. Хорошо бы вернуться к нормальной жизни.

На следующее утро я встал пораньше и направился в рубку. Я взглянул на обзорный экран и замер. Потом вернулся в каюту и разбудил Дависона и Холдрета.

— Посмотрите в иллюминатор, — прошептал я.

Они посмотрели.

— Похоже на мой дом, — пробормотал Холдрет. — Мой дом на Земле! Пойдем поглядим на это чудо.

Мы вышли из звездолета. Снова собрались животные. Жираф подошел и покачал головой.

Дом стоял на зеленой лужайке, чистенький, покрытый свежей краской. Ночью чьи-то заботливые руки поставили его около звездолета, чтобы мы могли там жить.

— Совсем как мой дом, — изумленно повторил Холдрет.

— Естественно, — буркнул я. — Они воссоздали

образ дома по твоей памяти.

— О ком ты говоришь? — удивился Дависон.

— Неужели вы еще не сообразили? — Я облизал языком пересохшие губы, потому что первым понял, что остаток жизни придется провести на этой планете. — Неужели не ясно, что означает этот дом?1 Неужели не ясно, что нас, звероловов, грабивших фауну других планет, самих ухитрился здешний разум загнать в свой космический зоопарк?!

Я взглянул на безоблачное, теперь уже недостижимое небо, вышел на террасу дома, тяжело опустился на стул. Я смирился и представил себе табличку на изгороди:

«Естественная среда обитания — солнечная система. Вид: Хищники. Звероловы».

ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

© *Leigh Brackett*, All the Colors of the Rainbow, 1957

Ли Брекетт
Фантастический рассказ
Перевод с английского

Андрея Шарова и В. Коршикова
Рисунки А. Анно

«Юный техник» 1982'04

Невиданный ливень в долине не прекращался уже тридцать шесть часов. Земля пропиталась водой насквозь. Мутные потоки неслись по склонам изрытого водой холма, нависающего над городом, переполняли сточные канавы и, бешено крутясь, устремлялись к реке. Тихая обычно река шумела и бурлила, как Миссисипи в пору разлива, размывая берега, врываясь в тихие фруктовые садики и даже на улицы Гранд-Фоллза; люди в панике покидали дома. Подмытые деревья медленно клонились и падали, разрушая заборы и стены жилищ…

Высоко на вершинах холмов, что окружали долину с северо-востока и юго-запада, умело спрятанные от людского глаза, тихо гудели два маленьких механизма неземного происхождения. Они неутомимо посылали потоки частиц в небо, собирая тяжелые дождевые тучи.

В долине продолжался ливень…

* * *

Это было его первое большое, ответственное задание, и он не знал наверняка, сумеет ли справиться. Он так и сказал Руви, замедляя ход неудобной земной машины:

— Нет, ты только посмотри на эту страну. Неужели здесь можно создать настоящую цивилизацию?

Она по обыкновению быстро обернулась и спросила в упор:

— Боишься, Флин?

— Кажется, да.

Ему было стыдно признаваться в этом. На родной Минтаке он изучал управление погодой, а потом работал уже в пяти разных мирах, из которых два были даже на более ранних ступенях развития. Но он ни разу не видел столь слабо гуманизированную цивилизацию. Центр осуществил контакт с этими цивилизациями лишь в последние двадцать лет, и сразу же нашлись энтузиасты, хотя лишь малая часть этих цивилизаций представляла интерес с точки зрения уровня развития. Флин не задумываясь вызвался быть членом контрольной группы. Может быть, и преждевременно — так ему казалось теперь.

— Ладно, — сказала между тем Руви. — Я, признаться, тоже побаиваюсь. Вдобавок здесь жарко. Останови-ка эту неуклюжую машину, я хочу подышать свежим воздухом.

Он затормозил, и Руви вышла. Она остановилась у двух валунов на обочине и окинула взглядом долину. Свежий ветер трепал ее желтую тунику и чуть шевелил серебристые бусы на тонкой шее. Ее кожа даже в свете этого неяркого одинокого солнца мерцала глубокой нежной зеленью — цветом юности и здоровья.

— Мне кажется, — сказала Руви, — эти леса кишат дикими зверями.

— Надеюсь, не слишком опасными.

Руви вздрогнула.

— Как только мы выезжаем за город, мне сразу начинает казаться, что мы в каком-то жутко враждебном мире. Нам здесь все чуждо: деревья, цветы, даже стебли трав.

Две огромные птицы показались над вершиной холма. Они почти висели в воздухе, делая медленные круги на крепких серо-коричневых крыльях. Кругом не было никаких признаков цивилизации. Кроме шоссе.

— И все же это довольно красивое место, — сказала Руви, — по-своему красивое.

— Да. Именно поэтому Шербонди и предложил нам поездить по стране и поближе познакомиться с жизнью ее обитателей, получше понять их.

Шербонди был их коллегой и командиром группы, осуществлявшей контакт с правительством этой страны.

Флин вздохнул.

— Ладно, поехали.

Они вернулись к машине, и Флин осторожно вывел ее на дорогу. Это примитивное средство передвижения держало его в постоянном напряжении. Было по-прежнему жарко, а ему приходилось носить неудобную одежду людей: инструкция запрещала привлекать излишнее внимание. Но Руви он разрешил остаться в тунике.

Он оглянулся. Руви выглядела усталой и сидела теперь, чуть откинувшись на спинку широкого сиденья, полуприкрыв глаза.

— Я думаю о доме, — слабо улыбнувшись, сказала она.

Они проезжали фермы и маленькие пестрые городки со странными названиями, где люди во все глаза таращились на них, а детишки указывали пальцами и кричали: «Зеленые ниггеры! Посмотрите, зеленые ниггеры!..»

Флин рассматривал двухэтажные и одноэтажные дома и пробовал представить себе жизнь за этими деревянными и кирпичными стенами. Возможно, Шербонди был и прав. Может быть, они действительно должны поближе познакомиться с жизнью этих людей, чтобы лучше понять, что те думают и чувствуют. Но ведь предстоящие столетия должны будут настолько перевернуть их бытие, что нынешняя жизнь наверняка забудется напрочь.

Эти изменения, впрочем, уже и начались вместе с их первыми робкими шагами в космос. И сейчас возникла необходимость тщательно пересмотреть их производство, образование, но самое главное, привить им тот истинный гуманизм, то космическое миролюбие, которое только и позволит развивающейся цивилизации войти во Всеобщую Федерацию.

Однако это последнее, как Флин знал по опыту, осуществить будет особенно трудно. Он знал, что довольно большая часть гордых и себялюбивых землян не захочет принимать навязанный кем-то извне образ мышления. Многие будут чувствовать себя в подчиненном положении, а блага, идущие от более старых и умудренных цивилизаций, расценят как унизительные подачки. Таких

предстоит трудно и кропотливо перевоспитывать. Но, с другой стороны, это и интересно.

Наконец, они выехали из зоны дождя, а может быть, он просто прекратился, и вышло солнце. От густых испарений стало трудно дышать. Тяжелая грозовая туча зловеще преследовала их на горизонте.

— Я устала и проголодалась, — сказала Руви, — давай остановимся.

— В следующем же городке. По правде говоря, Флин тоже устал. Все-таки было очень неудобно управлять этим неуклюжим автомобилем, и он со вздохом вспомнил стремительные, бесшумные и безопасные машины Всеобщей Федерации.

Следующий город долго не появлялся. Наконец на вершине очередного подъема они увидели указатель в виде огромного пальца.

— Ресторан. Отель. Автостоянка, — вслух прочла Руви. — Тут рядом город. Кажется, называется Гранд-Фоллз.

Дорога вскоре пошла вниз, и их глазам открылась чудесная, мягко освещенная заходящим солнцем долина. Флин решил, что это лучшее место из тех, которые они видели сегодня. Тихая речка, искрясь в солнечных лучах, плавно огибала городок, белые домики которого утопали в зелени виноградников.

Магазины уже закрылись, но кафе были заполнены людьми. Слышалась ритмичная музыка, пахло кирпичом и асфальтом. Вообще-то вблизи городок показался им не таким привлекательным, как с вершины холма. Белые плакаты оказались грязноватыми, а старинные двухэтаж-

ные домики — ветхими.

У отеля стояло несколько машин, в одной из которых сидели какие-то люди и показывали на них руками. Сам отель был трехэтажным, с короткими узкими балконами.

Флин остановил машину у обочины и открыл дверцу. Он заметил, что люди стали подходить ближе и пристально разглядывать их. Кто-то выкрикнул:

— Зеленые, как трава, бог ты мой!

Послышался смех, кто-то свистнул. Флин молча взял Руви за руку, и они вошли в отель. С кресла, обтянутого кожей, поднялся русоволосый человек и, положив руку на стойку, вопросительно посмотрел на них. Люди ввалились вслед за ними с улицы в отель.

— Добрый вечер, — вежливо улыбнулся Флин.

Русоволосый посмотрел через их головы на вошедших, откашлялся и сказал:

— Если вы насчет номера, то у нас все занято.

Сзади раздались одобрительные смешки.

— Да, но... — начала было Руви, но Флин сжал ее руку. Он понял, что русоволосый лжет и делает это в угоду стоящим сзади. Правда, ему было непонятно, зачем это нужно. Придав своему голосу как можно больше доброжелательности,

Флин спросил:

— Извините, вы не подскажете какое-нибудь другое место, где можно было бы переночевать?

— Нет. Тут вообще нет никаких таких мест, вот что я вам скажу.

— Благодарю вас, — сказал Флин и, не выпуская руку Руви, пошел к выходу. За это время толпа значительно выросла. «Пожалуй, тут собралась добрая половина городка», — подумал Флин. Руви шла за ним, опустив голову и не глядя по сторонам. Они медленно двигались сквозь толпу, запах пота и сигаретного дыма.

В дверях какая-то девица громко взвизгнула и шарахнулась от Флина. Вокруг вызывающе громко зазвучали голоса:

— Эй, зеленый, ты что, совсем не кормил свою подружку там, откуда вы упорхнули…

— …точно такие, как показывали по телевизору, я еще тогда сказал Джеку, Джеку Спаррею. Я и говорю, старина, ты видел что-нибудь подобное, и чтоб оно еще ходило по улице?

Смех. Злой, непонятный. Флин подошел к машине и пропустил Руви внутрь.

— Не принимай все это близко к сердцу, — тихо сказал он на родном языке, — сейчас мы уедем.

— Мамочка, а почему у этих ниггеров автомо-

биль вон насколько больше, чем у нас?

— Потому что правительство платит им огромные деньжищи за то, что они учат нас, как жить...

— Пожалуйста, поскорее, — прошептала Руви.

Флин обошел машину, но дверцу заслонял краснолицый мужчина с золотой цепочкой на толстом животе. Рядом с ним стояли какие-то парни. Флина поразили огоньки звериной злобы в их глазах, но он спросил так же ровно, сдержанно, как в отеле:

— Не подскажете, сколько миль до следующего города?

— До следующего? — переспросил краснолицый. — Сто и еще двадцать пять миль.

Флин подумал о долгой поездке в темноте по незнакомой местности и почувствовал, что наливается гневом. Однако сдержал себя.

— А можно тут где-нибудь перекусить?

— Нет, все уже закрыто, — сквозь зубы пробасил краснолицый. — Я не прав, мистер Триббс?

— Истинная правда, судья Шоу, — сказал кто-то позади его.

— А заправить машину?

— Все колонки уже закрыты, — сказал судья Шоу, — разве что у Пэтча. У него иногда бывает

открыто по вечерам. Но хватит ли вам горючего добраться до него? Дорога неблизкая.

— Хорошо, мы поехали, — сказал Флин, но судья по-прежнему стоял между ним и машиной.

— Минуточку. Мы много читали о вас в газетах и смотрели по телевизору, но у нас не было возможности поговорить с вами с глазу на глаз. Вот мы и хотим задать вам пару вопросов.

— К черту вопросы! Пусть скажут, какого дьявола они сюда заявились, если их никто не просил! — крикнул кто-то из толпы.

— Ну зачем же так? — сдержанно улыбаясь, сказал судья Шоу. — Давайте по-хорошему.

— Пусть скажут, считают они себя людьми или исчадиями ада?

— Да, — осторожно сказал Флин, — в нашем мире мы считаем себя людьми.

— Оставь эти байки для простаков! — крикнул кто-то, проталкиваясь через толпу. — Я вот смотрю уже год на ваши физиономии по телевизору и диву даюсь. Неужто у вас не нашлось хоть одного приличного белого для контактов с цивилизованными людьми?

— Отлично, Джеффри! — взревела толпа.

— А я вот что хочу вам сказать, — проговорил судья Шоу нравоучительным тоном. — Это белый

город, а наша матушка-Земля — вполне хорошее место. Оно нас устраивает, и мы не испытываем необходимости в том, чтобы какие-то цветные приезжали и начинали учить нас уму-разуму. Потому что…

В это время Руви вскрикнула. Флин оглянулся. Кто-то открыл заднюю дверцу машины и до пояса залез внутрь.

— Флин, прошу тебя! — Руви, насколько было возможно, отодвинулась и прижалась спиной к противоположной двери.

— Ты испугал ее, Джед! — сказал кто-то с издевкой.

Флин отшвырнул кого-то в сторону и в два прыжка достиг задней дверцы. Он ничего не видел, кроме испуганного лица Руви и спины парня.

— Убирайтесь отсюда! — жестко сказал он.

Смех сразу же прекратился.

— Кто-то что-то вякнул или мне померещилось? — спросил Джед.

— Слышите?! Убирайтесь из машины!

Джед медленно выпрямился. Это был довольно высокий парень с длинными жилистыми руками. Лицо его кривила усмешка.

— Мне что-то не понравился тон, каким ты это

сказал, — процедил Джед.

— Мне все равно, понравился он тебе или нет.

— Неужели ты слопаешь это, Джед?! — крикнул кто-то из толпы. — И от кого! От ниггера, пусть даже зеленого!

— Я просто хотел дружески потолковать, да они, видать, того не стоят. — Джед все с той же кривой усмешкой сделал неожиданный выпад, схватил Флина за грудь, но тот вырвался и сильным движением бросил молодчика через спину. В толпе ахнули. Кто-то бросился поднимать Джеда. Вокруг угрожающе зашумели.

— Спокойно, ребята, спокойно! — резко сказал судья Шоу. — Я не допущу беспорядков… здесь.

Он повернулся к Флину.

— Я бы посоветовал вам уехать отсюда как можно быстрее.

* * *

Флин гнал машину на предельной скорости. Вскоре они миновали мигающие неоновые вывески и выехали из городка. Руви сидела сзади, съежившись и закрыв лицо руками. Он протянул руку и легонько потрепал ее по плечу.

Внезапно на краю дороги появились рубиновые буквы «Пэтч». Это была бензоколонка.

— Не останавливайся, пожалуйста, не останавливайся, — прошептала Руви.

— Я должен, иначе мы все равно где-нибудь застрянем, — мягко сказал он и съехал на площадку, покрытую гравием.

Флин поглубже надвинул шляпу на глаза, надел куртку и вышел наружу. Хлопнула дверь, и из дома появилась женщина. Стараясь заставить голос звучать ровно, Флин сказал, что хотел бы заправиться. Женщина, ничего не отвечая, пошла к колонке. Мимо по шоссе медленно проехала какая-то машина.

— С вас девять девяносто, — сказала женщина, и Флин быстро протянул деньги. Женщина увидела зеленую ладонь, изумленно перевела взгляд на лицо, но Флин уже хлопнул дверцей машины. Последнее, что увидел, — ее испуганно открытый рот.

— Все, — сказал он. — Теперь останавливаться не будем.

— Никогда не думала, что мое лицо может вызвать такое омерзение, — сказала она. — Странное чувство.

— Я бы поделился с тобой своими соображениями на этот счет, но сейчас не время.

Дорога была узкая. Флин заметил впереди

медленно едущую машину. Она катила посреди дороги. Он взял вправо. Машина повторила маневр. Флин просигналил сначала вежливо, потом настойчиво. Сзади он услышал шум второй машины, а та, что шла впереди, стала постепенно сбавлять скорость.

— Что они делают? — прошептала сзади Руви. — Почему они не дают нам проехать?

— Не знаю, — тихо ответил Флин.

В машине, ехавшей сзади, включили дальний свет, и Руви от неожиданности вскрикнула. Флин снова попытался взять вправо, но передняя машина не пропускала его, а задняя начала методично таранить, сминая багажник; потом она пошла на обгон и вдруг резко вильнула вправо, ударила в бок; машина Флина ринулась в темноту, сминая редкий кустарник, и, уткнувшись во что-то невидимое, остановилась.

Флин оглянулся. Из автомобиля, преследовавшего их, выскочили четверо. Флин перегнулся через Руви, распахнул заднюю дверцу и вытолкнул ее наружу.

— Бежим!

Он не оглядывался. Голоса преследователей звучали в ночной тишине, словно лай гончих псов.

Наконец они с Руви очутились а каком-то чахлом лесу. Остановились. Руви тяжело дышала и уже не могла дальше двигаться.

Преследователи были совсем рядом.

— Видишь что-нибудь, Джед?

— Нет пока.

— Подождите-ка, а ну посвети сюда…

Флин шагнул и стал в полосу света между преследователями и Руви.

— Отлично, зеленый, ты очень хотел поучить нас уму-разуму. Теперь мы тебя проучим.

— Беги, Руви! — крикнул Флин и прыгнул на парня с фонариком. Тотчас сбоку из темноты выскользнул кто-то с палкой в руке и ударил Флина по голове. Тот со стоном повалился на землю. Еще один удар чем-то тяжелым…

— Погоди, Майк… я хочу быть уверенным, что он меня слышит. Ты слышишь меня, зеленый? Ниггеры всегда держатся только своей стороны дороги.

Удар. Кровь на губах. Боль. Потом все исчезло…

Происшествие сразу же попало в печать и вызвало широкое негодование общественности. Президент выступил со специальным заявлением. Губернатор штата принес публичные извинения и пообещал строго наказать всех причастных к инциденту.

Пытались разыскать виновных. Судья Шоу утверждал, что нападавшие ему неизвестны. То же твердили и полицейские, тем более что нападение произошло ночью и далеко за городом. Имя Джед ни о чем не говорило, поскольку таких в городе была добрая половина.

Как только доктор разрешил вставать, Флин информировал группу о том, что они с Руви воз-

вращаются на Митаку.

Шербонди пришел навестить Флина.

— Я чувствую, что виноват во всем случившемся, — пряча глаза, сказал он. — Я недостаточно обезопасил группу.

— Рано или поздно это должно было здесь произойти, — сказал Флин. — С нами или с кем-нибудь другим, разве это так важно? Главное, чтобы это послужило всем хорошим уроком. Жаль только, что мы с Руви потеряли после него нечто важное: привитый нам с детства галактический гуманизм. Мы стали злыми. Вот почему нам необходимо покинуть Землю и пройти специальный курс.

Флин помог Руви уложить все вещи. Потом сказал спокойно:

— Мне тут надо еще кое-что успеть, прежде чем уедем. Не волнуйся, я скоро вернусь.

Руви пристально посмотрела на него, но ничего не спросила. Он завел машину и выехал на шоссе.

— Вы хотели преподнести мне урок, — сказал он вслух, прибавляя скорость. — Вы это сделали. И теперь я покажу вам, какой я хороший ученик.

Да, это было самое страшное из последствий случившегося. Ненависть. Глухая ненависть. Он

пробовал освободиться от нее и не смог. И теперь он мчался по шоссе к городку Гранд-Фоллз с двумя концентраторами ливней и гроз. Он вез потоп, который сметет этот проклятый Гранд-Фоллз.

ДВОЙНАЯ РАБОТА

Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Двойная работа
Фантастический рассказ

© *Robert Silverberg*, **Double Dare, 1956**

Роберт Сильверберг
Фантастический рассказ
Перевел с английского Виктор Вебер
Рис. Г. Кованова

«Юный техник» 1982'10

Звездолет медленно опустился на Домерг-3.

— Мы сумасшедшие, — вздохнул Джастин Марнер. — В этом нет никаких сомнений. В споре надо уметь остановиться. — Марнер указал на экран. — Мы, похоже, пренебрегли этим правилом. И оказались на Домерге. Человек в здравом уме на такое не способен.

— Не болтай глупостей, Джастин, — рассердился Кемридж. — Ты прекрасно знаешь, почему мы здесь, и сейчас не время…

Дверь бесшумно отошла в сторону, и в каюту вошел высокий домергиец в ярко-желтом тюрбане; он приветственно протянул землянам два из шести щупалец.

— Добро пожаловать. Меня зовут Плорваш. Я вижу, вы прибыли в полном здравии. Я отвезу вас в гостиницу. Мы постарались создать все удобства, чтобы поддерживать вашу работоспособность на высшем уровне. Позвольте пожелать

вам удачи.

— Мы полагаемся не на удачу, а на голову и руки, — резко ответил Кемридж.

— Очень хорошо. Вы и прилетели сюда, чтобы доказать, что у вас они лучше. Прошу за мной.

...И как раз в это время двое инженеров-домергийцев прибыли на Землю.

Началось все на Земле, в маленьком кафе, где Джастин Марнер поспорил с заезжим домергийцем.

Марнер и Кемридж сидели за чашечкой кофе, когда тот вошел в зал, приковав к себе взгляды присутствующих. Хотя контакт с Домергом-3 был

установлен больше сотни лет назад, его жителей довольно редко видели на Земле.

Впрочем, и Марнер, и Кемридж узнали инопланетянина. Он был сотрудником консульства Домерга, где они монтировали освещение. Домергийцы, с их совершенным периферийным зрением, предпочитали мягкий отраженный свет. Марнеру с Кемриджем пришлось повозиться с проводкой и разработать специальную схему.

Домергиец тоже заметил их и сел за их стол.

— Да, два земных инженера! Вы меня, конечно, помните?

— Да, — ответил Марнер. — Мы делали вам освещение. Как оно работает?

— Довольно сносно. — Домергиец повернулся к стойке.

— Что вы хотите этим сказать? — поинтересовался Кемридж.

— Ну, вы сделали неплохую работу. Во всяком случае, с вашим уровнем техники мы и не рассчитывали на большее.

— Позвольте… — вмешался Марнер.

— Лучше бы мне тогда промолчать! — воскликнул Марнер, разглядывая светло-голубой потолок в номере отеля. — Это же надо, пролететь полгалактики только ради того, чтобы разрешить спор,

начатый в кафе!

Кемридж стукнул кулаком по столу.

— Послушай, Джастин, мы уже здесь и должны показать все, на что способны. Понятно?

— А вдруг нам это не удастся?

— Мы вдвоем справимся с любой задачей. Ты в этом сомневаешься?

— Разумеется, нет. — Марнер кисло улыбнулся.

— Отлично. — Кемридж подошел к двери и снял крышку электронного замка. — Взгляни, например, сюда. Довольно простое устройство. Я пока незнаком со схемой этой коробочки, но дай мне полчаса и отвертку, я во всем разберусь.

— Ничего особенного, — согласился Марнер. — У нас есть более хитрые замки.

— В этом-то все и дело, — заметил Кемридж. — Эти домергинцы слишком высоко ценят свой технический уровень. Знаешь, Джастин, я уверен, что мы сможем сделать аналог любой их машины. Немного подумаем, немного поработаем, и все будет в порядке. И если мы справимся с их загадками, а домергийские инженеры провалятся, значит, мы победили. А пока я займусь этой коробочкой. Для практики.

Утром они проснулись в боевом настроении, с полной уверенностью в том, что преодолеют

любые препятствия.

В дверь постучали.

— Кто там? — громко спросил Марнер.

— Я, — ответил домергиец. — Плорваш.

Дверь мгновенно распахнулась.

— Кто открыл дверь? — удивленно спросил Плорваш.

Марнер улыбнулся.

— Попробуйте еще раз. Выйдите в коридор, закройте дверь и скажите: «Плорваш».

Домергиец потоптался на месте, повернулся, вышел в коридор, притворив за собой дверь, и пробормотал свое имя. Дверь тут же распахнулась. Плорваш переступил через порог и, переводя взгляд с Марнера на Кемриджа, спросил: «Что вы сделали?»

— Нас заинтересовало устройство замка, — ответил Кемридж, — и мы решили, что его стоит улучшить. Мы добавили к схеме звуковое реле, реагирующее на имя и автоматически открывающее дверь.

Инопланетянин нахмурился.

— О да… — пробормотал он. — Очень интересная мысль. А теперь поговорим об условиях испытания. Мы приготовили для вас специальную лабораторию в пригороде столицы. Как и

было условлено, вы получите два предварительных задания. Если вы с ними справитесь, мы предложим третью задачу. Испытание будет продолжаться до неудачи.

Лаборатория превзошла все ожидания.

Марнер осторожно вошел и огляделся. Слева на него смотрел зеленый экран осциллографа, справа светились дисплеи компьютеров. Одну стену зала занимали полки с инструментами и приборами. Рядом стояли верстаки со специальными приспособлениями.

— Вы упрощаете нашу задачу, — сказал Кемридж. — В такой лаборатории не так уж и трудно творить чудеса.

— Мы ведем честную игру, — ответил Плорваш.

— Это справедливо, — кивнул Кемридж. — Когда можно начать?

— Немедленно. — Плорваш поднял щупальце и достал из складок тюрбана пластиковый тюбик сантиметров десять длиной, заполненный белой жидкостью. — Это крем для удаления волос. — Он выдавил несколько капелек на ложкообразное окончание другого щупальца и поднес его к своей густой рыжей бороде. Там, где щупальце касалось волос, оставалась гладкая кожа.

— Очень полезная штука, — продолжал домергиец, протягивая тюбик Марнеру. — Ваше первое задание — создать аналогичный крем.

— Если вас не затруднит, мы бы хотели получить и второе задание. Тогда каждому из нас будет что делать, — сказал Кемридж.

Домергиец нахмурился.

— Вы хотите сразу заняться двумя задачами? Хорошо. — Он повернулся, вышел из лаборатории и вернулся через несколько минут, неся что-то отдаленно напоминающее мышеловку.

— Мы пользуемся этим устройством для ловли мелких грызунов, — объяснил Плорваш. — Большинство этих животных реагирует на различные

цвета, и в качестве приманки в ловушке использована световая установка. Например, так мы ловим ворков, — он нажал клавишу на задней панели, и мышеловку заполнил густо-зеленый цвет, — а так — флейбов. — Его щупальце коснулось другой клавиши, и зелень сменилась нежно-розовым сиянием. Тут же запахло испорченными овощами.

— Как видите, ловушка универсальна, — продолжал домергиец. — Мы снабдили вас различными типами грызунов, они вот в тех клетках, — он указал на дальнюю стену, — и вы должны сделать аналогичную конструкцию. Во всяком случае, мы надеемся, что вы ее сделаете.

— Это все? — спросил Кемридж.

Плорваш кивнул.

— Как и условлено, время выполнения заданий не ограничивается.

Через четыре дня Марнер позвонил Плорвашу.

Широкое лицо домергийца заполнило экран видеофона.

— Мы закончили, — коротко ответил Марнер.

Спустя пятнадцать минут Плорваш вошел в лабораторию. Марнер и Кемридж возились с клетками.

— Стойте на месте! — крикнул Кемридж, щелк-

нул выключателем, и тридцать клеток разом открылись.

Полчища домергийских грызунов двинулись на Плорваша. Тот отступил на шаг.

— Что это вы затеяли?

— Не волнуйтесь, — успокоил его Марнер. — Сейчас вы все увидите сами.

Животные, не замечая Плорваша, прямиком направились к жужжащему сооружению, стоящему у стены около двери. Оно переливалось различными цветами, издавало странные запахи и щелкающие звуки. Когда животные подошли вплотную к устройству, в полу открылся люк и два скребка сбросили в него всю живность. Крышка люка тут же стала на место.

Инженеры подошли к Плорвашу.

— Мы модернизировали исходную модель, — объяснил Марнер. — Наша конструкция гораздо лучше. Она ловит всех сразу, а то время как ваша настраивается лишь на один вид.

Плорваш согласно кивнул.

— Очень хорошо. Прекрасное решение.

— Мы сделали подробные чертежи, — добавил Кемридж. — На Домерге эта ловушка, несомненно, имеет коммерческую ценность.

— Вероятно, да, — признал Плорваш. — А как

дела с кремом для удаления волос?

— Это совсем просто, — усмехнулся Марнер. — С такой аппаратурой мы без труда выяснили химический состав. Впрочем, мы внесли некоторые коррективы.

— В каком смысле?

Марнер потер щеку.

— Пару дней назад я попробовал крем на себе, а кожа по-прежнему гладкая, как у младенца. Похоже, что одноразового применения хватит на всю жизнь.

— Вы справились с двумя первыми заданиями. Что самое интересное, ваши соперники также успешно преодолели этот барьер. Я разговаривал с нашим консулом на Земле, вы его, конечно, помните, и он сообщил мне об этом.

— Мы очень рады, — буркнул Марнер, — но все решает третье задание, не так ли?

— Совершенно верно, — кивнул Плорваш. — Как я понимаю, вы готовы приступить к нему?

Пять минут спустя Марнер и Кемридж смотрели на переплетение трубочек и проводов, предназначенных, судя по всему, для подвода энергии к сложной системе поршней и тяг.

С предельной осторожностью Плорваш опустил странное устройство на один из верстаков.

— Что это? — спросил Марнер.

— Сейчас увидите. — Инопланетянин вытащил длинный шнур с вилкой на конце и вставил его в розетку. В центре необычной машины засветилась ярко-вишневая точка. Поршни и тяги пришли в движение, все убыстряя ход. Через несколько мгновений машина вышла на рабочий режим. Поршни равномерно ходили взад-вперед.

Кемридж взглянул на домергийца.

— Это двигатель, не так ли?

— Вы, разумеется, правы, — улыбнулся Плорваш. — А чтобы понять, почему я принес его сюда, вытащите вилку из розетки.

Кемридж выполнил просьбу домергийца. Пальцы его рук разжались, и вилка упала на пол.

— Он… не остановился? — прошептал Кемридж. — Поршни по-прежнему движутся?

— Это энергетическое сердце нашей цивилизации, — гордо ответил Плорваш. — Подобные установки мы используем повсеместно. Ваше третье задание — создать аналогичную конструкцию.

Домергиец не торопясь вышел из лаборатории. Как только за ним закрылась дверь, земляне обменялись взглядом и снова повернулись к

машине.

Поршни ходили в прежнем ритме.

Марнер облизал пересохшие губы.

— Дейв, — прошептал он, — мы сможем построить вечный двигатель?

— Надо остановить эту штуковину, — сказал наконец Марнер, — и посмотреть, что у нее внутри.

Полчаса напряженной работы, и они поняли, как ее остановить.

Марнер довольно потер руки.

— А теперь разберем эту крошку по винтикам и выясним, почему она вертится. — Он повернулся к Кемриджу. — Давай примем за аксиому, Дейв, если домергийцы построили такую машину, значит, это возможно. Договорились?

— А иначе у меня давно бы опустились руки, — пробурчал Кемридж.

Они склонились над загадочной машиной.

— Хм-м. Похоже на замкнутую регенеративную систему с позитивной обратной связью, — пробормотал Кемридж. — Энергия ходит и ходит по кругу.

— Похоже, — кивнул Марнер. Он вытер со лба капельки пота. — Дейв, мы должны распутать этот клубок.

Спустя месяц машина работала.

После некоторого колебания они послали за Плорвашем.

— Вот. — Марнер указал на установку, стоящую рядом с конструкцией домергийцев. Поршни обеих машин ритмично ходили взад-вперед.

— Она работает? — недоверчиво спросил Плорваш.

— Пока она не остановилась, — ответил Марнер.

— Значит, она работает, — повторил Плорваш. — Кк?

— Преобразование энергии гиперполя, — пояснил Кемридж. — Правда, связь довольно сложна, но, похоже, мы нашли оригинальное решение. Чертежи и расчеты в сопроводительной записке. Мы не смогли построить аналог вашей машины, но достигли того же результата, то есть выполнили поставленное условие.

— Мы привыкли преодолевать трудности, — усмехнулся Марнер. — А сначала и представить не могли, что способны на такое. Но нас приперли к стенке, и пришлось прыгнуть выше головы.

— Я тоже думал, что вы не справитесь с этим заданием, — прохрипел Плорваш. — Так вы говорите, она работает? Без всяких фокусов?

— Конечно, — с негодованием воскликнул

Марнер.

— Я хочу задать вам один вопрос. — Кемридж указал на прямоугольную черную коробочку, едва видневшуюся сквозь переплетение проводов домергийской модели. — Мы так и не поняли, что это такое. Нам не удалось вскрыть ее, чтобы ознакомиться со схемой, поэтому пришлось ввести совершенно новые элементы. Для чего она предназначена?

Плорваш повернулся, посмотрел ему в глаза и глубоко вздохнул.

— Это источник энергии, миниатюризированный фотоэлектрический усилитель. С его помощью машина будет работать еще две недели, а потом остановится.

— Как это? — изумился Марнер.

— Мне кажется, нам пора объясниться, — ответил домергиец. — У нас, как и во всей вселенной, нет вечных двигателей. Вас сознательно обманули, чтобы заставить создать подобную конструкцию. Это, возможно, неэтично, но, честно говоря, мы не верили в ваши силы. Кстати, мы привлекли лучших специалистов, чтобы изготовить этот имитатор.

Марнер опустился на стул.

Кемридж остался стоять, не веря своим ушам.

— То есть мы изобрели эту… штуку, а вы… вы… — Марнер умолк. Плорваш кивнул.

— Я потрясен так же, как и вы. — Он опустился на стул, заскрипевший под его тяжестью.

Кемридж первым пришел в себя.

— Ну что ж, раз испытание закончено, мы забираем нашу машину и возвращаемся на Землю.

— Боюсь, вам это не удастся, — спокойно возразил Плорваш. — По закону, принятому семьсот лет назад, результаты любой исследовательской работы, проведенной в государственной лаборатории, являются собственностью государства. То есть мы… э… конфискуем этот… э… двигатель.

— Но это же невозможно! — возмутился Марнер.

— К тому же, — продолжал Плорваш, — нам придется задержать и вас. Мы хотим, чтобы вы показали нам, как строить такие машины.

— Мы требуем свидания с консулом! — решительно заявил Марнер.

— Хорошо, — согласился Плорваш. — Полагаю, вы имеете на это право.

Консул, седовласый, благообразный джентльмен по фамилии Колбертон, прибыл в лабораторию через два часа.

— Все это очень неприятно, — сказал он, выслу-

шав инженеров.

— Но вы, конечно, сможете вытащить нас отсюда! — воскликнул Марнер. — Этот двигатель принадлежит нам, и они не имеют права задерживать нас.

— Нет, разумеется, чет, — согласился консул. — Во всяком случае, земные законы этого не допускают. Но, к сожалению, по законам Домерга, это изобретение принадлежит им. А в соответствии с соглашением от… э… 2716 года, касающимся территориального суверенитета, земляне, находящиеся на Домерге, подчиняются законам этой планеты.

— Значит, мы влипли?

Консул развел руками.

— Конечно, мы сделаем все, что в наших силах. Мы перед вами в большом долгу. Вы подняли престиж Земли в глазах всей Галактики.

— А нам-то от этого какая польза? — хмыкнул Марнер.

— Мы постараемся вам помочь. Во всяком случае, мы потребуем, чтобы вам создали все условия для нормальной…

— Послушайте, Колбертон, — перебил его Кемридж, — нам не нужна нормальная жизнь на этой планете, даже если нас будут развлекать все

двадцать четыре часа. Нам здесь не нравится. Мы хотим домой.

Консул печально покачал головой.

— Мы сделаем все возможное. — Он помолчал и, глубоко вздохнув, добавил: — Мне кажется, возможность есть. Вы помните о двух домергийских инженерах, отправившихся на Землю, чтобы решать технические задачи землян?

— А при чем здесь домергийцы? — переспросил Кемридж.

— Они — ваш единственный шанс. — Консул понизил голос: — Как вы уже знаете, домергийцы довольно легко справились с двумя первыми

заданиями.

Марнер и Кемридж нетерпеливо кивнули.

Старый дипломат улыбнулся.

— Как это ни странно, третье задание, данное домергийцам, оказалось таким же, что и у нос.

— Вечный двигатель?

— Не совсем. Им показали якобы работающую антигравитационную машину и предложили сделать ее аналог. Вероятно, психологически наши расы очень схожи.

— И что дальше? — спросил Марнер.

— Пока ничего, — глухо ответил консул. — Но мне сообщили, что они трудятся в поте лица. И скорее всего сделают эту машину. Так что вы должны потерпеть. А пока мы проследим, чтобы вы не испытывали никаких неудобств.

— Я все-таки не понимаю, — заметил Марнер, — что связывает нас с этими домергийцами.

— Если они сделают антигравитационную машину, мы попытаемся устроить обмен.

Марнер нахмурился.

— Но им могут потребоваться годы. А если их попытки закончатся неудачей? Что тогда?

Консул неопределенно пожал плечами.

В глазах Кемриджа блеснула искорка.

— Джастин, — он повернулся к Марнеру, — ты

что-нибудь знаешь о гравитационных полях?

— К чему ты клонишь? — недоверчиво переспросил Марнер.

— У нас прекрасная лаборатория. И я думаю, эти домергийцы не откажутся выдать за свой антиграв, сделанный… ну, например, нами, а?

— Вы хотите построить антигравитационную машину и тайком переправить чертежи на Землю, чтобы мы передали их домергийцам и… — Консул умолк, заметив, что его никто не слушает.

Марнер и Кемридж склонились над столом, лихорадочно выводя уравнения.

ЛАКСИАНСКИЙ КЛЮЧ

© ***Robert Sheckley***, **The Laxian Key, 1954**

Роберт Шекли
Фантастический рассказ
Перевел с английского Виктор Вебер
Рис. А. Назаренко

«Юный техник» 1983'06

Грегор сидел в пыльном офисе «ААА Служба обеззараживания Планет» и раскладывал сложный пасьянс, изредка поглядывая на часы. Близился полдень, но Арнольд, его партнер, все еще не появлялся.

Наконец в холле что-то загремело, распахнулась дверь.

— Я только что добыл нам целое состояние, — гордо заявил Арнольд. И, повернувшись к двери, добавил: — Несите ее, ребята.

Четверо потных носильщиков втащили в офис черный куб размером с новорожденного слоненка.

— Вот она! — воскликнул Арнольд, восхищенно глядя на странную машину. — Бесплатный Производитель! Утром я проходил мимо магазина Джо, межзвездного старьевщика, и увидел машину в витрине. Фантастически мизерная цена. Джо даже не знает, что это такое.

— Я, кстати, тоже, — сухо заметил Грегор. — А

ты?

Арнольд присел на корточки, пытаясь разобрать надпись на передней панели машины.

— Ты слыхал о планете Мелдж, не так ли?

Грегор кивнул. Мелдж, захудалая маленькая планетка в северной части Галактики, вдали от основных торговых путей. Одно время на Мелдже существовала высокоразвитая цивилизация, но так давно, что все уже забыли о чудесах ее древней науки. Тем не менее, время от времени на Землю попадали диковинные машины той эпохи.

— Значит, это штука с Мелджа?

— Точно! Мелджийский Бесплатный Производитель. Я думаю, что во всей вселенной осталось не больше четырех, в крайнем случае пяти, подобных машин.

— А что она производит?

— Понятия не имею, — буркнул Арнольд. — Дай мне мелдже-английский словарь.

Грегор, с трудом сдерживая кипящее в нем негодование, направился к книжной полке.

— Ты не знаешь, что она производит, и все-таки тратишь…

— Давай словарь! Спасибо. Какое это имеет значение? Главное, что она производит БЕСПЛАТНО!

Эта крошка сосет энергию из чего угодно — воздуха, солнца или гиперполя. Она не требует технического обслуживания, вообще ничего не требует! Она может работать вечно!

Листая словарь, Арнольд начал переводить.

— Древние ученые не были дураками. Производитель, как я и говорил, берет энергию из воздуха. Теперь ты понимаешь, что нам безразлично, какой именно продукт он производит. Продав этот продукт, мы получим чистую прибыль.

Длинное лицо Грегора вытянулось еще больше.

— Арнольд, я хочу напомнить тебе о некоторых мелочах. Ты — химик, я — эколог. Мы ничего не понимаем в технологии, тем более в технологии давно забытых внеземных цивилизаций.

Арнольд рассеянно кивнул и повернул какой-то диск. В Производителе что-то булькнуло.

— Ну вот, — удовлетворенно вздохнул Арнольд, поднимаясь на ноги. — Мелджийский Бесплатный Производитель, великое достижение Глоттенских Лабораторий. Неразрушим, неуничтожим и надежен в работе. Не требует внешних источников энергии. Для включения нажмите кнопку 1, для выключения используйте лаксианский ключ. Мелджийский Бесплатный

Производитель — вечная гарантия против голода. При обнаружении дефектов просим немедленно вернуть Производитель в Глоттенские Лаборатории.

— Может, я не совсем ясно выразился, — продолжал Грегор, — это не наше дело. Повторяю, мы занимаемся обеззараживанием планет…

— Ну что ты заладил одно и то же, — перебил его Арнольд. — Если эта штука заработает, сами мы работать больше не будем. А вот и кнопка 1.

Зловещий лязг Производителя перешел в ровное гудение. Потом из люка в нижней части машины посыпался серый порошок.

— Возможно, отходы, — пробормотал Грегор.

Прошло пятнадцать минут, и на полу образовалась небольшая горка.

— Что это? — спросил Грегор.

— А вот мы сейчас узнаем. — Арнольд набрал пробирку серого порошка и поспешил к лабораторному столу.

Грегор в задумчивости стоял перед Производителем, глядя на все увеличивающуюся горку.

— А может, нам выключить эту штуку, пока мы не выясним, что это за порошок?

— Ни в коем случае, — возразил Арнольд. — С каждой секундой работы Производителя мы ста-

новимся богаче.

Грегор пожал плечами. Он уже привык к оптимистичным планам своего партнера.

Прошло несколько часов. Арнольд проводил опыт за опытом, сверяя результаты с четырьмя толстыми справочниками. Грегор сходил в ближайший бар и принес кофе и сандвичи. Жужжание Производителя теперь стало еще громче, и серый порошок лился толстой струей. Еще через час Арнольд встал.

— Все ясно!

— Так что же это? — с интересом спросил Грегор.

— Тангриз.

— Если тебе не трудно, объясни, что такое тангриз?

— Я думал, ты знаешь. Тангриз — основная еда мелджийцев. Взрослый житель этой планеты потребляет в год до пяти тонн тангриза.

— Еда? — Грегор посмотрел на Производитель с уважением. Продукты питания всегда были в цене. Такая машина действительно могла приносить немалый доход. Тем более что она могла работать двадцать четыре часа в сутки и не требовала никакого ухода.

Арнольд уже открыл телефонный справочник.

— Галактическая Продовольственная Корпорация? Соедините меня с Президентом. Его нет? Тогда с Вице-президентом. Я звоню по важному делу… По какому? Я могу поставить вам неограниченное количество тангриза… Да… Я знал, что вас это заинтересует. Разумеется, я подожду. — Он повернулся к Грегору. — Эти корпорации не упустят… Да… Да, сэр. Совершенно верно, сэр. Вам нужен тангриз, не так ли?.. Отлично… Превосходно. Цена? А что вы могли бы предложить?.. О… Конечно, пять долларов за тонну не так уж и много, но я полагаю… что? Пять центов? Вы, должно быть, шутите?

Грегор устало сел в кресло.

— Да, да, — вяло продолжал Арнольд. — Пока не знаю… Благодарю, до свидания. — И он положил трубку.

— Похоже, на Земле тангриз не пользуется спросом. Тут живет лишь полсотни мелджийцев, а транспортировка тангриза на их родную планету экономически невыгодна.

Грегор взглянул на Производитель, и его брови удивленно поползли вверх. Вероятно, машина вышла на рабочий режим, и серый порошок вылетал из нее, как вода из насоса высокого давления. Рядом с Производителем толщина слоя

порошка достигла полуфута.

— Ничего, — успокоил его Арнольд. — Тангриз наверняка применяется и в других областях. — Он вернулся к столу и раскрыл еще несколько фолиантов.

— А может, мы его выключим?

— Никогда! — отрезал Арнольд.

Грегор встал и прошелся по офису. Оказалось, что не так-то легко ходить по щиколотку в тангризе, и он снова опустился в кресло.

К вечеру уровень серого порошка поднялся на пару футов. Ножки стола и стулья исчезли в глубинах тангриза, и Грегор начал волноваться, выдержат ли перекрытия. Он проложил тропинку к двери, используя мусорную корзинку в качестве лопаты.

Наконец Арнольд закрыл книги.

— Я нашел, — не слишком уверенно сказал он.

— Что именно?

— Тангриз используют в качестве строительного материала. Представляешь, после выдержки на воздухе в течение месяца он становится прочнее гранита. Свяжись со строительной компанией. Сейчас мы пристроим весь тангриз.

Грегор позвонил в компанию Толедо-Марс и сказал мистеру О'Тулу, что они могут поставить

неограниченное количество тангриза высшего качества.

— Тангриз? — хмыкнул О'Тул. — Не слишком удобный материал. Как вам известно, на нем не держится краска.

— Мне это неизвестно, — возразил Грегор.

— Поверьте мне на слово. Кстати, тангриз едят на какой-то планете. Почему бы вам…

— Мы предпочитаем продавать тангриз в качестве строительного материала, — прервал его Грегор.

— Ну, допустим, мы его купим. В конце концов, в каждом доме есть фундамент, а его красить не обязательно. Даю пятнадцать за тонну.

— Долларов?

— Центов.

— Я перезвоню вам. — И Грегор положил трубку.

— Ну что ж, давай прикинем, — сказал Арнольд. — Если наша машина будет производить по десять тонн в день, — он склонился над миникомпьютером, — за год мы получим без малого пятьсот пятьдесят долларов. На этом не разбогатеешь, но мы сможем заплатить за аренду офиса.

— Но мы не можем оставить его здесь. — Грегор с тревогой взглянул на покрывшее пол серое

море.

— Разумеется, нет. Мы найдем пустующий участок земли где-нибудь за городом, установим там Производитель и предложим увозить тангриз в удобное для них время.

Грегор набрал номер О'Тула и сказал, что цена их устраивает.

— Отлично, — ответил тот. — Вы знаете, где находится наш завод. Привозите тангриз в любое удобное для вас время.

— Привозите? Я думал, что вы…

— При цене пятнадцать центов за тонну? Нет, мы и так делаем вам одолжение, покупая тангриз. Привозите его сами.

— Это плохо, — вздохнул Арнольд. — Транспортные расходы…

— Значительно выше, — закончил за него Грегор. — Ты бы все-таки выключил эту штуку, пока мы не решим, что делать с тангризом.

Арнольд подошел к Производителю.

— Давай посмотрим. — Он заглянул в словарь. — Для выключения используйте лаксианский ключ.

— Чего ты ждешь, выключай!

— Я не могу.

— Почему?

— Для этого нужен лаксианский ключ. А у нас его нет.

Следующие часы они говорили по телефону. Они звонили в музеи, исследовательские институты, археологические факультеты университетов. Никто никогда не видел лаксианского ключа и не слышал о его существовании. А серый порошок все сыпался и сыпался.

В отчаянии Арнольд позвонил Джо, Межзвездному Старьевщику.

— Разумеется, у меня нет лаксианского ключа, — ответил Джо. — Поэтому я и отдал Производитель практически даром.

— Так что будем делать? — спросил Грегор.

Арнольд вернулся к книгам, а Грегор, открыв дверь в коридор, начал выгребать из офиса тангриз.

Они едва заметили, что наступило утро, так как солнечные лучи с трудом пробились сквозь серую пленку, покрывшую стекла. Арнольд встал из-за стола и, потянувшись, зевнул.

— Ничего не нашел? — спросил Грегор.

— К сожалению, нет.

Грегор спустился в бар. Когда он вернулся с кофе и рогаликами, у двери стояли трое мужчин — владелец дома и двое краснолицых полицей-

ских — и ругались с Арнольдом.

— Я требую, чтобы в моем коридоре не было ни единой песчинки! — кричал владелец дома.

— И, кроме того, в городе действует постановление, запрещающее создание промышленных предприятий в деловых кварталах, — вторил ему один из полицейских.

— Это не промышленное предприятие, — оправдывался Арнольд, — Мелджийский Бесплатный…

— А я говорю, это промышленное предприятие, — настаивал полицейский. — И вы должны немедленно прекратить его работу.

— В этом-то вся трудность, — вздохнул Арнольд. — Мы не можем его выключить.

Полицейский побагровел.

— Послушай, шутник, я вернусь через час. Если окажется, что машина все еще работает, а коридор не вычищен, вы получите повестку в суд.

И все трое, повернувшись, направились к лифту.

Грегор и Арнольд вернулись в офис. Слой серого порошка рос, как на дрожжах.

— Черт подери! — взревел Арнольд. — Мы должны найти рынок сбыта! Он же бесплатный! Ни одна унция тангриза не стоила нам ни цента!

Открылась дверь, и в офис вошел высокий худой мужчина в строгом черном костюме, держа в руке какой-то сложный прибор.

— А вот и он, — сказал незнакомец.

Грегор чуть не подпрыгнул от радости.

— Лаксианский ключ?

— Ключ? Нет, разумеется, нет. Это течеискатель.

— О, — печально вздохнул Грегор.

— И он, я вижу, привел меня к виновнику торжества, — продолжал незнакомец. — Я — мистер Гарстейрс. — Он очистил стол Грегора от серого порошка, взглянул на дисплей течеискателя и начал заполнять печатный бланк.

— Что это вы пишете? — подозрительно спросил Арнольд.

— Я представляю Метрополитен Пауэ Компани. Начиная с полудня вчерашнего дня наши приборы зафиксировали огромную утечку электроэнергии.

— А при чем здесь мы?

— Эту энергию пожирает ваша машина. — Заполнив бланк, мистер Гарстейрс сложил его и сунул в карман. — Счет вы получите по почте.

С трудом открыв дверь, он еще раз взглянул на Производитель.

— Должно быть, ваша машина создает что-то очень ценное. Если, конечно, судить по количеству потребляемой ею электроэнергии. Что это? Платиновая пыль? — Он улыбнулся и скрылся за дверью.

Грегор взглянул на Арнольда.

— Бесплатная энергия, а?

— Да, — вздохнул тот. — Как я понимаю, Производитель сосет энергию из ближайшего доступного источника.

— Это уж точно. Из воздуха, из космоса, а при случае прямо из электрического кабеля.

— Похоже, что так. Но основной принцип оста…

— К черту эти принципы! — взревел Грегор. — Мы не можем остановить этот паршивый ящик, не имея лаксианского ключа, никто слыхом не слыхивал об этом ключе, мы тонем в этой серой гадости, которая никому не нужна, да еще жжем энергию, как сверхновая звезда.

Арнольд сел за стол и закрыл глаза.

— Не все потеряно, — сказал он после долгого молчания. — Эта машина все-таки поможет нам разбогатеть.

— Давай лучше уничтожим ее, — предложил Грегор. — Бросим в океан или куда-нибудь по-

дальше.

— Нет! Я понял, что надо делать! Пошли, подготовим звездолет к отлету!

Следующие несколько дней для «ААА» слились в один. Им пришлось нанять уборщиков, согласившихся за астрономическую плату очистить здание от тангриза, и грузчиков, взявших отнюдь не меньше за то, чтобы доставить выплевывающий серый порошок Производитель в грузовой трюм звездолета.

Но наконец все хлопоты остались позади, и их корабль покинул солнечную систему, держа курс на Мелдж.

— Как же мы сразу не догадались об этом, — удивлялся Арнольд. — Где еще, как не на Мелдже, мы сможем найти потребителей тангриза.

— Я до сих пор в этом не уверен, — возражал Грегор.

— И напрасно. Конечно, перевозить тангриз с Земли на Мелдж экономически невыгодно, но мы-то везем туда саму фабрику. И будем производить тангриз на месте.

— А если он не найдет спроса?

— Этого не может быть! Тангриз для мелджийцев, все равно что для нас — хлеб. Это их основная еда. Естественно, у нас купят ровно столько тан-

гриза, сколько мы сможем продать.

Две недели спустя на обзорном экране звездолета появился диск Мелджа. К этому времени тангриз до отказа наполнил грузовой трюм. Вскоре после посадки в рубку вошел таможенный чиновник, высокий оранжевокожий мужчина.

— Добро пожаловать на Мелдж, — приветствовал он Грегора и Арнольда. — Гости довольно редки на нашей планете. Вы собираетесь остаться надолго?

— Вероятно, да, — ответил Арнольд. — Мы собираемся открыть торговое предприятие.

— Прекрасно! — Чиновник просиял. — Наша экономика нуждается в притоке свежей крови. Могу я узнать, что вы собираетесь продавать?

— Тангриз, основную еду…

Лицо чиновника потемнело.

— Что?

— Тангриз. У нас есть Бесплатный Производитель и…

Чиновник нажал кнопку на ручном приборе, отдаленно напоминающем часы.

— Мне очень жаль, но вы должны немедленно покинуть Мелдж.

— Но у нас есть паспорта, визы…

— Совершенно верно, но, находясь на Мелдже,

вы обязаны подчиняться нашим законам. Улетайте отсюда вместе с Производителем!

— Послушайте, — вмешался Грегор, — мы же имеем право открыть торговое дело на вашей планете.

— Только не для продажи тангриза!

На обзорном экране показалась дюжина танков, быстро приближающихся к звездолету. Чиновник повернулся и направился к трапу.

— Подождите! — взмолился Грегор. — Вероятно, вы опасаетесь конкуренции. Как знак доброй воли примите Производитель в подарок.

— Нет! — завопил Арнольд.

— Да! Берите его. Накормите бедняков. А нам поставьте красивый памятник.

Появился второй ряд танков. В небе ревели самолеты, барражируя над звездолетом.

— Убирайтесь с нашей планеты, — взревел чиновник. — Вы действительно думаете, что сможете продавать тангриз на Мелдже? Да посмотрите вокруг!

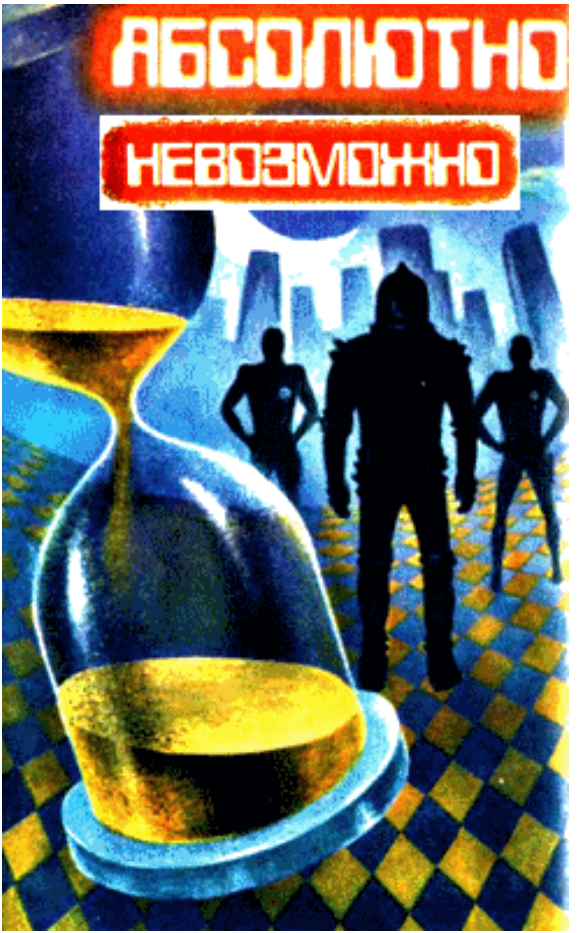
Они посмотрели. Ветер поднимал серую пыль над серым полем космодрома. В двух сотнях футов от звездолета стояли серые некрашеные здания. За ними поднимались серые холмы, вдали переходящие в серые невысокие горы. Все,

исключительно все напоминало о тангризе.

— Вы хотите сказать, — начал Грегор, — что вся планета…

— Прикиньте сами, что к чему. — Чиновник ступил на трап. — Мелдж — колыбель древней науки, и, к сожалению, до сих пор находятся охотники поиграть с диковинками тех времен. А теперь улетайте. Впрочем, если вы найдете лаксианский ключ, возвращайтесь и назовите свою цену.

АБСОЛЮТНО НЕВОЗМОЖНО


АБСОЛЮТНО
НЕВОЗМОЖНО

© *Robert Silverberg*, **Absolutely Inflexible, 1956**

Роберт Сильверберг
Фантастический рассказ
Перевел с английского Виктор Вебер
Рисунок В. Лапина

«Юный техник» 1983'07

На детекторе засветилась розовая точка. Малер взглянул на грустного путешественника во времени, сидящего перед ним в громоздком космическом скафандре.

— Видите, еще один. Попав на Луну, вы найдете там многих своих предшественников. За те восемь лет, что я руковожу Бюро, мне пришлось отправить туда более четырех тысяч человек. Почти по пятьсот в год. Не проходит и дня, чтобы кто-то не посетил наш 2784 год.

— И вы никого не отпустили назад? Каждый отправился на Луну?

— Да, — твердо ответил Малер, вглядываясь в защитное стекло, скрывающее лицо пришельца. Он часто думал о людях, покинувших Землю по его приказу. Этот вот маленького роста, хрупкого телосложения, с венчиком седых волос. Наверное, ученый, уважаемый человек в своем времени. Возможно, его знания могли бы принести пользу

и в двадцать восьмом веке. Возможно, и нет. Впрочем, это не имело значения. Так или иначе, его путь лежал на Луну.

— Не думаете ли вы, что это жестоко? — спросил старик. — Я прибыл сюда с мирными намерениями, не собираясь причинять вам вреда. Движимый любопытством, я решился на путешествие во времени и не ожидал, что наградой мне будет пожизненное заключение на Луне.

— Мне очень жаль. — Малер встал. Пришло время заканчивать разговор, так как его уже ждал следующий гость.

— Но разве я не могу жить на Земле, не выходя из скафандра? — торопливо спросил путешественник. — Тогда также будет исключен любой контакт с атмосферой.

— Не питайте ложных иллюзий, — ответил Малер. — Исключения недопустимы. Уже двести лет как на Земле нет болезней. За этот период наши организмы утратили сопротивляемость, приобретенную бесчисленными поколениями прошлого. А вы — ходячий рассадник всевозможных вирусов и микробов.

Охранники увели гостя. Из коридора доносились протестующие крики старика. Когда-то Малер, бывало, готов был уйти с этой работы,

испытывая жалость к ни в чем не повинным пришельцам из прошлого. Но восемь лет закалили его. Впрочем, он и без этого был достаточно тверд, и именно эта твердость характера послужила причиной назначения Малера на должность Директора Бюро. Вот Колдрин, его предшественник, был сделан из другого теста и в результате сам оказался на Луне. Возглавляя Бюро всего лишь год, он настолько размяк, что разрешил уйти очередному путешественнику. Тот обещал спрятаться в Антарктиде, и Колдрин, полагая, что Антарктида так же безопасна, как и Луна, отпустил его. Тогда-то директором стал Малер, и в последующие восемь лет все до единого пришельцы из прошлого высылались на Луну. Первым был беглец, отпущенный Колдрином и пойманный в Буэнос-Айресе, вторым — сам Колдрин.

Открылась дверь, и в кабинет вошел доктор Фонет, Главный врач Бюро. В руке он держал таймер.

— Это аппарат нашего последнего клиента, — сказал доктор. — Клиент уверяет, что его таймер действует в двух направлениях, и я решил, что вы захотите взглянуть на него.

Малер выпрямился. Таймер, обеспечивающий перемещение не только в будущее, но и в про-

шлое? Маловероятно) Но если это так, лунной тюрьме придет конец. Откуда, однако, мог взяться подобный механизм?

— Похоже, обычная конструкция двадцать четвертого века.

— Но обратите внимание на второй циферблат, — сказал доктор. Малер присмотрелся.

— Да, вероятно, он действительно предназначен для перемещения в прошлое. Но как это проверить? И потом, почему таких таймеров нет у других? Откуда он взялся в двадцать четвертом веке? Даже мы не умеем путешествовать в двух направлениях, только в будущее, и наши ученые считают, что попасть в прошлое теоретически невозможно. Приведите нашего гостя. Кстати, что показало медицинское обследование?

— Как всегда, — угрюмо ответил Форнет, — полный набор самых заразных заболеваний. Лучше побыстрее отправить его на Луну. — Доктор махнул рукой, и охранники ввели пришельца из прошлого.

Гость был высок ростом и, по всей видимости, молод. Хотя его лицо едва просматривалось сквозь стекло шлема, Малеру показалось, что незнакомец чем-то напоминает его самого. Когда пришельца ввели в кабинет, его глаза удивленно

раскрылись.

— Вот уж не думал встретить тебя здесь! — воскликнул путешественник. Голос, усиленный динамиком, наполнил маленький кабинет. — Ты Малер, не так ли?

— Совершенно верно, — согласился Директор Бюро.

— Пройти сквозь все эти годы и найти тебя. И кто-то еще говорит о невероятности.

Малер не позволил втянуть себя в дискуссию. В обязанности Директора входило лишь краткое объяснение причин, по которым пришельца следовало отправить на Луну, а не ведение дружеской беседы на отвлеченные темы.

— Вы утверждали, что этот таймер обеспечивает перемещение как в будущее, так и в прошлое?

— Да, — подтвердил пришелец. — Работает в двух направлениях. Нажав эту кнопку, вы окажетесь в 2360 году.

— Вы сделали его сами?

— Я? Нет, конечно, нет. Я его нашел. Это долгая история, и у меня нет времени, чтобы рассказать ее. К тому же, попытайся я это сделать, все совершенно запутается. Давайте быстрее покончим с формальностями. Я понимаю, что у меня нет ни единого шанса остаться на Земле, и прошу

отправить меня на Луну.

— Вам, разумеется, известно, что в наше время побеждены все болезни…

— А я битком набит вирусами и микробами, — подхватил пришелец, — и оставить меня на Земле абсолютно невозможно.

АБСОЛЮТНО НЕВОЗМОЖНО! Его любимая фраза. Малер хмыкнул. Должно быть, кто-то из молодых техников предупредил пришельца о том, что его ждет, и тот смирился.

— Ну и отлично, — сказал Малер. — Я рад, что вы понимаете необходимость предпринимаемых нами мер предосторожности.

— Возможно, я понимаю далеко не все, — ответил пришелец, — но знаю, что мои слова ничего не изменят. Я готов. Прикажите меня увести.

По знаку Малера охранники вывели пришельца в коридор.

Если бы все были такие, как этот, со вздохом подумал Директор Бюро.

Он взял со стола таймер и еще раз внимательно осмотрел его. Возможность перемещения в прошлое могла бы решить проблему Луны. Стоило путешественнику во времени появиться в двадцать восьмом столетии, как его тут же отправили бы назад. Но Малер все еще продолжал

сомневаться. Практическая возможность перемещения по времени была открыта почти шесть столетий назад, но никто еще не смог сделать таймер, обеспечивающий движение в обоих направлениях. И, что еще более важно, никто не встречал пришельцев из будущего. Если бы двусторонний таймер существовал, они появлялись бы ничуть не реже, чем гости из прошлого.

Значит, этот парень солгал, с сожалением заключил Малер. Двусторонний таймер — выдумка. С его помощью человек не мог отправиться в прошлое, потому что это невозможно. Абсолютно невозможно.

Но Малер не мог оторвать глаз от таймера. А что, если странный пришелец говорил правду? Малер повертел таймер в руках. Нажми эту кнопку, вспомнил он слова пришельца. Что, если тот…

НАЖМИ ЭТУ КНОПКУ!

Палец Малера коснулся указанного места. В следующее мгновение он отдернул руку и хотел положить таймер на стол, но у него зарябило в глазах и кабинет куда-то исчез.

Тяжелый, дурно пахнущий воздух не давал вздохнуть полной грудью. Наверное, сломался кондиционер, подумал Малер и поднял голову.

Гигантские уродливые здания вздымались к черным облакам дыма, плывущим по серому небу. Он стоял посреди шумной улицы, сжимая в руке таймер. Таймер, обеспечивающий перемещение не только в будущее, но и в прошлое. Лунной тюрьме пришел конец. Начинался новый период человеческой истории. Но что он делает в этом ужасном мире? Левая рука Малера потянулась к таймеру.

— Документы, прыгун. — Кто-то грубо схватил его за шиворот.

Малер обернулся и увидел широкоплечего мужчину в темно-коричневой форме с двумя рядами металлических пуговиц.

— Слышишь меня? Показывай документы, а не то я отведу тебя куда следует.

Малер рванулся в сторону и нырнул в толпу.

— Это прыгун! — крикнул кто-то. — Держи его.

Отталкивая людей, отдирая хватающие его руки, Малер свернул в боковую улочку. Его сердце стучало, как паровой молот. Сзади слышался топот многочисленных преследователей.

Увидев открытую дверь магазина, Малер вбежал внутрь и захлопнул ее за собой.

— Чем я могу быть полезен? — ему навстречу заспешил продавец. — У нас имеются последние

модели…

— Отстаньте от меня! — рявкнул Малер и нажал кнопку таймера.

Сладкий воздух двадцать восьмого столетия пьянил, как молодое вино. Неудивительно, что так много пришельцев из прошлого стремятся сюда, думал Малер. Наверное, жизнь на Луне и то лучше, чем там.

Прежде всего следовало привести себя в порядок, помыться, залечить синяки и ссадины, полученные во время недолгого путешествия в прошлое, переодеться. В таком виде его едва ли узнают в Бюро. Малер огляделся в поисках ближайшего «Уголка отдыха». Он стоял на тихой улочке, утопающей в зелени. Увидев знакомый знак, Малер уже направился к нему, как услышал мелодичный звон, и оглянулся. По дороге медленно катилась широкая низкая тележка с двумя охранниками Бюро, одетыми в защитные скафандры.

Ну, разумеется, вздохнул Малер. Он же прибыл из прошлого, и детекторы, как всегда, зафиксировали его появление в двадцать восьмом веке.

Малер быстрым шагом направился к охранникам. Он не узнал ни одного, но особо не удивился — в Бюро было много работников.

— Рад вас видеть, — приветствовал Малер охранников.

На свет появился космический скафандр.

— Хватит болтать, — сказал один из них. — Залезай сюда.

Малер побледнел.

— Но я же не пришелец из прошлого. Подождите, ребята. Это ошибка. Я — Малер, Директор Бюро. Ваш босс.

— Довольно шуток, приятель, — пробурчал первый охранник, в то время как второй всунул Малера в скафандр. К своему ужасу. Директор Бюро понял, что его не узнали.

— Не волнуйтесь, — успокоил его второй охранник. — Мы отвезем вас к Шефу, который все объяснит и…

— Но Шеф — это я, — запротестовал Малер. — Я осматривал таймер, обеспечивающий перемещение в обоих направлениях, и случайно отправил себя в прошлое. Снимите с меня эту штуку, и я покажу вам удостоверение. Тогда вы сможете убедиться в моей правоте.

— Послушай, приятель, не надо нас ни в чем убеждать. Если хочешь, расскажи все Шефу. Поехали, не будем терять времени.

Малер начал понимать, что произошло. Из-за

несовершенства таймера, не обеспечивающего точной настройки на заданное время, он попал не в тот день, из которого таймер увел его в прошлое, а возможно, в следующий месяц или год, десятилетие. Бюро к тому времени возглавил кто-то еще.

Встретившись с новым Директором Бюро, он просто и спокойно объяснит создавшуюся ситуацию и попросит разрешения вернуться в то время, к которому он принадлежал и где он мог передать двусторонний таймер соответствующим организациям и возобновить жизнь и работу с момента отбытия в прошлое. И тогда скорее всего уже не придется отправлять путешественников во времени на Луну.

И вдруг его обожгла мысль: если это он сделает на какое-то время раньше, то почему до сих пор существует Бюро? К горлу Малера подкатил комок.

— Заканчивайте поскорее! — поторопил он врача.

— Не понимаю, куда вы спешите, — огрызнулся тот. — Или вам нравится жизнь на Луне?

— Обо мне не беспокойтесь, — уверенно ответил Малер. — Если б вы знали, кто я такой, то подумали бы дважды, прежде чем…

— Это ваш таймер? — перебил его врач.

— Не совсем. То есть… да. И будьте с ним осторожны. Это единственный в мире таймер, способный перенести человека не только в будущее, но и в прошлое.

— Неужели? — удивился врач. — И в прошлое тоже?

— Да. И если вы отведете меня к Шефу…

— Один момент. Я хочу показать ваш таймер Главному врачу. Юноша вернулся через несколько минут.

— Все в порядке. Шеф вас ждет. Я бы советовал вам не спорить с ним, это ничего не изменит. Вам следовало оставаться в своем времени.

Вновь появились охранники и повели Малера по знакомому коридору к маленькому, залитому ярким светом кабинету Директора, в котором он, Малер, провел восемь лет. Правда, по другую сторону стола.

Подходя к двери, Малер еще раз повторил про себя все аргументы, которые он собирался высказать новому Директору Бюро. Он кратко обрисует свое путешествие в прошлое и обратно, докажет, что он — Малер, и попросит разрешения воспользоваться таймером для возвращения в свое время. Директор, естественно, сначала встретит

его слова враждебно, потом заинтересуется и наконец рассмеется, слушая рассказ о злоключениях коллеги. А затем, несомненно, удовлетворит его просьбу. Малер поклялся, что, вернувшись, никогда не коснется таймера. И вообще уйдет из Бюро. Пусть другие отправляют путешественников во времени на Луну или в прошлое.

Дверь беззвучно отворилась. За столом сидел высокий, крепко сложенный мужчина с суровым лицом.

Малер! За столом сидел он сам, Малер! Человек, отправивший на Луну четыре тысячи пришельцев из прошлого, без единого исключения.

И если он Малер…

И тут Малер понял, что круг замкнулся. Он вспомнил путешественника во времени с твердым голосом, уверенного в себе, заявившего, что его таймер обеспечивает перемещение не только в будущее, но и в прошлое, и без долгих споров отбывшего на Луну. Теперь он знал, кто был этим путешественником.

Но с чего начался этот круг? Откуда взялся этот удивительный таймер? Он ушел в прошлое, чтобы принести таймер в настоящее, чтобы взять его в прошлое, чтобы взять его в прошлое, чтобы…

У Малера закружилась голова. Выхода не было.

Он взглянул на сидевшего за столом Директора Бюро. Спорить не имело смысла. Во всяком случае, не с ним, Малером. Кто знал об этом лучше его самого. Круг замкнулся, и его ждала Луна.

— Вот уж не думал встретить тебя здесь! — воскликнул путешественник во времени. Голос, усиленный динамиком, наполнил маленький кабинет.

ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР

XII
III
VI

© *Gary Alan Ruse,* Jolly Roger, 1981

Гэри Алан Рьюз
Фантастический рассказ
Перевел с английского Виктор Вебер
Рисунки О. Тарасенко

«Юный техник» 1983'11–12

— Это заговор! — взревел Гас Макэби.

— Ты преувеличиваешь. — Зейн Кирби попытался его успокоить. — Тебе оказана большая честь. Они ведь всегда стараются выбрать лучших из лучших, и кто сможет отрицать, что ты прекрасно выполнил предыдущие задания.

— Ерунда! Ты справился бы с ними ничуть не хуже. Все дело в том, что меня не любят в комиссариате. Они никогда не любили меня. Они знают, что мне отвратителен их затхлый бюрократизм, и мстят как могут.

— У тебя просто навязчивая идея. — Кирби дружески хлопнул Макэби по спине, но подумал про себя, что в словах его друга есть доля правды.

Руководство Службы Контроля Времени в самом деле считало Макэби бунтарем. Его ярко-желтый комбинезон и рыжеватые, всегда взъерошенные волосы резко контрастировали со строгими костюмами и короткими стрижка-

ми сотрудников службы. Если б не прекрасный послужной список, Макэби давно бы вылетел из СКВ.

— Все равно это заговор, — ворчал Макэби, выходя из лифта в холл десятого этажа штаб-квартиры Службы. — Они специально подбирают мне такие задания. Ну почему я не могу хоть раз отправиться в прошлое в своем собственном теле?

— Да хватит тебе дуться! Я уверен, что в нашей операции ты сыграешь важную роль.

— Чепуха! Мне они даже не сказали, куда и зачем мы отправляемся. Сначала, мол, приготовьтесь…

Пожав друг другу руки, они разошлись. Кирби — направо, в костюмерную, Макэби — налево, в лабораторию трансплантации.

Полчаса спустя в лифте поднимались два необычных пассажира. Первый, Зейн Кирби, в выцветших бурых бриджах, едва достигавших ботфортов с завернутыми вниз голенищами, стоял, непринужденно облокотившись о стенку кабины. Верхнюю часть его тела украшала белая сорочка свободного покроя, а голову венчал алый шелковый платок. За широкий пояс заткнут был кремневый пистолет, а на левом боку Зейна болталась абордажная сабля.

Второй пассажир, большой, зеленый попугай с оранжевым клювом и разбросанными по оперению желтыми искорками, нахохлившись, сидел на поручне. Кирби видел эту птицу впервые, но что-то в выражении его глаз показалось ему очень знакомым, и он не сдержал улыбки.

— Ни слова! — рявкнул попугай. — Ни звука! И на твоем месте я бы перестал улыбаться.

— Извини, Гас. — Кирби попытался придать лицу серьезное выражение.

— Не вижу ничего смешного, — продолжал возмущаться Гас. — Интересно, хотел бы ты сейчас не питаться ничем, кроме семечек и пшеничных зернышек?

— Ты прав. Я забыл, что твой мозг загнали в попугая, а его — в твое тело.

— Хорошенький обмен! Я надеюсь, что он не вздумает полетать.

На двадцать третьем этаже двери распахнулись, и Кирби вышел из кабины. Попугай неуклюже взлетел с поручня и опустился ему на плечо. Навстречу им шла Анжела Дивейн, также агент Службы. Она приветствовала их взмахом руки.

— Здорово, Зейн! Как дела, Гас?

— Видишь! Видишь! — воскликнул Макэби. —

Даже она знает, что именно меня всегда загоняют в звериное обличье.

— Успокойся. — Кирби попытался сменить тему. — Честно говоря, меня поражают достижения наших биологов. Как им удается всунуть человеческий мозг в такой маленький череп?

— Ха! — хмыкнула Анжела, отбросив прядь золотистых волос. — Держу пари, там осталось еще много свободного места.

— Лежачего не бьют, — обиделся Гас, но за ней уже захлопнулись двери лифта.

Они вошли в приемную командора Хьюсфорда Шеффилда, и робот-секретарь провел их в кабинет.

— А, Кирби и Макэби, — высокий, бородатый, начинающий полнеть командор поднялся из-за стола. Он подождал, пока за роботом закроется дверь. — Полагаю, вас интересует, что мы приготовили вам на этот раз. Я…

— Подождите, — прервал его Гас с плеча своего напарника. — Я догадаюсь сам. Вы посылаете нас в Голливуд на съемки фильма о капитане Флинте.

Шеффилд нахмурился.

— Оставьте ваши шуточки при себе, агент Макэби. Надеюсь, вы понимаете, что вам предстоит

выполнить очень ответственное поручение. Как вам хорошо известно, люди прошлого никогда бы не поверили в то, что животные могут иметь человеческий интеллект. Поэтому вы в образе попугая приобретаете определенные преимущества, которые позволяют наиболее эффективно использовать ваши способности. Ваш послужной список служит доказательством моих слов. На этот раз, как бывало и раньше, мы имеем дело с контрабандой во времени. Только в данном случае могут возникнуть существенные исторические изменения.

— И что это за контрабанда? — спросил Кирби.

— Из армейских арсеналов Соединенных Штатов тысяча девятьсот семидесятого года исчезло значительное количество оружия и боеприпасов. Все это наша разведка обнаружила на острове Новое Провидение в тысяча семьсот пятнадцатом году.

— В это трудно поверить, — удивился Кирби. — Передвинуть такую массу сквозь пространство-время. Неужели наши детекторы не засекли машину времени преступников?

— В том-то и дело, что не засекли, — хмуро кивнул Шеффилд. — Возмущения от новых японских моделей минимальны. А наши детекторы и так

не слишком чувствительны.

— Вероятно, в тысяча семьсот пятнадцатом году это оружие произведет фурор, — быстро сказал Кирби. — Какому государству оно предназначено?

— Оно предназначено не государству, — ответил Шеффилд. — Как мы понимаем, преступник, доставивший оружие в восемнадцатый век, собирается продать его пиратам за золотые дублоны и прочие ценности с испанских галеонов, захваченных при помощи этого оружия. Разумеется, пираты, имеющие оружие, появившееся на два века позже, предельно опасны. Создав свое государство, они изменят соотношение сил во всем мире. Наши компьютеры уже сошли с ума, пытаясь рассчитать возможные исторические последствия.

— Личность преступника вам известна? — осведомился Гас.

— Да, конечно, — Шеффилд нажал кнопку небольшого пульта, стоящего на его столе, и, не оборачиваясь, указал рукой на портрет Президента, возникший за его спиной. — Вот он, джентльмены.

У Зейна Кирби округлились глаза.

— Я думал, вы голосовали за него, — заметил

Гас.

Шеффилд круто обернулся и побагровел.

— Черт побери, — пробормотал он, лихорадочно нажимая кнопки. — Опять барахлит переключатель!

Величественный образ Президента исчез, уступив место мужчине средних лет, сфотографированному в анфас и профиль, с круглым лицом и приятной улыбкой. Челка почти полностью закрывала его лоб.

— Его зовут Роджер Тернбакл, — продолжал Шеффилд. — В тюрьме еще не сидел, хотя у него и прежде возникали трения с законом.

Кирби поправил платок.

— Значит, вы хотите, чтобы мы завладели оружием и привезли Тернбакла сюда, где он предстанет перед судом за нарушение законов перемещения во времени.

— Совершенно верно. — Шеффилд передал ему увесистую папку с материалами, касающимися намеченной операции, и нажал кнопку, открывающую дверь кабинета. — Ознакомьтесь с этими документами. Через два часа вы должны явиться в лабораторию транспортации.

— Мне не нравится твоя рожа, приятель, — прорычал огромный пират. — И то же самое я думаю

об этой вонючей курице.

— Я тоже от нее не в восторге, — едва успел пробормотать Кирби, и в этот момент пират сгреб в кулак его сорочку и рванул на себя.

Они материализовались в центре бурлящего поселения пиратов, когда на остров Новое Провидение спустились вечерние сумерки. Иэ брезентовых палаток и деревянных хибар доносились крики и песни.

— Я не раз встречал таких, как ты! — ревел пират. — Паршивых аристократов, которые думают, что мир принадлежит им и они могут толкать кого угодно.

Гас уже успел удалиться на безопасное расстояние, и Кирби решил, что с него хватит. Он потянулся к заткнутому за пояс кремневому пистолету. Умельцы Службы умудрились, не меняя внешнего вида пистолета, смонтировать внутри парализатор и лазер. Но Кирби не удалось воспользоваться чудесами технологии будущего, так как пират, отпустив сорочку на его груди, схватил пришельца из будущего за шиворот, другой рукой — за бриджи и, подняв в воздух, швырнул в направлении, открытой двери таверны.

— В следующий раз, — донеслось вслед, — ты будешь смотреть, куда идешь!..

Кирби пролетел над тремя столами, к счастью, пустыми, и приземлился на молоденького пирата, идущего с подносом, уставленным полными кружками. Таверна наполнилась звоном разбитой посуды и возмущенными криками людей, сидящих за соседними столиками. Пока Кирби приходил в себя, подлетел Гас и опустился на спинку стула.

— Великолепное зрелище, Зейн, — хмыкнул он. — Ты летаешь куда лучше, чем я.

— Спасибо тебе за помощь, — огрызнулся Кирби. — Ты мог хотя бы клюнуть его.

— Честно говоря, — ответил попугай, — я испугался, что он свернет мне шею.

Тут из-под Кирби послышались приглушенные стоны, сменившиеся отборными проклятьями. По тембру голоса он понял, что ошибся, приняв пирата за мужчину.

Кирби поднялся и помог девушке встать. Сидящие за столиками пираты уже забыли о его необычном появлении и вернулись к своим кружкам и песням.

— Я искренне сожалею о случившемся, — пробормотал Кирби.

— Сожалеешь? — Девушка стряхнула пыль с одежды. — Ты будешь еще больше сожалеть,

когда я возьму саблю и изрублю тебя в куски.

— Ты нашел себе настоящую жемчужину, — проворковал Гас, пролетая мимо него в сторону двери.

Глаза девушки сердито сверкнули.

— Кто это сказал?

— Вот этот зеленый болтун, — ответил Кирби. — Мне действительно очень жаль, что все вышло так нескладно.

В полумраке таверны, в мужских бриджах, сапогах и мешковатой рубахе, девушка и впрямь могла сойти за мужчину. Ее каштановые, коротко стриженные волосы прекрасно подходили к большим карим глазам. Она оглядела Кирби с головы до ног и уже более спокойно сказала:

— Посмотри, что ты натворил. И что я отнесу моим друзьям?

Кирби вытащил из кармана золотую монету.

— Пусть они выпьют за ваше здоровье.

Поколебавшись, она схватила монету и попробовала ее на зуб. Гас тут же влетел в таверну и опустился на стол, возле которого стояла девушка. В клюве он принес цветок, который положил рядом с ее рукой.

— Кр-р-расота! — прокричал он, как настоящий попугай. — Кр-р-расота!

Девушка покраснела, взяла цветок, понюхала его, и на ее лице даже появилось некое подобие улыбки.

— Ну, во всяком случае, твой попугай — настоящий джентльмен. Пожалуй, я не стану тебя убивать.

— Молодец, Гас, — прошептал Кирби.

Девушка протянула руку и погладила попугая.

— Что-то я не встречала вас раньше.

— Никогда тут не были, — уверил ее Кирби. — Прибыли только сегодня и зашли сюда утолить жажду. Где хозяин этой таверны?

— Хозяин перед тобой. Таверна стала моей с тех пор, как отец заболел лихорадкой и отправился на тот свет. Раз уж ты угощаешь моих друзей, почему бы тебе не выпить вместе с ними?

Девушка наполнила кружки из большого котла и понесла их в дальний угол, где расположились ее друзья. Кирби сел рядом с ними.

— Меня зовут Зейн Кирби, — представился он девушке. — А вас?

— Хиггинс, Салли Хиггинс.

— Но мы зовем ее Салли в сапогах, — ухмыльнулся пират с худым, длинным лицом, сидевший слева. — Из-за ее пристрастия к модной обувке.

Салли вспыхнула.

— Ты старый козел. Том Оукс, и к тому же сплетник.

Оукс расхохотался.

— Какие слова! Кто бы мог подумать, что ее отец когда-то был образованным человеком и заставил ее прочесть не один десяток книг.

Кирби решил, что ему лучше не вмешиваться, и пригубил пиратское пойло. К его удивлению, напиток оказался не только крепким, но и вкусным.

— Что это такое? — спросил он.

— Матросский пунш, — ответила Салли. — Держу пари, на всем острове не найдешь лучшего пунша.

Гас вонзил когти в плечо Кирби.

— Извини, — сказал тот и поднял кружку. — Попробуй и ты.

Гас набрал полный клюв, проглотил и понял, что птичье нёбо менее привычно к крепким напиткам, чем человеческое. Его глаза закатились, перышки взъерошились, и хриплым голосом он пропел: «Йо-хо-хо, и бутылку рома!»

— Он говорит? — спросил Том Оукс.

Кирби кивнул.

— Даже больше, чем мне хотелось бы. Но хватит о нем. Я приехал сюда по делу. Мне нужен человек

по имени Роджер Тернбакл. Вы слышали о нем?

— Возможно, мы слышали, — отозвалась Салли в сапогах. — А возможно, и нет.

— Он — ваш друг? — подозрительно спросил Том Оукс.

— Друг? Вряд ли. — Кирби почувствовал, что этот Роджер не пользовался популярностью у друзей Салли. — Я никогда не встречался с ним. Но я слышал, у него есть кое-что на продажу.

— Не знаю, что у него есть, — ответила Салли. — Он собирает команду и раздает направо и налево щедрые обещания. Он тут человек новый, так же как и ты. Может, ты хочешь плыть вместе с ним?

Взгляды сидящих за столом скрестились на Кирби.

— Нет. — Он покачал головой. — Честно говоря, у меня нет и мысли помогать ему. Но у меня есть свои планы в отношении Тернбакла, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Все ясно. — На губах Тома Оукса вновь заиграла улыбка. — Не зря ты мне сразу понравился. Ну, раз ты не дружишь с Тернбаклом, то, возможно, захочешь помочь нам. Мы хотим поставить этого мерзавца на место, и лишняя голова и пара крепких рук нам не помешают.

Кирби задумался.

Союз с друзьями Салли мог несколько сковать его действия, но зато обеспечивал прекрасное прикрытие.

— Хорошо, — он кивнул. — Считайте, что я с вами. Но что вы собираетесь делать?

— Мы узнали, что они отплывают завтра на рассвете, — прошептала Салли, наклонившись к нему.

— Чтобы проверить себя в деле, — добавил Том Оукс. — И если добыча будет так велика, как хвалится Тернбакл, возможно, что-то достанется и другим.

— Это интересно. — Кирби взглянул на попугая. — Как твое мнение, Гас?

— Конечно, интересно! — весело воскликнул тот. — Подними-ка повыше эту кружечку.

— Похоже, Тернбакл не собирается продавать оружие, — заметил Кирби. — Он собирается использовать его сам. — Гас, нахохлившись, сидел у него на плече. — Неорганизованные пираты с оружием из будущего — это одно. Но, если у них появится такой лидер, как Тернбакл, ситуация резко осложнится.

— Помолчи, — прошептал Гас. — Вот идет гроза Испанского Мейна.

Салли в сапогах сменила вечерний туалет на

боевой наряд: сапоги, черные, облегающие ноги кожаные бриджи и куртку того же цвета, с золотыми пуговицами, вероятно снятую с какого-нибудь щеголя, пересекшего ее тропу. Над широким пурпурным поясом торчали рукояти пистолетов. Голову украшала шляпа с пышным плюмажем. На левом боку болталась внушительных размеров абордажная сабля.

— Хорошо, что вы уже готовы, — сказала она, подходя к Кирби в сопровождении группы пиратов. — Так как ты у нас новичок, учти, что Том наш боцман и рулевой, так что любое его слово для тебя приказ. Я — капитан корабля.

Кирби молча кивнул. Иэ материалов папки, переданной ему Шеффилдом, он знал, что капитаны избирались командой и обладали реальной властью лишь во время погони за торговым кораблем и самой битвы. Короче, у пиратов капитан являлся специалистом по ведению боевых действий. Он удивленно взглянул на девушку, которая прошла мимо него и села в шлюпку.

— Капитан?! — пробормотал Кирби.

Том Оукс пожал плечами.

— Эта посудина, — он указал на трехмачтовый шлюп, покачивающийся на волнах метрах в ста от берега, — под ее управлением не проплывет

и дюжины футов, не сев на мель, но, когда дело доходит до драки, ни один из нас не может сравниться с ней. И я не советую тебе, приятель, менять установленный порядок.

— Спасибо, — кивнул Кирби. — Я это учту.

Шлюпки быстро доставили их на «Единорог», как назвала Салли этот трехмачтовый шлюп. Один из пиратов, оставшихся на борту, указал на большое судно, выходящее из гавани.

— Корабль Тернбакла!

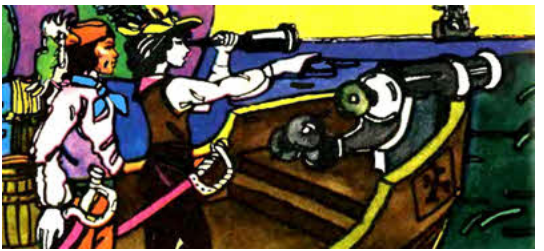
— Все по местам! — крикнул Том Оукс. — Поднимаем якорь и поглядим, куда они направились.

Два часа спустя они обогнули остров с севера и приблизились к Флориде, мимо которой лежал основной торговый путь в Европу. «Единорог» держался на почтительном отдалении от корабля Тернбакла, но не упускал его из виду. И тут расстояние между кораблями начало таять как апрельский снег.

— Они убрали паруса, — сказал Том Оукс.

Зейн Кирби указал на корабль, почти полностью скрытый судном Тернбакла.

— Может, их заинтересовал вон тот корабль?



— Корабль? — Салли приложила к глазу подзорную трубу. — Да, я его вижу! Испанский галеон! Он сам плывет к нам в руки.

— И наверняка везет богатую добычу, — добавил Том Оукс — Но Тернбакл не догонит его со спущенными парусами.

Салли-в-сапогах повернулась к нему.

— Тогда его догоним мы!

— Прекрасно, — пробурчал Гас. — Правила разрешают нам принимать непосредственное участие в действиях пиратов?

— Вероятно, да, — ответил Кирби, взглянув на попугая. — Если только мы не окажем решающе-

го влияния на исход сражения.

«Единорог» прошел в сотне ярдов от корабля Тернбакла. Высокие борта не позволяли видеть, чем занимается его команда.

— К флагу, Том, — приказала Салли. — Приготовить абордажные крючья!

Пока Том Оукс готовился поднять черный флаг с белым черепом и скрещенными костями, канониры заряжали фальконеты «Единорога». Кирби не обольщался насчет судьбы, которая ждала матросов испанского галеона в случае его захвата пиратами. Но правила запрещали агентам Службы изменять ход событий. Даже первоклассные компьютеры не могли рассчитать последствия того или иного воздействия на прошлое.

Они плыли на северо-запад, быстро сближаясь с галеоном, когда сзади послышался какой-то стрекочущий звук.

— Что это? — спросила Салли.

И тут из-за нормы показалось полдюжины фибергласовых скутеров с подвесными моторами. Легко обогнав «Единорог», они помчались к испанскому кораблю. В каждом скутере сидели четыре или пять пиратов, вооруженных автоматами и базуками.

— О боже, — вздохнул Кирби. — Оказывается,

Тернбакл притащил сюда не только оружие.

Салли-в-сапогах, как и команда «Единорога», остолбенела от изумления.

Над кормой галеона показался дымок, и несколько ядер шлепнулось в бирюзовую воду. Послышался треск автоматов, снаряд базуки сшиб золоченую фигуру, украшавшую нос корабля, и тут же испанцы замахали белыми флагами. Пираты Тернбакла вскарабкались по бортам и захватили галеон. Слишком легко, по мнению Салли.

— Что это за сражение? — возмущалась она. — Теперь пиратом может стать любой дурак. А испанцы даже не сопротивлялись.

— И правильно сделали, — прогремел сзади мужской голос. — Надеюсь, вы последуете их примеру.

Как один человек, пираты «Единорога» обернулись на голос. На корме стояли пятеро, все, кроме одного, вооруженные автоматами. Безоружный мужчина улыбался.

— Как вы посмели подняться на борт без моего разрешения? — взревела Салли-в-сапогах.

Оправившись от неожиданности, они двинулись на малочисленных пришельцев. В следующий момент автоматная очередь продырявила

палубу у их ног.

— А теперь бросайте оружие, — улыбка не сходила с лица Тернбакла. — Нам нет нужды проливать вашу кровь… пока. Мы не собираемся развлекать вас как гостей, но, думаю, найдем вам дело.

— В хорошенькую мы влипли историю, — печально сказал Кирби, скованный по рукам и ногам.

— Стыд и позор, — согласился Том Оукс, сидящий рядом в таких же кандалах.

Их оставили на берегу небольшого островка. Наступила ночь, метрах в ста от пленников, при свете факелов, победители отдавали должное рому, найденному в трюме испанского корабля. Как ни странно, там не оказалось ни золота, ни драгоценностей, и пираты разрешили испанцам следовать дальше. Оружие с «Единорога» побросали в большую сеть, оставленную у самой кромки воды. Там же оказался и кремневый пистолет Кирби с парализатором и лазером.

Роджер Тернбакл подошел к ним в сопровождении пяти или шести пиратов.

— Я хочу дать вам возможность разбогатеть, — он вновь улыбнулся. — Стать настоящими богачами.

— Мы слушаем, — пробурчал Том Оукс. — Тем более что нам не остается ничего другого.

Тернбакл прошелся перед пленниками.

— Все очень просто. Сегодня, как вы видели, мы провели практическую проверку нашего нового оружия.

— Хороша проверка! — фыркнул Оукс. — Вы отпустили испанца.

— Кому нужна эта дырявая посудина? — Тернбакл презрительно махнул рукой. — Этот корабль — ничто по сравнению с тем, что нас ждет через несколько дней. Я говорю об испанском серебряном флоте.

Пленники недоверчиво переглянулись. На лице Тернбакла заиграла довольная улыбка.

— Да, серебряный флот. Перевозящий золото и серебро из Америки в Европу.

— Но, кроме золота, на этих кораблях предостаточно пушек, — возразил Том Оукс. — Надо быть сумасшедшим, чтобы решиться напасть на них.

— С обычным оружием, да. То есть не с тем, что имеется в нашем распоряжении. Я могу обойтись и своими людьми, но будет лучше, если вы присоединитесь к нам. Разумеется, капитаном останусь я.

— Мммм-мммм-мммф!!! — хотя кляп не давал

Салли говорить, ее взгляд мог бы расплавить камень.

— Она говорит, что должна подумать над вашим предложением, — перевел ее слова рассудительный Том Оукс.

— Ну и отлично. Завтра утром вы сообщите мне о своем решении. Кто захочет, поплывет с нами. Остальные… — он ухмыльнулся. — Ну, им придется задержаться на этом островке на неопределенное время. А теперь позвольте пожелать вам спокойной ночи.

Как только Тернбакл и его свита удалились на безопасное расстояние, Г ас слетел с пальмы на плечо Кирби.

— Привет, Зейн. Наслаждаешься жизнью?

— Тебя бы на мое место, — пробурчал тот.

— Ты думаешь, что Веселый Роджер освободит вас?

— Конечно, — ответил Кирби. — И возьмет к себе на службу. Чтобы мы помогли ему захватить испанские сокровища. А потом… Я сомневаюсь, что даже его люди получат хоть один дублон. Но, как бы то ни было, Салли ему не уговорить. Я уверен, что она не подчинится Тернбаклу. Даже если ей придется остаться на этом острове.

— Это точно, — вздохнул Гас. — Значит, нам

нельзя терять ни минуты, — он взглянул на кандалы Зейна. — Полагаю, ты хотел бы освободиться от этих побрякушек?

— Еще бы! Ты можешь сломать замок?

— К сожалению, у меня нет рук. Может, тебя устроит ключ?

— Он у тебя?

— Я попробую его достать, — ответил Гас. — Далеко не уходи, я скоро вернусь.

Ключ от кандалов висел на гвозде, вбитом в стойку брезентового навеса, под которым Роджер Тернбакл расположился на ночь. Гас опустился на пышный куст, росший рядом и огляделся. Никто из пиратов не обращал внимания на одинокого попугая. Сам Тернбакл уже начал похрапывать. Потом он перевернулся на спину, сунул руку в карман, вытащил портативную машину времени, острые углы которой мешали ему спать, положил ее рядом с собой и вновь повернулся на бок.

— Шеффилд был прав, — пробормотал попугай. — Это японская модель.

Гас сдернул ключ с гвоздя и полетел к Зейну Кирби и другим пленникам.

— Сколько тебя можно ждать? — недовольно пробурчал Кирби. Гас опустился на песок, взял

ключ в клюв, вставил его в замок и повернул.

— Меня задержали. Что ты собираешься делать?

Кирби открыл ножные кандалы.

— Сначала я хочу найти свой пистолет. Там много часовых?

— Один или двое. И они не слишком внимательны. — Гас почесал голову правой лапкой. — По пути ты мог бы захватить машину времени Тернбакла. Она лежит в его тенте, рядом с ним самим.

— Обязательно возьму. Я не хочу, чтобы он удрал от нас в другое столетие. А ты пока освободи Салли и остальных. И пусть они не слишком шумят в мое отсутствие.

Кирби исчез в темноте, а Гас перелетел к Салли. Та подпрыгнула от неожиданности. Гас освободил ей ноги и сел на колено.

— А теперь слушай внимательно, — сказал он.

У Салли округлились глаза.

— М-м-м-ф? — промычала она.

— Мы не имеем права говорить, кто мы такие, — продолжал Гас, — но иногда приходится поступиться правилами. Я не настоящий попугай. В жизни я гораздо выше и куда симпатичнее.

Он открыл замок ручных кандалов, Салли сбро-

сила их и вынула кляп.

— Но кто?.. Но как?.. Но почему?.. — пролепетала она.

— Послушай, у меня нет времени отвечать на недосказанные вопросы. У Зейна Кирби есть план, и мы должны ему помочь. Мы не хотим, чтобы Тернбакл пиратствовал не как все другие. Сегодня ты видела, к чему это может привести. Полагаю, тебе это не понравилось?

— Разумеется, нет, — фыркнула Салли-в-сапогах.

Зейн Кирби осторожно прокрался к берегу. Гас оказался прав. Часовых было мало, и большинство пиратов спало крепким сном. Вытащив из кучи оружия свой пистолет, Зейн с облегчением убедился, что с ним все в порядке.

— Эй, приятель, — раздался над головой чей-то хриплый голос.

Зейн вскочил на ноги и оглянулся. К нему приближался высокий мускулистый пират.

— Мы будем делить оружие утром… Эй, а почему ты не в кан-да… — послышался пронзительный воющий звук, и пират застыл с открытым ртом.

— Видишь, дружище, парализатор работает как часы. — Зейн довольно улыбнулся.

Оглядевшись, он заметил второго часового,

стоящего под кокосовой пальмой. Зейн щелкнул переключателем, прицелился и нажал на спусковой крючок.

Луч лазера как бритвой срезал верхушку пальмы вместе с орехами. Один из них угодил часовому по темечку, и тот рухнул как подкошенный.

— И лазер тоже. — Кирби подхватил автомат застывшего пирата и направился к тенту Тернбакла, мирно похрапывающего во сне. Он поднял машину времени и положил ее в карман.

Теперь предстояло собрать автоматическое оружие и спрятать его в безопасном месте. Кирби не хотел, чтобы оно досталось Салли и ее друзьям. Он решил отвезти автоматы на корабль Тернбакла. Тем более что там осталось все остальное оружие.

— У меня лихорадка, — пробормотала Салли. — Папе тоже иногда казалось, что он слышит, как разговаривают чашки.

Сидя на ее плече, Гас покачал головой.

— Не волнуйся, Салли, ты совершенно здорова. И не сошла с ума.

— Возможно. — Она нахмурилась. — Но когда же вернется Зейн? Мне надоело ждать.

— Надоело? — переспросил Гас. — Как бы ты заговорила, попав в попугаичью шкуру.

К ним подполз Том Оукс.

— К нам кто-то идет.

Какой-то человек тащил за собой сеть с оружием. Это был Кирби.

— Гас? — позвал он, остановившись в дюжине ярдов, но не видя пиратов, притаившихся в кустах. — Салли?

— Ну, наконец-то! — Салли-в-сапогах выпрямилась и подбежала к Кирби. — Где мои пистолеты и сабля?

— Тут, — он показал на сеть.

Пираты быстро разобрали оружие.

— А что делают люди Тернбакла?

— В основном спят. — Кирби взглянул на Гаса. — Я отвез автоматы на корабль. Как только мы доставим туда Тернбакла, сразу отправимся домой. Оказывается, все не так уж сложно…

— Замолчи! — оборвал его Гас. — Каждый раз, как ты только произносишь эти слова, сразу начинаются непри…

Банг!

— …ятности.

— Черт! — выругался Кирби, поняв, что второй часовой пришел в себя после удара орехом. — Мне следовало парализовать его.

— Будь уверен, этот выстрел переполошил

всех! — воскликнула Салли-в-сапогах, выхватывая саблю. — А люди Тернбакла, пьяные или трезвые, всегда готовы к бою. Ну что ж, зададим им перцу.

— Ты хорошая девушка, Салли, — сказал Гас, взлетая с ее плеча, — но, боюсь, предложенное тобой развлечение вредно для моего здоровья.

Скрестились сабли, загремели пистолетные выстрелы, тишина сменилась громкими криками. Зейн Кирби бросился к Тернбаклу, пытавшемуся вылезти из-под тента. Он едва увернулся от брошенной бутылки и тут же увидел пирата, с десяти ярдов целящегося из пистолета в спину Салли.

В следующее мгновение он прыгнул на девушку, сбив ее с ног. Тут же прогремел выстрел, и пуля вонзилась в ствол пальмы, пролетев над самым ухом Зейна.

Тернбакл с четырьмя пиратами бежали к шлюпке.

— Все оружие на корабле! — воскликнул Кирби. — Если они попадут туда, мы не сможем захватить Тернбакла. Бежим!

Когда они подбежали к берегу, шлюпка с Тернбаклом отплыла уже метров на сорок. Салли впрыгнула в ялик, Кирби столкнул его в воду и сел на весла. Гас опустился на нос.

— Греби быстрее, Зейн! — воскликнул он. — Они уходят.

Минуты текли, но расстояние между лодками сокращалось слишком медленно.

— Они приплывут первыми! — Салли стукнула кулаком по скамье.

— Это точно, — вздохнул Гас, — нам не хватит времени, чтобы догнать их.

— Времени! Как же я сразу не догадался! — и Кирби бросил весла.

— Ты сошел с ума? — воскликнула Салли. — Давай греби!

— Зачем? — Кирби достал из кармана портативную машину времени. — Они приплывут на корабль первыми. Но корабля там уже не будет.

— Ничего не получится, Зейн, — возразил Гас. — У этой штуки не хватит мощности, чтобы перенести во времени целый корабль. Это тебе не десяток автоматов.

— Я отключу предохранители, — Кирби нажал три кнопки, соединив аккумуляторы в единую цепь. — Во всяком случае, стоит попробовать. Но сначала надо доставить ее на корабль. Надеюсь, ты сможешь взлететь с ней, Гас?

— Я попытаюсь.

Кирби установил на циферблате время прибы-

тия и передвинул рычажок на боковой панели.

— У тебя есть тридцать секунд, чтобы донести ее до корабля и отлететь на безопасное расстояние. Пошел!

Гас зажал машину времени в лапках и взмахнул крыльями.

— Скорее, Гас, скорее! — кричал Кирби.

Салли сидела на корме, недоуменно качая головой.

— Никак не могу понять, что вы затеяли!

Тернбакл чуть не выпрыгнул из шлюпки, увидев, что несет попугай в своих лапках.

— Быстрее, быстрее! — понукал он пиратов.

Гас с каждым метром опускался все ниже. Тяжелая ноша тянула его к воде.

— …19…20…21…— считал он.

Собрав последние силы, он взлетел над планширом и, бросив машину времени на палубу, лихорадочно замахал крыльями, чтобы улететь подальше от корабля.

Прошло несколько секунд, и корабль озарила яркая вспышка. В следующее мгновение он исчез.

Пираты Тернбакла в испуге бросились в воду и поплыли к берегу. Сам Тернбакл остался сидеть, обхватив голову руками.

Кирби и Салли запрыгали от радости, когда Гас опустился на скамью.

— Гас, ты молодец! — воскликнул Кирби.

— Да, нам повезло, — ответил тот, переводя дух. — Но куда попадет корабль? Держу пари, после такого фейерверка он не вернется в наше время...

Полчаса спустя Тернбакл сидел в кандалах, дожидаясь отправки в будущее, а его люди заискивающе смотрели на пиратов Салли.

Сама Салли, открыв от изумления рот, смотрела, как Кирби отвинтил каблук и на крошечном экране вмонтированного в него темпорального приемопередатчика появилась бородатая физиономия командора Шеффилда.

Кирби коротко доложил обстановку.

— Хорошо, — кивнул командор, — мы попробуем найти корабль нашими детекторами и… — Тут он, нахмурившись, замолчал, заметив Салли, выглядывающую из-за плеча Зейна. — Агент Кирби, разве вам не известно, что вы не имеете права пользоваться специальным оборудованием в присутствии людей прошлого?

— А, вы о ней, — Кирби улыбнулся. — Извините, командор, но я уверен, что она сохранит все в тайне. Как-никак я спас ей жизнь…

— Что он имел в виду? — спросила Салли.

— К сожалению, он прав, — вздохнул Кирби. — Спасая твою жизнь, я нарушил устав Службы. В вашем времени ты должна умереть. Значит… остается только одно…

Зейн Кирби и Салли нетерпеливо ходили по холлу десятого этажа. Наконец открылись двери лаборатории трансплантации, и на пороге появился Гас Макэби, на этот раз в своем собственном теле.

— О боже, как хорошо вновь почувствовать себя человеком! — воскликнул он.

Салли-в-сапогах попятилась назад.

— Это дьявольская магия!

Раздался мелодичный звонок, и из кабины лифта вышел командор Шеффилд.

— А, агенты Кирби и Макэби — рад вас видеть. А это… я полагаю… мисс-в-сапогах. Или мисс Хиггинс?

— Мисс Хиггинс, — потупилась Салли.

— Я пониманию, что принял неординарное решение, — вмешался Кирби. — Но, так как формально она перестала существовать в своем времени, мне не оставалось ничего другого, как перенести ее в наше.

— Чересчур неординарное решение, — поправил его командор, но его суровый взгляд скоро сменился улыбкой. — Однако, учитывая некоторые обстоятельства, я могу лишь одобрить ваши действия.

— А где корабль Тернбакла? — спросил Гас. — Вы нашли его?

— Да… и нет. Мы знаем, где он, но не можем добраться до его груза.

— Как это?

— Машина времени Тернбакла не выдержала перегрузки и не смогла доставить корабль в одну заданную точку. В результате он оказался размазанным по времени. Как говорится, он находится в прошлом, настоящем и будущем, но не может материализоваться в реальном мире.

— То есть машина времени превратилась во

временную бомбу, разорвавшую корабль на тысячу кусков? — переспросил Гас.

— Совершенно верно, — кивнул Шеффилд. — Ну, не смею вас больше задерживать. За успешное выполнение задания вы награждаетесь отпуском. Через две недели прошу явиться ко мне. А вам, агент Макэби, — командор с неодобрением оглядел ярко-желтый комбинезон и взъерошенные волосы Гаса, — я бы советовал одеваться скромнее и хоть изредка посещать парикмахерскую.

АВТОМОБИЛЬНАЯ ЧУМА

© *Leonard Tushnet*, A Plague of Cars, 1971

Леонард Ташнет

Фантастический рассказ
Перевел с английского Виктор Вебер
Рис. В. Михеева

«Юный техник» 1985'07

Меня зовут Куперман, Эл Куперман. Я — ответственный секретарь Ассоциации промышленников Нью-Фоллса. И, несмотря на хороший заработок, не пожелаю этой должности и заклятому врагу. Нельзя сказать, что Нью-Фоллс чем-то отличается от других городов. Трудности у нас те же самые: старые дома ветшают, новые строятся слишком медленно, словом, как в любом американском городе.

Взять, к примеру, брошенные автомобили. Даже думать о них не хочется.

На улицах полно машин, брошенных владельцами. А как выглядит эта рухлядь? Разбитые стекла, вспоротая обшивка, снятые колеса. Брошенные автомобили — как бельмо на глазу. К тому же игры, которые затевают в них дети, могут привести к печальным последствиям.

Вы спросите, почему городские власти не убирают эти автомобили? Все упирается в расходы и ведомственные разногласия. Санитарная служба говорит, что это не их работа, но соглашается

вывезти автомобили за дополнительную плату. На свалках это старье не жалуют, потому что оно занимает слишком много места. Взять их на буксир нельзя, так как девяносто процентов брошенных автомобилей — без покрышек, а добрая половина и без колес. Поэтому они стоят и стоят у тротуаров, пока полиция не соблаговолит, а это случается довольно редко, увезти две-три штуки.

В конце концов муниципалитету пришлось обратиться к услугам фирмы, занимающейся вывозом брошенных автомобилей. Но вскоре какой-то проныра выяснил, что фирма с выгодой продает эти машины да еще дерет с города за вывоз три шкуры.

И вот тогда президент нашей ассоциации Мартин Смит решил, что этим делом должны заниматься именно мы. По его указанию я обратился к владельцам десятка фирм, которые могли бы нам помочь, и передал Смиту их условия.

— Это грабеж! — проревел он в ответ.

Тогда я написал письмо редактору журнала «Городское самоуправление» с просьбой к читателям присылать нам свои предложения по поводу того, как можно решить проблему. Письмо напечатали, но откликов я не получил.

Но вот однажды моя секретарша принесла мне

визитную карточку, на которой я прочел следующее: «ПЕТЕР ГАМИЛЬТОН, доктор философии. ПЕРЕВОЗКИ».

— Он просил передать, — усмехнувшись, добавила секретарша, — что может помочь вам с автомобилями. Уникальный тип!

И пригласила в кабинет высокого, стройного мужчину. У него были длинные, до плеч, волосы, шляпа, усы, ярко-голубая расшитая рубашка, красные джинсы, сандалии на босу ногу, гитара за спиной. Эта личность жмет мне руку и говорит на прекрасном английском языке: «Сэр, я могу вывезти из Нью-Фоллс все брошенные автомобили за одну неделю».

— Да? — спрашиваю я. — Вам известно, сколько их тут?

— Конечно, сэр, — отвечает он. — Девятьсот восемьдесят шесть. Я подсчитал. Увезу все, можете не сомневаться. За каждую машину вы заплатите по десять долларов.

Я попытался узнать подробности, но он в них не вдавался. Сказал, что сделал какое-то изобретение, что был профессором органической химии, стал безработным и теперь ему нужны деньги.

Я связался со Смитом, который долго не мог поверить, что мы так дешево отделаемся. Экспе-

римент назначили на утро следующего дня, во вторник.

Мы ждали Гамильтона на улице у старого канала. Вдоль тротуара стояло шесть разбитых автомобилей, без колес, с выпотрошенными двигателями. И вот подъезжает Гамильтон на большом грузовике, останавливается, откидывает задний борт, который становится трапом, и вытаскивает из кузова две бочки, сетку с бутылками, мешалку с крышкой, длинный, свернутый кольцами шланг и распылитель.

— А где ваши помощники! — спрашиваю я.

— Мне они не нужны, — отвечает он.

Смит поворачивается ко мне, и его брови удивленно ползут вверх, как бы говоря, что он не верит обещаниям этого чудака.

Гамильтон достает из одной бочки пригоршню зеленых гранул, добавляет их к черной жидкости из второй, перемешивает то и другое деревянной лопаткой и закрывает крышку мешалки. Потом берет несколько аккордов на своей гитаре.

— Должна пойти реакция, — поясняет он.

Затем подсоединяет шланг к выходному патрубку мешалки и к распылителю. Достает из сетки бутылки, стеклянной пипеткой набирает из каждой по нескольку капель и через малень-

кое отверстие в крышке выливает в мешалку. Закрывает отверстие липкой лентой, садится на крышку и, аккомпанируя себе на гитаре, поет модную песенку «Куда исчезли все цветы!». От начала и до конца. Смит медленно наливается желчью и поглядывает на меня со всевозрастающей яростью.

А Гамильтон тем временем спокойно заканчивает песню, берется за распылитель и направляет струю на ближайший автомобиль, когда-то бывший щегольским «корветом». Машину покрывает оранжевая пена. Гамильтон тщательно опрыскивает все наружные поверхности, даже днище. Потом отступает назад и говорит: «Смотрите».

Пена дымится, твердеет, идет пузырями. «Корвета» уже не видно. Спустя пять минут нет и дыма.

— Пока мы ждем, можно заняться и другим автомобилем, — говорит Гамильтон. — Пены у меня хватит, — и направляет распылитель на старый «форд», что стоит на другой стороне улицы. Минута, две — и «форд» исчезает под оранжевым чехлом.

Смит не отрывает взгляда от первого автомобиля. И подзывает меня.

— Гляди!

Вы когда-нибудь видели, как сдувается воздушный шар? Или нет, как тает снеговик под весенним солнцем? То же самое происходило и с закованным в пену «корветом». Он дрожал и медленно сжимался. Капот и багажник уползали в кабину. Машина принимала сферическую форму. Скорость сжатия возросла, и скоро на земле лежал оранжевый шар размером с большой пластиковый мяч, каким играют дети на пляже. Шар испускал столько тепла, что мы не могли подойти ближе чем на десять футов.

— Как вам это нравится? — спросил Гамильтон.

«Форд» в это время претерпевал то же превращение, что и «корвет».

Смит покачал головой.

— Не понимаю, что происходит. А что вы собираетесь делать с этим… с этим шаром?

— Нет ничего проще. Как только он остынет, а охлаждение можно ускорить, поливая шар водой, я отвезу его на свалку на этом грузовике. Он не займет много места.

— Но как вам это удалось?

— Использовал некоторые достижения прикладной химии, — ответил Гамильтон. — Эта пена — придуманная мной композиция на основе

производных уретан-полиэфирпласта…

И он наговорил довольно много, по праву гордясь своим изобретением. Но учтите, я могу ошибиться в терминах, так как в колледже меня учили химии только один семестр.

— Она представляет собой особое бороазотистое высокомолекулярное соединение, — продолжал бубнить Гамильтон, — с объемными гетероцикличными боковыми цепочками, часть из которых содержит атомы молибдена. Отсюда и оранжевый цвет.

— Ясно, что дело темное, — кивнул я. — В чем заключается суть процесса?

— Я добавил активатор к мономеру из этой бочки, чтобы началась полимеризация. Когда я распылил полученную смесь, кислород воздуха, действуя как катализатор, превратил полимер в очень длинные цепочки с… как бы это сказать, с крючочками по бокам, которые, сцепляясь, образовывали фибриллярную пространственную структуру. Новое вещество быстро затвердевает, и при этом отдает присоединенные гидраты. Вследствии этого пространственная структура сжимается наподобие белковой пленки, выставленной на воздух. Когда она принимает более-менее сферическую форму, скорость

сжатия увеличивается в результате действия сил Ван-дер-Ваальса. От выделяемого при этом тепла органические волокна обугливаются, а металл нагревается чуть ли не до температуры плавления и легко деформируется, заполняя свободное пространство. Внутреннее давление дробит обугленные волокна в гранулы и сплавляет металлические детали воедино. Созданный мною полимер сохраняет прочность при высоких температурах, поэтому наружная оболочка не лопается. Конечный продукт реакции перед вами. — Гамильтон кивнул на оранжевый шар. — Я получаю контракт на вывозку брошенных автомобилей?

Смит крепко пожал ему руку.

— Он ваш! Можете начинать прямо сейчас. Оплату я гарантирую. Более того, обещаю вам премию. Вы получите ровно десять тысяч долларов, если уберете все машины за неделю. Я попрошу мэра разрешить вам пользоваться пожарными гидрантами, чтобы ускорить охлаждение этих шаров. Я позвоню ему, как только вернусь к себе.

— Заметано! — Гамильтон хлопнул в ладоши. — Приступаю немедленно. Через неделю, во вторник утром, я приду за чеком.

Должен отметить, Гамильтон недолго работал

в одиночку. Вокруг начали собираться толпы людей. С четверга он уже не вывозил оранжевые шары. Их растаскивали горожане. Одни украшали ими лужок перед домом, другие использовали их вместо ограды, третьи устанавливали на детской площадке.

Во вторник утром я пришел пораньше и позвонил Смиту, чтобы узнать, готов ли чек для Гамильтона.

— Я скоро приеду к тебе, — сказал Смит. — Я как раз думаю об этих десяти тысячах.

Но я слишком хорошо знал Смита и знал, что обещание он дал сгоряча и теперь, конечно, о кем жалел. Смит приехал в десять часов. Спустя несколько минут появился Гамильтон. Теперь он был в кожаной жилетке на голое тело и голубых брюках.

— Доброе утро, — говорит он. — Пришел, как и договаривались. Ваши улицы свободны от автомобилей. Если кто-то снова бросит одну-две машины, полиция без труда уберет их. За мной никаких долгов. Могу я получить деньги?

Смит сидит за моим столом. Он надувает щеки, свистит, его пальцы складываются в пирамидку на полированной поверхности.

— Молодой человек, у меня чек на пять тысяч

долларов. Мне кажется, что означенная сумма — весьма приличный заработок за неделю, тем более что поставленная перед вами задача оказалась легче, чем ожидалось. А учитывая, что вы работали только пять дней, получается по тысяче долларов за каждый из них, — и протягивает чек Гамильтону.

Глаза Гамильтона метают молнии, но голос тих и ровен.

— Сэр, мы договаривались о десяти тысячах.

— Чепуха! — отвечает Смит. — В этом штате устная договоренность не имеет силы.

— Вы пожалеете об этом, — очень, очень спокойно говорит Гамильтон и уходит.

Я пытался было убедить Смита отдать Гамильтону всю сумму, но ничего не добился.

— Что он сможет сделать! Притащит назад старые автомобили? — вот и все, что я услышал в ответ.

Чек на пять тысяч лежал в моем столе целую неделю. Я надеялся, что Гамильтон передумает и придет за деньгами. Но он не появлялся, и я решил, что бывший профессор чересчур принципиален. По мне, даже половина лучше, чем ничего.

Все это произошло в мае, а с середины второй

недели июня зарядил дождь, который лил и в субботу и воскресенье. Обычно я не обращаю внимания на погоду. Все равно надо работать, идет ли дождь или светит солнце. Но на среду у нас намечалось важное событие. Один из астронавтов родился в нашем городе, и мы готовили парад в его честь. В воскресенье вечером синоптики сообщили, что дождь прекратился и к утру даже высохнет асфальт. Меня это вполне устроило. У нас хватало времени, чтобы до среды развесить транспаранты и флаги.

После программы новостей мне позвонил Смит:

— Хорошо, что дождь кончился. Я договорился о фейерверке после парада. — И потом добавил: — Между прочим, Гамильтон в Нью-Фоллсе. Держу пари, завтра он явится за деньгами. Пошли его ко мне.

— А где он пропадал?

— Не знаю. Серлат, начальник полиции, сказал, что патрульные видели его грузовик на улицах города. Утром он точно придет за чеком. Полицейские заметили, что грузовик у него на последнем издыхании — из всех щелей хлещет вода.

Гамильтон вернулся в Нью-Фоллс не за деньгами. Мы убедились в этом ранним утром. Как

всегда, сев завтракать, я включил радио.

— Дорожная служба предупреждает о заторах на дорогах двадцать один и двадцать три, ведущих в Нью-Фоллс, в результате многочисленных столкновений автомобилей на центральных улицах. Водителям рекомендуется объезжать Саус-авеню, Хай-стрит и Мэдисон-стрит из-за состояния дорожного покрытия. Бюро погоды аэропорта говорит, что при температуре воздуха плюс восемнадцать градусов образование льда на асфальте невозможно, что бы там ни утверждал инспектор Моунс. Пилот вертолета сообщил нам…

Я так и не узнал, какое зрелище открылось пилоту. Я прыгнул в машину и поехал в ассоциацию. Но добраться туда мне не удалось. Ардсли-террейс, где я живу, выходит на Норт-авеню. На перекрестке машины пытались объехать два столкнувшихся автомобиля. На моих глазах одну из них занесло, и она присоединилась к двум первым. Асфальт блестел как после дождя, хотя тротуары уже высохли.

Я вернулся домой и позвонил в полицию.

— Мистер Куперман, — сказал мне заместитель начальника, — это невероятно. Дороги такие скользкие, что сцепление между колесами и

асфальтом полностью пропадает. Будто едешь по голому льду. Мы надели цепи на колеса патрульных машин.

Необычное явление захватило только центральные улицы — Хайстрит, Мэдисон-стрит, Норт-и Саус-авеню, Сентрал-авеню и Колумбус-авеию. Но и этого хватило с лихвой. Можете представить, какая получилась пробка. Да еще это проклятое скольжение. И всплески эмоций, за которыми следовали новые столкновения. Все знают, что делается на улицах города во время внезапного снегопада. Нам пришлось еще хуже. Кто мог ожидать появление льда в июне?!

Я не отходил от радиоприемника весь день. Солнце поднималось все выше, а состояние дорожного полотна ухудшалось с каждым часом. Блестящая пленка на асфальте твердела. Дорожное управление округа направило в Нью-Фоллс машины с песком, но они не смогли преодолеть автомобильные заторы. Можете мне поверить, это был кошмар.

Надо отдать должное Смиту. Он первым догадался, что наши беды исходят от Гамильтона. И позвонил мне, чтобы узнать его адрес. Адреса у меня, естественно, не оказалось. Тогда Смит распорядился передать по местному радио и телевидению срочное сообщение для Гамильтона: «Для вас выписан чек на полную сумму. Пожалуйста, немедленно позвоните».

Гамильтон не отозвался. Специальные команды работали всю ночь, пытаясь очистить улицы, и во вторник, к полудню, освободили одну полосу движения. Парад, назначенный на среду, пришлось отменить, так как полиция и санитарная служба подсчитали, что им потребуется пять дней на наведение порядка.

При помощи химиков мы выяснили, что произошло. По мокрому после дождя асфальту распылили вещество, содержащее какое-то

кремнийорганическое соединение. Влага способствовала его равномерному растеканию по мостовой. Образовавшаяся гладкая, как стекло, пленка прочно прилипла к асфальту. Разумеется, тут не обошлось без Гамильтона.

За десять тысяч, которые сэкономил Смит, городу и округу пришлось выложить в десять раз больше, чтобы вычистить асфальт, увезти побитые машины, оплатить пребывание в больнице жертв аварий. К счастью, никто не получил серьезных травм. Прибавьте к этому выплаты страховых компаний. Не говоря уже о том, что жизнь в Нью-Фоллсе замерла на целую неделю, никто не мог добраться ни до работы, ни до магазинов. В общем, Гамильтон расквитался с нами сполна. Даже Смиту пришлось признать, что он ошибся.

Из этой истории мы извлекли хороший урок. Два урока. Первый — надо всегда выполнять данное обещание. И второй — никогда не связываться с идеалистами, которые ставят принципы выше наличных. От них можно ожидать чего угодно.

РЕБЕНОК, КОТОРЫЙ ВЕРИЛ

© *Zenna Henderson*, The Believing Child, 1970

Зенна Хендерсон
Фантастический рассказ
Перевел с английского Андрей Шаров
Рис. Л. Хачатряна

«Юный техник» 1985'08

Никто не видит, как я сижу, упрямо расслабив руки, тщательно сохраняя безмятежное выражение лица; никто не знает, что за ужасная задача

терзает меня. Я и сама не могу в это поверить: такого просто быть не может. И тем не менее я должна разобраться в ней. О, времени на решение у меня предостаточно! До четверти третьего. Но стрелки моих часов, будто ножницы, неумолимо отрезают минутки… Без четверти два. Что же мне делать, если в пятнадцать минут третьего я все еще не успею справиться с Дизми? Вон она, сидит рядом с Донной, ее жиденькие волосы совсем близко к блестящим, ухоженным локонам соседки…

Уж эти мне волосы Дизми! Я увидела их прежде, чем ее лицо, увидела тем октябрьским утром, когда со вздохом приняла в свой класс сорок пятого ученика, с первого взгляда поняв, что девочка из бедной семьи, живущей чуть ли не на одно благотворительное пособие. Почему-то это сразу видно по волосам. Но она была опрятна. Почти до боли. Руки и лодыжки покрылись трещинами, а вовсе не грязными пятнами. Обвислое и выцветшее голубое платье со следами закрашенного рисунка возле воротника и швов было отстирано, но не выглажено. Прямые волосы безжизненным одеялом покрывали костлявое личико и неровными прядями падали на плечи.

Я удивилась, увидев, что вместе с ней пришла

мать: обычно в том районе детей провожают не дальше автобусной остановки. У мамы были удлиненные запястья, длинная шея и продолговатое лицо; она носила брюки и линялую рубаху с булавками вместо пуговиц.

— Мою дочь зовут Дизми Коуэн, — сказала она. — В школу еще не ходила: мы выращивали капусту в Юте.

Пока я записывала имя, мать стояла, схватив Дизми за плечики. Наконец мы выяснили все, что нужно (включая и то обстоятельство, что, если школа не даст Дизми бесплатный завтрак, она вовсе не будет есть), и мама быстро подтолкнула девочку ко мне.

— Слушайся учительницу, — сказала она дочери и добавила, обращаясь ко мне: — Учите ее правде, она у меня очень легковерная.

Я выдала Дизми карандаш и прочие принадлежности и предложила познакомиться с одноклассниками, но она как села, так и продолжала сидеть, прямо и совершенно неподвижно. Наконец я забеспокоилась, подошла к ней и печатными буквами написала ее имя на желтом листке для черновиков.

— Вот твое имя, Дизми. Может, попробуешь его написать? А я помогу…

Дизми взяла у меня карандаш и зажала его в руке как кинжал. Пришлось мне самой расставить по местам ее пальчики. Мы обе взмокли, пока дописали имя до конца. Дизми не выказала никаких признаков той робкой радости, какую испытывает большинство новичков, увидев свои имена написанными на бумаге. Девочка взглянула на корявые буквы, потом на меня. Я улыбнулась. Она снова взяла карандаш как кинжал, поднесла его к листку и продырявила бумагу. Быстрым виноватым движением она прикрыла дырку и спрятала голову в плечи.

Я открыла коробку с цветными карандашами.

— Попробуй порисовать. Или походи по классу, посмотри, что делают другие ребята.

Весь остаток утра Дизми просидела на краешке стула, выпрямившись и застыв, будто кочерга. На перемене она отправилась следом за Донной в умывальник, а потом — на площадку для игр. Из чувства долга Донна всю перемену простояла возле Дизми, завистливо глядя на игры остальных.

После перемены, думая, что я на нее не смотрю, Дизми провела по бумаге две тоненькие линии красным грифелем и долго сидела, завороженная тем, что у нее получилось. Скорее всего она никогда прежде не держала в руках цветного

карандаша.

За завтраком в столовой Дизми с минуту во все глаза смотрела на свою мисочку, потом принялась вычерпывать ее содержимое ложкой и сложенными в ковшик пальцами. Она ела так быстро, что едва не поперхнулась.

После обеда Дизми кое-как намалевала на бумаге три корявые тарелки, полные еды, и кособокую картонку молока с огромной соломинкой. При помощи Донны она взяла в руку цветной карандаш и срисовала с бумажки, на которой было написано ее имя, две первые буквы: ДИ. Но З загнулось не в ту сторону, и девочка опять виновато прикрыла листок стремительным движением руки, напряглась и просидела так до конца урока. Я привыкла к детям, которые пугаются, приходя в новую школу, но ничего похожего на Дизми прежде не видела. Она не разговаривала, не смеялась, даже не плакала, держалась настороже, а между тем ее мама говорила, что Дизми — легковерный ребенок. Однако вера вере рознь. Что ж, посмотрим, как-то будет дальше.

Войдя в класс на другое утро, я принялась первым делом искать Дизми. Она стояла в углу, зажатая с боков Бэнни и Майклом. Этого и следовало ожидать. Оба они по отдельности

— способные ребята, все схватывают на лету, и успехи у них по разным предметам куда выше среднего. Но вместе! Вместе они пускались на любые проделки, какие только в силах выдумать мальчишки.

Кажется, эта парочка не заметила, что я рядом. Я минутку постояла за их спинами, любопытствуя, что там они успели придумать, чтобы мучить Дизми.

— …а это — электрическая ракетка, — с важным видом говорил Бэнни. — Специально для девчонок.

— Вот ты встала на ноги на качелях, — рассудительно добавил Майкл. — А ракетка эта специально для тех, кто встает на ноги на качелях. Знаешь, как больно бьет?

Дизми вздернула плечико и прикрыла дрожащей рукой искаженное страхом лицо.

— Я не знала… — начала она.

— Конечно, не знала, — строго проговорила я. — Бэнни, Майкл, марш на место!

Я обняла напряженное тельце Дизми, чувствуя косточки сквозь тонкое платье.

— Все это враки, Дизми, — сказала я. — Электрических ракеток не бывает, они просто дразнили тебя. Хотя у нас действительно запрещено

вставать на качелях: ты могла вывалиться и ушибиться. Вон идет Донна, беги играть, она тебе расскажет про наши правила. А Бэнни и Майклу не верь, если будут говорить подобное. Они просто дурачатся.

— Рассказывать небылицы не самый лучший способ развлекаться, — заявила я двум проказникам.

— Мы же просто играли, — сказал Майкл. Бэнни изучал свой большой палец.

— Но Дизми этого не знала, — ответила я, — и приняла ваши слова за чистую монету.

— Мы же просто играли, — пробубнил Бэнни, обсасывая большой палец.

...Дизми мало-помалу оживала. Она быстро прошла длинные и короткие гласные и догнала остальных на первых же согласных. Ей нравилось рисование, арифметику и чтение она тоже постигала медленно, но верно, не забывая своих знаний, как бывает со многими ребятишками. Но больше всего она любила слушать ежедневную сказку. Дизми воспринимала ее не так, как остальные. Трудно объяснить это различие. Пока я читала, класс верил сказке всем сердцем. Стоило мне умолкнуть, и дети забывали ее. Но только не Дизми! А с какой верой играла она

в наших сказочных постановках! Когда Дизми была троллем под мостом, даже Бэнни побледнел и убежал, позабыв свою роль, а потом отказался возвращаться на сцену и побеждать тролля.

Но из-за этой своей веры она принимала за чистую монету все, что внушали ей Бэнни и Майкл. Занятия шли своим чередом, сказки сменились рассказами Френка Баума.

Мы прочитали первую книгу Баума и радостно вгрызлись в «Волшебника страны Оз». И что же! Вот оно, на странице 19. Мы написали это волшебное слово на доске и начали с трепетом разглядывать. Настоящее, живое волшебное слово! Теперь, чтобы научиться колдовать, нам оставалось лишь узнать, как оно произносится.

Но в этом-то и была загвоздка. Мы стали изучать слово, разложили его на части: П-И-Р-З-К-Х-Г-Л. Мы знали все буквы, но в слове не было гласных, кроме «и», а как разбить на слоги слово без гласных, мы не ведали.

— Надо быть осторожнее, — на всякий случай предостерегла я ребят. — Потому что если вы вдруг найдете верное произношение, то сможете, как тут сказано, нечаянно «превратить всякого человека в зверя, птицу, рыбу или еще во что-нибудь».

— А как бы вы его произнесли? — спросила Донна.

— Не знаю, — вздохнула я. — Теперь придется проговаривать его по буквам всякий раз, когда оно попадется в книжке. Может быть, еще и научусь. Ну а уж тогда буду в тихий час превращать вас в пасхальные яички, чтобы тихий час и взаправду был тихим!

Ребята со смехом расселись по местам и приготовились к дневной работе. Но прежде все они старательно переписали с доски слово «ПИРЗКХГЛ», чтобы попросить помощи у родителей. Все было как обычно: и смех, и полувера большинства ребятишек в волшебные свойства слова, и сосредоточенная серьезность Дизми, склонившейся над листком и тщательно списывавшей слово, шепча буквы себе под нос…

Вчерашний день выдался сырым, холод пробирал до костей, хотя на небе не было ни облачка. В такой день не очень хочется играть после завтрака на улице. Мы позволили ребятам побегать и попрыгать пятнадцать минут, а остальную часть дня решили провести под крышей. Я дрожала в свитере и пальто, ветер казался еще холоднее из-за яркого солнца. Наконец я зазвала ребят в дом. Шум и гвалт постепенно сменились довольным

гулом тихого часа, я облегченно вздохнула и по привычке оглядела комнату.

— А где Дизми? — Ответом мне было молчание. — Кто-нибудь знает, где Дизми?

— Может, пошла на большую площадку? — предположила Тереза. — А это не разрешается.

Потом я услышала визгливый смущенный смешок Бэнни.

— Бэнни, Майкл, идите-ка сюда. — Они приблизились. Воплощенная невинность. — Где Дизми?

Мальчики обменялись косыми взглядами, Майкл пожал плечами, Бэнни посмотрел на свой большой палец и запихнул его в рот.

— Что вы сделали с Дизми?

— Мы… мы… — заслышав строгие нотки в моем голосе, Майкл в страхе расплакался.

— Мы ничего не сделали! — закричал Бэнни, вытащив изо рта палец и неожиданно храбро заступаясь за Майкла. — Просто положили камешек на ее тень.

— Камешек на тень? — У меня опустились руки.

— Да. — Храбрость Бэнни иссякла, и палец вернулся обратно в рот. — Мы ее предупредили, что двигаться нельзя.

— Садитесь, — велела я. — Все знают прави-

ла поведения, когда меня нет в классе? Я скоро вернусь.

На игровой площадке ветер гонял обрывки бумаги. Я свернула за угол, к старому зданию, и увидела ее. Дизми с несчастным видом хлопала себя по бонам, ноги ее все глубже вязли в грязи, затекавшей в драные ботинки. На тени лежал камешек.

— Дизми! — закричала я. — Дизми!

Она разрыдалась. Я обняла ее, пытаясь согреть руками застывшие маленькие ладони, дрожа вместе с ней, с гримасой боли глядя на синие трясущиеся губы.

— Дизми, милая! Все это неправда! Надо было возвращаться в класс: камень не сможет задержать твою тень. Это неправда!

Но Дизми позволила отвести себя в класс толь-

ко после того, как я сняла с ее тени камешек.

Класс тревожно молчал до конца уроков. Майкл и Бэнни утратили всякий интерес к занятиям, они напряженно сидели на своих местах в ожидании грозы. Но я молчала.

В теплой комнате Дизми скоро перестала дрожать.

Майкл и Бэнни тихонько взгромоздили свои стулья на стол, не дожидаясь напоминаний, и шагом прошли в гардероб. Они стояли у дверей, пока не поняли, что я не собираюсь ни разговаривать с ними, ни улыбаться, ни даже хмуриться, потом медленно пошли к воротам, за которыми останавливался автобус. Дизми бочком выскользнула из комнаты, словно это она была провинившейся стороной. Для меня у нее не нашлось ни слова, ни улыбки. Я побрела на дежурство.

Следующий, сегодняшний, день начался как обычно. Утром мы хорошо позанимались, хотя в классе и стоял сильный шум. В глазах Майкла и Бэнни снова засияли дьявольские огоньки. Дизми не замечала их или старалась не замечать. Уголки ее губ слегка приподнимались в едва заметной улыбке. Она весело играла с Донной, и я успокоилась.

Завтрак кончился. Стояла хорошая погода, и

мы пошли на улицу. Перерыв пролетел быстро, пора было начинать читать сказку.

— Бэнни, — сказала я, вернувшись в класс, — я запрещаю тебе садиться рядом с…

И тут у меня упало сердце. Мой взгляд устремился на Дизми. Она смотрела мне в глаза спокойно и без всякого волнения, уголки ее рта поползли вверх в едва заметной полуулыбке.

— Где Бэнни и Майкл? — спросила я.

— Говорили, что пойдут на большую площадку, — просопел Хэннери. — Они все время туда убегают.

— Да, — подтвердила Тереза, — они ходили на большую площадку, но вернулись и катались на перилах в старом корпусе, а это не разрешается.

— Может, они не слышали звонка? — предположила Донна. — Возле старого корпуса иногда не слышно.

Я посмотрела на Дизми, а она на меня. Девочка улыбнулась, я неловко отвела глаза.

— Что ж, останутся без сказки, — решила я. — А поскольку они опаздывают второй раз на неделе, придется им сидеть в Углу Одиночества вдвое дольше, чем то время, на которое они опоздают.

Я сверилась с часами и принялась за чтение, не слыша ни одного произносимого слова. Когда

ребята разошлись по местам и занялись делом, я тихонько подозвала Дизми к себе.

— Где Майкл и Бэнни?

Она зарделась и пожала худенькими плечами.

— На площадке.

— Почему они не пришли после звонка? — спросила я.

— А они не могли его слышать. — Уголки рта Дизми приподнялись. Я содрогнулась.

— Почему?

Дизми не ответила, она смотрела на свои пальцы, теребившие край стола.

— Дизми, почему они не могли слышать звонок?

— Потому что я их превратила, — сказала она, чуть вздернув подбородок, — в камни.

— Превратила? — ничего не понимая, переспросила я. — В камни?

— Да, — ответила Дизми. — Они гадкие мальчишки, и я их превратила.

— Как же так? Что ты сделала?

— Выучила волшебное слово, — гордо ответила она. — Я умею правильно произносить его.

— И что-нибудь получается? — не веря своим ушам, спросила я.

— Конечно. Вы же сами говорили, что должно получиться. А мама меня научила его произносить. Еще она сказала, что такие слова нельзя писать в детских книжках, это опасно. Вот, смотрите.

Дизми взяла с моего стола пресс-папье.

— Ну-ка стань крольчонком! — воскликнула она. — П-И-Р-Р-Р-З-К-Х-Г-Л!

Я увидела маленького серого кролика, обнюхивавшего мой блокнот.

— Стань тем, чем был, — сказала Дизми. — П-И-Р-Р-Р-З-К-Х-Г-Л!

Кролик вздрогнул, и пресс-папье завалилось набок. Оно было теплым на ощупь. Я в страхе уронила его.

— Но… но… где же мальчики, Дизми? — Я перевела дух. — Ты знаешь, где они?

— Кажется, я еще не забыла.

— Иди и принеси их ко мне.

Она с минутку помолчала, глядя на меня, потом сказала:

— Хорошо.

Дизми вернулась и положила на угол стола три крошечных камня!

— Кажется, это они, — сказала она. — Во всяком случае, два из этих трех камней — наверняка. Вот только не помню, которые, поэтому и захватила один лишний на всякий случай. Они боятся. Я превратила их в испуганные камни.

— Разве камни живые? Разве они могут бояться?

— Не знаю, — ответила Дизми. — Но если могут, то боятся, это точно.

Вот они, на моем зеленом блокноте посреди стола. Два из них — Майкл и Бэнни. А я не умею произносить волшебное слово. И никто не умеет.

Только Дизми и ее мама. В классе мало-помалу начинается шумок, я слышу его и понимаю, что должна что-то сделать. И как можно скорее.

— Дизми, поди сюда, — зову я, и девочка подходит к столу. — Скоро вам надо будет отправляться по домам. Возьми эти камни, выйди в коридор и преврати их обратно в Майкла и Бэнни.

— Я не хочу, — просто отвечает Дизми. Это даже не отказ.

— Знаю, — говорю я, — но скоро звонок. Нельзя, чтобы ребята опоздали на автобус.

— Но ведь они такие гадкие! — В глазах Дизми блестят сердитые огоньки.

— Они вели себя плохо, — соглашаюсь я. — Но ведь Майкл и Бэнни уже долго пробыли камнями. Причем испуганными камнями. Теперь они знают, что ты можешь дать сдачи, и больше не будут тебе докучать. Ну же, вынеси эти камни в коридор.

Она упрямо смотрит мне в глаза.

— Помнишь, твоя мама велела тебе слушаться учительницу?

Три камня лязгают друг о дружку в ее ладони. Дизми выходит, резко хлопая дверью.

И вот я сижу и жду, когда дверная ручка повернется опять.

Я верю… Я верю… Я верю…

МАРКИ СТРАНЫ ЭЛЬ ДОРАДО

FOR

© *Robert Arthur*, The Wonderful Stamps Of El Dorado, 1940

Роберт Артур
Фантастический рассказ
Перевел с английского Александр Коржевский
Рис. О. Тарасенко

«Юный техник» 1986'05

В клубе проводилась «Неделя увлечений», и Малькольм демонстрировал свою коллекцию марок.

— Например, вот эти треугольники, — рассказывал он. — Их цена точно никому не известна, поскольку они никогда не продавались серией. Но это наиболее редкий и интересный полный набор из всех известных филателистам. Они…

— У меня однажды была серия марок, даже более редкая и интересная, — перебив его, меланхолично произнес Мерчисон Моркс.

Моркс, невысокий человек, обычно сидит у камина и молча смотрит на угли, покуривая свою трубку.

— Серия марок более редкая, чем мои треугольники? — недоверчиво спросил Малькольм.

— Сейчас нет, — покачал головой Моркс, мягко

поправляя его, — но была.

— Ага! — воскликнул Малькольм презрительно. — Надо понимать, они сгорели? Или украдены?

— Нет, — вздохнул Моркс. — Я их использовал. Для почтовых отправлений. До того, как понял, насколько они уникальны. И они стоили мне моего лучшего друга.

— Жизни?

Моркс пожал плечами. На его лице появилось выражение давней печали, словно в памяти он вновь переживал все еще хранящую в себе боль страницу прошлого.

— Я не знаю, — ответил он. — В самом деле не знаю. Может быть, нет. Я искренне надеюсь, что Гарри Норрис — так звали моего друга — сейчас в десять раз счастливее, чем каждый из здесь присутствующих. Когда я думаю, что мог бы быть с ним, если бы не моя нерешительность… Лучше я расскажу вам эту историю целиком, — добавил он увереннее. — Тогда вы все поймете.

Сам я не филателист, — начал он, вежливо кивнув в сторону Малькольма. — Но мой отец собирал марки. Он и оставит мне свою коллекцию. Коллекция была не особенно значительная: он больше увлекался красотой марок, нежели их

редкостью или ценностью. Некоторые марки из коллекции, особенно марки тропических стран, изображающие экзотических птиц и зверей, мне очень нравились. А одну серию из пяти марок знатоки считали поддельной.

Эти пять марок действительно заметно отличались от всех, что я до того видел, и даже не были помещены отцом в альбом. Они просто лежали в конверте.

Поддельные или нет, марки были красивые и интересные, все с разными номиналами: десять центов, пятьдесят, один доллар, три доллара и пять. Все негашеные, в отличном состоянии — так, по-моему, говорят, Малькольм? — и самых веселых цветов: ярко-красная с ультрамарином, изумрудная с желтым, оранжевая с лазурью, шоколадная с цветом слоновой кости и черная с золотом.

И все они были большие — раза в четыре больше, чем теперешние авиапочтовые марки. Сюжеты на них отличались живостью и достоверностью. Особенно на трех долларовой с туземной девушкой, несущей на голове корзину с фруктами…

Однако я опережаю события. Короче, решив, что это действительно подделки, я спрятал марки

в стол и забыл о них.

Нашел я их снова совершенно случайно, когда копался в столе в поисках конверта, чтобы отправить только что написанное моему лучшему другу Гарри Норрису письмо. В то время Гарри жил в Бостоне.

Так случилось, что единственным конвертом, который я смог отыскать, оказался тот, где хранились марки отца. Я высыпал их на стол, надписал конверт и, запечатав письмо, наконец обратил внимание на эти странные марки.

Я уже сказал, что они были большие и прямоугольные, размером скорее похожие на багажную наклейку, чем на обычную почтовую марку. И вообще выглядели они необычно. Поверху на каждой марке шла броская надпись: «Эль Дорадо». По обеим сторонам приблизительно в середине — номинал, а внизу еще одна строчка: «Скоростная почта».

Что-то такое о мифической стране с таким названием я уже слышал. Может, теперь так называется какое-нибудь из маленьких государств или княжеств? Но до того момента я об этом особенно не задумывался.

Надо сказать, что сюжеты на марках были не совсем обычные. На десятицентовой, например,

изображался стоящий единорог с поднятой головой. Его спиральный рог целился в небо, грива развевалась по ветру, и вся картина дышала правдоподобием. Глядя на нее, легко было поверить, что художник писал единорога с натуры. Хотя, разумеется, все знают, что таких единорогов нет.

На пятидесятицентовой марке, держа на весу трезубец, по пенящемуся прибою мчался в упряжке из двух дельфинов Нептун. И все было так же реалистично, как и на первой марке.

Долларовая миниатюра изображала человека, играющего на дудочке, рядом с греческого стиля храмом.

А на трехдолларовой была девушка. Туземная девушка на фоне тропических цветов, лет, я бы сказал, шестнадцати. На голове она, как это умеют делать туземцы, держала большое плоское блюдо с горой всевозможных фруктов.

Я долго не мог оторвать от нее взгляда, прежде чем перейти к последней марке серии — с номиналом в пять долларов. Эта марка по сравнению с остальными выглядела не столь впечатляюще — на ней изображалась просто карта с несколькими маленькими островами, разбросанными по водному простору, обозначенному аккуратными буквами: «Море Эль Дорадо». Я решил, что эти

острова и есть страна Эль Дорадо, а маленькая точка на самом крупном, отмеченная словом «Нирвана», — столица государства.

Потом у меня возникла идея. Племянник Гарри собирал марки и я решил шутки ради наклеить на конверт одну из этих эльдорадских подделок.

Я облизал десятицентовую эль дорадскую марку, прилепил ее на углу конверта и пошел искать обычные марки, чтобы наклеить рядом.

Поиски увели меня в спальню, где я наконец обнаружил нужные марки в бумажнике, оставленном в пиджаке. Уходя, я положил письмо на виду на своем столе.

Но когда я вернулся в библиотеку, письма на месте не оказалось.

Надо ли говорить, как меня это удивило? Ему просто негде было потеряться. Никто не мог его взять. Окно оставалось открытым, но оно выходило на улицу на высоте двадцать первого этажа, и влезть туда тоже никто не мог. Ветра, который мог бы сдунуть письмо на пол, также не было. Я проверил. Я осмотрел все вокруг, удивляясь чем дальше тем больше.

Но тут, когда я уже почти сдался, зазвонил телефон. Звонил Гарри Норрис из Бостона. Голос его, когда он произносил слова приветствия, звучал

несколько натянуто. И вскоре я узнал почему.

Тремя минутами раньше, когда он как раз собирался лечь спать, письмо, которое я уже счел пропавшим, влетело к нему в окно, зависло на мгновение в воздухе под его взглядом и упало на пол.

Около полудня Гарри Норрис приехал в Нью-Йорк. По телефону я пообещал ему, объяснив предварительно про эльдорадскую марку, не трогать остальные, только убрать их в надежное место.

Очевидно, в том, что произошло, повинна была марка. Каким-то образом она перенесла письмо из моей библиотеки к ногам Норриса примерно за три минуты. Подобное, конечно, поражает воображение.

Гарри протянул мне конверт, и я тут же увидел, что марка оказалась погашенной. Рядом стоял четкий бледно-фиолетовый штемпель. На круглом, как у нас, штемпеле значилось: «Эль Дорадо», и в центре круга, где обычно ставится дата гашения, стояло просто «четверг».

— Сегодня четверг, — заметил Гарри. — Ты наклеил марку после полуночи?

— Сразу после, — сказал я. — Странно, что эти эльдорадцы не придают значения часам и ми-

нутам, а?

— Это только доказывает, что они живут в тропической стране, — предположил Гарри. — В тропиках время почти ничего не значит. Но я имел в виду другое. Отметка «четверг» свидетельствует, что Эль Дорадо в Центральной Америке, как ты и предполагал. Если бы эта страна находилась в Индии или еще где-нибудь на востоке, в штемпеле была бы «среда», согласен? Из-за разницы во времени.

— Или пятница? — спросил я неуверенно, поскольку не особенно разбираюсь в этих вещах. — В любом случае мы можем легко узнать. Нужно только посмотреть в атласе. Как я раньше не догадался?

— Конечно, — просиял Гарри. — Где он у тебя?

Оказалось, что атласа у меня в доме нет, даже маленького. Пришлось нам позвонить в один из книжных магазинов на окраине города и заказать на дом последнее издание самого большого атласа, что у них есть. Ожидая доставки, мы снова осмотрели конверт и принялись рассуждать о том, каким образом письмо могло быть доставлено.

— Скоростная почта! — воскликнул Гарри. — Еще бы! Да авиапочта ей в подметки не годится.

Слушай! Если за время, прошедшее от того, как ты его хватился, до момента, когда оно упало у моих ног, письмо пропутешествовало не просто отсюда до Бостона, а сначала побывало в Центральной Америке, было погашено, отмечено и только потом попало в Бостон, тогда его средняя скорость будет…

Мы сделали приблизительный расчет и получили что-то около двух тысяч миль в минуту. Тут мы посмотрели друг на друга.

— Бог мой! — наконец проговорил Гарри. — Эль Дорадо, может быть, и тропическая страна, но здесь они определенно нашли что-то новое. Интересно, почему мы никогда раньше об этом не слышали?

— Может, это держится в тайне? — предположил я. — Хотя едва ли такое возможно: марки пробыли у меня уже несколько лет, а до этого они были у отца.

— Что-то здесь не так, — мрачно констатировал Гарри. — Где остальные марки, про которые ты говорил? Думаю, пока мы ждем атлас, можно проделать с ними кое-какие эксперименты.

Я принес неиспользованные марки и передал их ему. Надо упомянуть, что Гарри, помимо всего прочего, был неплохим художником, и при ви-

де чудесной работы на марках он восхищенно присвистнул. Затем он внимательно обследовал каждую миниатюру, но, как я и думал, трехдолларовая особенно привлекла его внимание. Та самая, где была изображена туземная девушка, помните?

— Господи, — громко сказал Гарри. — Какая красота!

Гарри застыл в задумчивом молчании.

— Я думаю, — наконец сказал он, поднимая глаза, — нам следует использовать одну из марок и отправить что-нибудь еще.

Почему это не пришло мне в голову раньше, я просто не представляю, но когда Гарри высказал свое предложение, оно сразу показалось мне разумным. Единственное, что оставалось решить, это что послать и кому.

Вопрос задержал нас всего на несколько минут. У нас не было никого, с кем бы мы хотели в данный момент делиться тайной. А послать что-нибудь друг другу оказалось невозможным, поскольку мы оба находились в одном месте.

— Придумал! — воскликнул Гарри. — Мы пошлем что-нибудь прямо в Эль Дорадо!

Я согласился, но как случилось, что мы решили отправить не письмо, а Томаса, моего сиамского кота, я, право, уже и не помню. Возможно, это казалось нам славной шуткой.

Томас спал под диваном. Я отыскал картонную коробку подходящих размеров, и мы наделали в ней дырочек для воздуха.

— Теперь, — произнес задумчиво Гарри, — стоит вопрос, куда его адресовать?

Он взял ручку и быстро написал на коробке: «Мистеру Генри Смиту, 711, авеню Елисейских Полей, Нирвана, Эль Дорадо». Ниже он добавил: «Обращаться осторожно!»

— Но… — начал было я. Гарри меня перебил:

— Конечно, я не знаю никаких адресов там. Я его выдумал. Но ведь люди в почтовом ведомстве этого не знают, правильно?

— А что будет, если… — опять начал я, и снова он ответил, даже не успел выслушать вопроса:

— Посылка попадет в отдел недоставленной корреспонденции, я полагаю, — сказал он. — И о коте наверняка позаботятся. Марки создали у меня впечатление, что у них там не особенно тяжелая жизнь.

Вопросов у меня не осталось, поэтому Гарри взял марку номиналом в пятьдесят центов, лизнул ее и плотно приклеил к коробке. Затем убрал руку и сделал шаг назад в мою сторону.

Мы внимательно следили за посылкой.

Какое-то время прошло, и ничего не случилось. Но затем, когда на лице Гарри Норриса уже стало появляться разочарование, коробка с Томасом медленно поднялась в воздухе, повернулась, словно стрелка компаса, и, набирая скорость, поплыла к открытому окну. У самого окна коробка двигалась уже со скоростью беговой лошади. Когда она вылетела на улицу, мы бросились к окну и увидели, как она, поднимаясь, движется на запад над линией домов. А затем прямо на наших глазах очертания ее начали таять, и через

мгновение коробка пропала из вида.

Но посылка быстро вернулась.

Она повисела некоторое время возле окна, затем медленно двинулась в комнату, совершила небольшой разворот и легко опустилась на стол, откуда отбыла меньше двух минут назад. Мы с Гарри бросились к коробке и уставились на нее выпученными от удивления глазами.

Потому что на посылке стоял штемпель и почтовая отметка, так же как и на письме. А в углу большими фиолетовыми буквами кто-то написал: «Возврат отправителю. По указанному адресу получатель не проживает».

— Ну и дела, — выговорил наконец Гарри. Не очень содержательно, но больше в тот момент нам ничего не приходило в голову. Затем из коробки донесся голос Томаса.

Я разрезал веревки и снял крышку. Томас выпрыгнул из коробки с живостью, которую не демонстрировал уже долгие годы. Вывод был очевиден: короткое путешествие в Эль Дорадо не только не повредило ему, а, напротив, похоже, изменило его к лучшему.

Гарри Норрис удивленно вертел коробку в руках.

— Что самое странное, — заметил он, — так это

то, что там действительно есть адрес: «711 по авеню Елисейских Полей». Клянусь, я его выдумал.

— Более того, — напомнил я, — посылка вернулась, хотя мы даже не указали обратного адреса.

— Действительно, — согласился Гарри. — Они знали, куда ее вернуть.

Он задумался на минуту и поставил коробку на стол.

— Я начинаю думать, — произнес он со странным выражением лица, — что это далеко не все. Тут скрыто нечто гораздо большее. И подозреваю, что правда гораздо интереснее, чем мы предполагаем. А что касается Эль Дорадо, у меня есть теория…

Но он так и не закончил про свою теорию, потому что в этот момент трехдолларовая марка шоколадного со слоновой костью цвета снова привлекла его внимание.

— Боже мой! — прошептал он, разговаривая скорее с самим собой, чем со мной — иногда это с ним случалось. — Она прекрасна! Небесное существо! Такую девушку я мечтал найти всю жизнь. Чтобы встретиться с ней, я отдал бы… Отдал бы почти все на свете…

— Боюсь, для этого придется отправиться в Эль Дорадо, — предложил я в шутку, и Гарри

вздрогнул.

— В самом деле! Я действительно готов пойти на это. Слушай! Марки свидетельствуют, что Эль Дорадо удивительная страна. Что, если нам вместе нанести туда визит? Нас обоих здесь ничто не держит, и…

— Хорошо. Мы отправимся первым же кораблем. Но когда мы туда прибудем, как мы найдем девушку?

— С помощью логики, — парировал Гарри. — Исключительно с помощью логики. Девушка позировала художнику, так? И главный почтмейстер Эль Дорадо должен знать, кто художник, так? Мы отправимся прямо к нему. Он поможет нам разыскать художника. Художник скажет нам имя и адрес девушки. Что может быть проще? И знаешь что, — тут его осенила новая мысль, — я отправлюсь в Эль Дорадо почтой!

Я был несколько ошарашен, пока до меня не дошло, насколько это гениально и просто. Гарри тут же заметил, что Томас перенес путешествие и вернулся без вреда для себя, а если кот выжил, то и человек сможет.

Единственное, что нам оставалось, это выбрать адрес. Было бы довольно глупо отправиться туда только для того, чтобы нас бесславно вернули

обратно из-за неправильно указанного адреса.

— Это я тоже понимаю, — сказал Гарри, когда я поделился с ним своими сомнениями. — Первым, кого я собираюсь там повидать, будет главный почтмейстер. Уж он-то точно существует. Почту, адресованную ему, будет доставить легче всего. Так почему бы не убить одним выстрелом двух зайцев и не отправить себя прямо ему? Теперь к делу. У нас осталось три марки в сумме на девять долларов. Этого должно хватить. Я чуть легче, а ты, я смотрю, за последнее время набрал вес. Мне хватит четырех долларов — один и три. Пять остаются тебе. А адрес мы напишем на бирках и привяжем их к запястью. У тебя есть багажные бирки?.. Ага, вот нашел пару в столе. Давай ручку и чернила. Пожалуй, это подойдет…

Он надписал бирки и протянул их мне. На обеих был совершенно одинаковый текст: «Главному почтмейстеру. Нирвана. Эль Дорадо. Обращаться осторожно!»

— А теперь, — сказал он, — мы привяжем ее на руку…

Но тут я струсил. Не смог справиться с собой. Несмотря на восхитительные перспективы, обрисованные моим другом, идея отправки самого себя почтой в полную неизвестность подобно то-

му, как я отправил Томаса, насторожила меня. Я сказал, что присоединюсь к нему позже. Первым же самолетом или пароходом. И встречусь с ним в главном отеле города. Гарри был разочарован, но нетерпение помешало ему уговорить меня.

— Ну хорошо, — сказал он. — Если по каким-то причинам ты не сможешь добраться пароходом или самолетом, ты воспользуешься последней маркой?

Я твердо пообещал. Он протянул правую руку, и я привязал к ней бирку. Затем он взял долларовую марку, облизал ее и прилепил к бирке. Взял трехдолларовую, и в этот момент зазвонил дверной звонок.

— Через минуту, — сказал Гарри, — или меньше я окажусь в самой прекрасной стране, которую только может вообразить себе человек.

— Подожди секунду, — крикнул я, бросившись открывать дверь. Не знаю, услышал он меня или нет. Когда я отвернулся, он как раз подносил к губам вторую марку, и больше я его не видел.

Когда я вернулся в комнату с пакетом в руках — приходил посыльный из книжного магазина с заказанным атласом, — Гарри уже не было.

Томас сидел, приподняв голову, и смотрел в сторону окна. Занавески все еще колыхались.

Я подбежал к подоконнику, но Гарри исчез из вида.

Я решил, что он наклеил вторую марку, не заметив, как я вышел из комнаты. Мне представлялось, как в этот самый момент он опускается на пол перед ошарашенным главным почтмейстером.

Потом я подумал, что не мешает все-таки узнать, где находится это Эль Дорадо. Сняв с присланного тома оберточную бумагу, я принялся листать страницы атласа. Пролистав до конца, я долго сидел молча, поглядывая на стол, где лежали бирка с адресом и непогашенная марка. И наконец решился.

Я встал, принес саквояж Гарри. К счастью, было лето, и он захватил в основном легкую одежду. К ней я добавил из своих вещей то, что, решил, может ему понадобиться. Затем расстегнул ремни, прицепил к саквояжу бирку, добавив над адресом имя: «Гарри Норрис», и наклеил на нее последнюю эльдорадовскую марку.

Через мгновение саквояж поднялся в воздух, подплыл к окну и, набирая скорость, скрылся вдали.

Я надеялся, что он окажется на месте еще до того, как Гарри покинет кабинет главного почт-

мейстера, и, может быть, Гарри пришлет мне открытку или письмо с сообщением о получении. Но он не прислал. Очевидно, не смог…

Моркс замолчал, словно закончил свой рассказ. Никем не замеченный Малькольм отошел от группы слушателей за несколько минут до этого и теперь вернулся с огромным атласом в руках.

— Вот, значит, что случилось с твоей редкой серией — произнес он с плохо скрываемым сарказмом. — Очень интересно и увлекательно. Однако я бы хотел прояснить один момент. Ты говорил, марки выпущены в Эль Дорадо? Так вот я только что посмотрел атлас, и такого государства на свете нет!

Моркс взглянул на него совершенно спокойно.

— Я знаю, — сказал он. — Именно поэтому, просмотрев в тот день свой атлас, я не сдержал обещания, данного Гарри Норрису, и не воспользовался маркой, чтобы присоединиться к нему. Теперь жалею. Однако, наверно, нет смысла сожалеть о том, что я сделал или не сделал. Я просто не мог. По правде говоря, у меня сдали нервы, когда я убедился, что Эль Дорадо нет. На Земле, я имею в виду.

Он умолк и покачал головой.

— Как бы мне хотелось узнать, где мой отец

взял эти марки, — пробормотал он едва слышно, словно разговаривая с самим собой, и снова погрузился в задумчивость.

ПОВТОРНЫЙ ПОКАЗ

© ***Bob Shaw***, **Repeat Performance, 1960**

Боб Шоу

Фантастический рассказ

Перевел с английского Александр Корженевский

Рис. В. Лапина

«Юный техник» 1986'08

Совсем не по себе мне стало, я своими глазами увидел Прингла.

Вы его помните? В старых фильмах он всегда играл задерганных, раздраженных служащих в каком-нибудь отеле. Такой маленький подвижный человечек с круглым обидчивым лицом, который все терпит, терпит, а потом... Но все по порядку.

Может быть, *я* ошибаюсь, определяя, когда все это началось. Если бы я был из тех, кто любит глубокие размышления о причинах и следствиях, как, например, мой киномеханик Портер Хастингс, я бы, возможно, сказал, что все началось еще в моем детстве. С семи лет я стал фанатичным поклонником кино и еще до окончания школы решил, что единственное дело, которым стоит заниматься, это завести собственный кинотеатр. Через двадцать лет моя мечта осуществилась, и, хотя я не предвидел последствий таких явлений,

как цветное телевидение, до сих пор не могу себе представить лучшей жизни. У меня маленький кинозал на окраине города — отштукатуренный куб, который когда-то был белым, а теперь стал неопределенного желтого цвета с полосами шафранового там, где прохудились водосточные желоба. Но я слежу, чтобы всегда было чисто внутри, и мой выбор репертуара неизменно привлекает достаточное число зрителей. Много старых фильмов показывают, как вы знаете, по телевидению, но там их слишком сильно урезают, и, кроме того, каждый истинный любитель знает, что единственный способ в полной мере ощутить дух старого кино — это окунуться в полумрак зрительного зала…

Короче, скажу так: неприятности начали подкрадываться ко мне еще около месяца назад, причем при довольно странных обстоятельствах.

Я стоял возле кассы, глядя, как пришедшие в будничный день зрители расходятся после сеанса в непогожую тьму. Большинство из них я знал лично и прощался с каждым кивком головы; и тут вдруг мимо меня прошмыгнул К. Дж. Гарви. Он поднял воротник пальто и исчез за дверью. Вам это имя, может быть, ничего не

говорит. К. Дж. Гарви был исполнителем эпизодических ролей более чем в сотне ничем не примечательных старых картин, где он всегда играл добродушных, умудренных опытом хозяев ломбардов. Сомневаюсь, что он когда-нибудь произносил перед камерой больше трех фраз; но каждый раз, когда по сценарию требовался добродушный, умудренный опытом хозяин ломбарда, эту роль получал Гарви.

То, что он до сих пор жив, удивило меня, а еще больше удивило, что он пришел в маленький кинотеатр захудалого городка на Среднем Западе. Однако по-настоящему меня сразила невероятность совпадения: в тот вечер у нас шла «Упавшая радуга», и Гарви играл там свою обычную роль.

Преисполненный сентиментального желания порадовать старика тем, что его карьера в кино не прошла полностью незамеченной, я выбежал на улицу, но он уже исчез в ветреной, пронизанной дождем темноте. Я вернулся назад и столкнулся с киномехаником Портером Хастингсом, только-только спустившимся из аппаратной. Выглядел он обеспокоенным.

— Джим, сегодня у нас опять было затемнение, — сказал он. — Это уже третья среда подряд.

— Но, наверное, короткое? Никто из зрителей

не жаловался…

В тот момент мне совсем не хотелось разбираться в технических подробностях.

— Знаешь, кто отсюда вышел минуту назад? К. Дж. Гарви!

На Хастингса это не произвело никакого впечатления.

— Очень похоже, что прерывается электроснабжение. Где-то происходит сильное падение напряжения. Настолько сильное, что на несколько секунд мои проекторы остаются без тока.

— Ты понял, что я говорю, Порт? К. Дж. Гарви исполнял эпизодическую роль в «Упавшей радуге», и сегодня он сам был в зале!

— В самом деле?

— Да. Ты только подумай, какое совпадение!

— Ничего особенного. Может, он просто проезжал через наш город, увидел, что мы показываем одну из его картин, и зашел посмотреть. Обычная причинно-следственная цепочка. Что меня действительно интересует, так это отчего каждую среду вечером так сильно перегружается электросеть? Что у нас происходит? Наши постоянные посетители скоро заметят эти затемнения и станут думать, что я не справляюсь с работой.

Я начал его успокаивать, но как раз в этот мо-

мент мистер и миссис Коллинз, шаркая ногами, вышли в фойе. Оба они страдают ревматизмом и поэтому обычно уходят из зала последними буквально перед тем, как мы закрываем двери.

— До свидания, Джим, — сказала миссис Коллинз. Она замешкалась, что-то обдумывая, потом подошла чуть ближе ко мне. — У вас что, начали продавать водоросли?

— Водоросли? — Я удивленно моргнул. — Миссис Коллинз, а что? Их что, действительно кто-нибудь покупает?

— Съедобные сорта. Но если и в вашем буфете будет продаваться эта пахучая гадость, мы с Гарри перестанем к вам ходить. Мы можем ходить в «Тиволи» на Четвертой улице. Кстати, те, что едят, называются «красные водоросли».

— Не беспокойтесь, — произнес я серьезно. — Пока я здесь хозяин, ни одна порция водорослей не попадет через порог.

Я придержал дверь и, когда они вышли, обернулся к Хастингсу, но тот уже скрылся в своей каморке. К этому времени в кинотеатре не осталось никого, кроме уборщицы, и я решил заглянуть в зал. В зале всегда остается какой-то печальный, застарелый запах, когда люди расходятся по домам, но в этот раз к нему добавилось что-то еще. Я

втянул в себя воздух и покачал головой. «Какому нормальному человеку, — подумал я, — придет в голову приносить с собой в кино водоросли?»

Это была первая запомнившаяся мне среда, а в следующую среду у меня впервые возникло беспокойное чувство, что в моем кинотеатре происходит что-то странное.

В следующую среду тоже шел дождь, и смотреть «Любовь на острове» и «Враждующих Фитцжеральдов» собралась довольно большая толпа. Я стоял на своем излюбленном месте, в нише у задней стены, откуда были видны и экран, и весь зал, и тут произошло одно из этих затемнений, которые так раздражали Хастингса. Случилось это почти в конце фильма, когда на экране был еще один из моих любимых исполнителей эпизодических ролей, Стенли Т. Мейсон. Мейсон не вышел в «звезды эпизодических ролей» — так я называю горстку малоизвестных актеров, чьи имена все время возникают в разговорах людей, думающих, что они разбираются в старом кинематографе, когда они принимаются судачить на эту тему. Но он все же сыграл несколько блестящих выходов во второразрядных фильмах. И как раз когда он со своим великолепным густым акцентом доказывал на экране одному из «враж-

дующих Фитцжеральдов» важность благородного происхождения, изображение погасло на добрых три секунды. Публика уже начала волноваться, но тут экран мигнул, потом засветился с прежней яркостью. Я облегченно вздохнул.

И тут я почувствовал запах водорослей. С минуту я принюхивался, потом двинулся по проходу, надеясь с помощью фонарика поймать, так сказать, с поличным какого-нибудь помешанного вегетарианца. Но все оказалось в порядке, и я вышел в фойе, чтобы обдумать происшедшее. Запах не исчезал. Внезапно я понял, что пахнет не водорослями, а самим морем. В этот момент фильм кончился, и из зала выплеснулась толпа зрителей. Передние, щурясь, подозрительно оглядывали мир вокруг, словно за время их отсутствия в другом измерении что-то могло здесь измениться. Я отошел в сторону. Когда я прощался с кем-то из постоянных посетителей, по лестнице из аппаратной с грохотом спустился Портер Хастингс.

— Опять затемнение, — мрачно сказал он.

— Я знаю, — кивнул я, не отрывая взгляда от проходящих мимо зрителей, оглядывая людей, знакомых мне уже многие годы: мистер и миссис Карбери, старик Сэм Кире, близорукий Джек

Дюбуа, всегда покупающий билет на первый ряд, потом Стенли Т. Мейсон…

— Что ты собираешься делать? — мрачно спросил Хастингс. — С затемнениями…

— Не знаю. Порт. Это скорее по твоей…

И тут я замолчал, вдруг осознав, что произошло. Стенли Т. Мейсон! Только что у меня на глазах актер, игравший во «Враждующих Фитцжеральдах», вышел из кинозала, где демонстрировался фильм с его участием!

— Утром мы все обсудим, — сказал я, отворачиваясь. — Мне надо кое с кем поговорить.

— Постой, Джим, — Хастингс схватил меня за руку. — Дело серьезное. Есть ведь опасность пожара, потому что…

— Позже. — Я вырвался и пробился через толпу к дверям, но опоздал. Мейсон уже скрылся в прохладной темноте улицы. Я вернулся в фойе и подошел к Хастингсу, все еще ждавшему меня на прежнем месте с обиженным лицом.

— Извини, — сказал я, пытаясь разобраться в собственных мыслях, — но у нас происходит что-то странное, Порт.

Я напомнил ему, что в прошлую среду видел К. Дж. Гарви, и, когда рассказывал ему о Стенли Т. Мейсоне, меня вдруг осенила новая мысль.

— Вот еще что! Он был в той же одежде, что и в кино — твидовое пальто с рисунком «елочкой». Сейчас такие не часто видишь.

На Хастингса это, как всегда, не произвело впечатления.

— Какой-нибудь трюк телевизионщиков. Скрытая камера. Актеры прошлых лет, забытые публикой, которую они когда-то развлекали. Гораздо больше меня беспокоит запах озона в зале.

— Озона?

— Да, это аллотропный кислород. Он появляется после сильного электрического разряда. Потому-то…

— Это то самое, чем пахнет на берегу моря?

— Говорят, да. Меня беспокоит то, что может случиться замыкание, Джим. Куда-то все это количество электроэнергии должно деваться.

— Ладно, как-нибудь разберемся, — успокоил я его, задумавшись о своем. Мой мозг понемногу «набирал обороты» и только что подбросил мне еще одну совершенно новую мысль, от которой внутри у меня все сжалось. Людей гораздо легче заметить, когда они входят в кинотеатр, потому что они идут не толпой, а по одному или по двое. Когда зрители собирались, я был в фойе и в ту среду вечером, и сегодня, но готов поклясться,

что ни Гарви, ни Мейсон в зал не входили.

Зато я видел, как они выходили!

В тот вечер по дороге домой я встретил Билла Симпсона, репортера из «Спрингтон Стар». Я его довольно хорошо знаю: когда ему случается делать для газеты обзоры новых кинофильмов, он забегает ко мне, чтобы взять и просмотреть рекламные материалы. Насколько я знаю, он никогда не смотрит сами фильмы, о которых пишет.

— Почему ты такой озабоченный? — спросил он, и я рассказал, что у меня случилось.

— Портер Хастингс полагает, что кто-то работает над телевизионной программой о забытых актерах. Твое мнение?

Симпсон задумчиво покачал головой.

— Мне-то совершенно ясно, что происходит, но боюсь, что правда гораздо более зловеща, чем история со скрытой камерой.

— А в чем дело?

— Это все звенья одной цепи, Джим. Помнишь тот большой метеорит, что упал около Лисбурга в прошлом месяце? По крайней мере говорят, что это был метеорит, хотя никто не нашел никакого кратера.

— Помню, — ответил я, заподозрив, что Симп-

сон меня разыгрывает.

— Так вот, через пару дней в «Стар» появилась очень странная история, и думаю, я единственный человек на свете, кто понимает ее истинное значение. На следующее утро после того, как этот якобы метеорит упал, фермер, живущий где-то в том же районе, зашел в хлев, чтобы посмотреть на своего призового борова, и что, ты думаешь, он там обнаружил?

— Сдаюсь.

— Двух призовых боровов. Абсолютно одинаковых. Его жена клянется, что тоже видела второго, но к тому времени, когда один из наших парней добрался до фермы, второй боров исчез. Я как раз раздумывал, что могло случиться с этим таинственным существом, и тут приходишь ты и заполняешь все пробелы.

— Я?

— Ты еще не понял, Джим? Этот так называемый метеорит был космическим кораблем. Из него выбралось какое-то существо, пришелец, но выглядел он так, что мог только всех пугать. Однако у нашего пришельца есть одна очень ценная защитная способность: он может принимать форму любого другого существа, которое увидит. Приземлившись на ферме, он для начала пре-

вратился в единственное, что смог увидеть, — в свинью. Потом убежал оттуда и прибыл в город, где. чтобы не заметили, ему пришлось принять форму человека. Ему нужно тщательно изучать объект, превращаясь в него, а это не всегда просто. И пришелец открыл для себя, что в кино достаточно деталей и можно в качестве моделей использовать актеров, кроме того, в зале темно и спокойно. Поэтому каждую неделю твое заведение посещает пришелец, Джим. Может быть, чтобы освежить память об облике человека, а может, чтобы выбрать новый внешний вид, дабы его было трудно выследить...

— Большей ерунды, — сказал я с каменным лицом, — я не слышал за всю свою жизнь.

Правда, надо признать, что заумная беседа с Биллом Симпсоном принесла мне некоторую пользу. Поняв, насколько иррациональны были мои бесформенные страхи, оставшиеся до конца недели дни я проработал спокойно, замечательно половил рыбу в воскресенье и в отличном настроении вышел на работу в понедельник.

Но в среду вечером я увидел, как из кинотеатра выходит Милтон Прингл, и это было уже слишком.

Потому что случайно я знал, что актер Милтон

Прингл умер десять лет назад.

Всю следующую неделю я провел очень беспокойно. Главным образом я мучился от того, что начал принимать теорию Симпсона — о чудовище, которое меняет форму, и мне временами казалось, что меня покидает разум.

От Портера Хастингса помощи ждать не приходилось. Он был настолько лишен воображения, что я даже не мог ему довериться. И что еще хуже, он по собственной инициативе позвонил в электрокомпанию, в результате чего появились инспектора, которые шныряли по всем углам, проверяли электропровода и мрачно бормотали, что кинотеатр надо закрыть на недельку и полностью сменить проводку. Правда, Хастингс подтвердил, что во время затемнения в прошлую среду на экране действительно было изображение Милтона Прингла, и таким образом я убедился, что чудовище Симпсона существует, и для превращения ему нужна энергия, которую оно каким-то образом высасывает из электропроводки моего кинотеатра. И тогда у меня появилась идея, как устроить ловушку этому зверю.

В среду утром я отправился повидать Гая Финка из конторы кинопроката на Первой авеню. Достаточно хорошо зная мой вкус, он был несколько

удивлен, когда я попросил копию какого-нибудь костюмированного фильма. После тщательного изучения графиков проката он наконец выудил копию «Кво Вадис», исторический фильм о Древнем Риме.

В кинотеатр я пришел раньше, чем обычно, и сразу же проскользнул наверх в аппаратную Хастингса. Он не любит, когда я вмешиваюсь в его работу, но мне было не до его чувств. Я зарядил первую катушку «Кво Вадис» в дежурный проектор и стал гонять ленту, пока не нашел Роберта Тэйлора крупным планом в форме римского центуриона. Я запомнил, что в следующих кадрах был показан уже целый легион римлян. Довольный своей работой, я прошел к себе в кабинет и позвонил в полицейский участок в Спрингтауне. Через несколько секунд меня соединили с сержантом Уайтманом, которому я даю бесплатные билеты на все детские утренники.

— Привет, Джим, — прогудел он в трубку обрадованно, очевидно, подумав, что я хочу предложить ему билеты.

— Барт, — начал я, — у меня тут неприятности…

— О! — в голосе его тут же появилось настороженное внимание. — Какого рода неприятности?

— Это не особенно серьезно. Но почти каждую среду на последний сеанс приходит какой-то псих.

— Почему бы тебе его просто не пускать в зал?

— В том-то все и дело, что я не знаю, как он выглядит. Он вполне нормален, когда приходит, а когда выходит, может быть одет по-другому. Он может выглядеть... — Я с трудом сглотнул. — Даже как римский центурион.

На другом конце провода наступило молчание.

— Ладно. Чего ты от меня хочешь?

— Ты не мог бы отрядить патрульную машину в район кинотеатра, чтобы она дежурила, скажем, с девяти и до десяти сорока пяти, когда зрители начнут расходиться?

— Пожалуй, мог бы, — с сомнением в голосе ответил он. — Но если этот тип появится, как я его узнаю?

— Я же говорю: он будет одет во что-нибудь странное. Мне даже кажется, что он… Что он немного похож на Роберта Тэйлора.

Портер Хастингс взглянул на меня с удивлением, когда я пошел за ним в аппаратную.

— Хотел бы я знать, что тебя грызет все эти дни. — Тон его не оставлял никаких сомнений в том, что он мной недоволен. — Что тебе здесь нужно, Джим?

— Э-э-э… Я насчет этих затемнений по средам…

Брови его подскочили вверх на долю дюйма.

— И что же? Я предупреждал тебя, что будут жалобы.

— Пока никаких жалоб не было, и впредь тоже не будет. Я обнаружил, что вызывает падение напряжения.

Он собрался было повесить пиджак на вешалку,

но остановился.

— И что же?..

— Мне немного неловко. Порт... Не могу тебе сейчас объяснить, но я знаю, что надо сделать, чтобы все это прекратилось. — Я показал на дежурный проектор с первой частью «Кво Вадис».

— Какого черта?! — Хастингс с негодованием уставился на проектор, поняв, что за время его отсутствия кто-то вторгся на его территорию. — Что ты здесь делал, Джим?

Я попытался изобразить на лице непринужденную улыбку.

— Я же тебе сказал, что не могу сейчас объяснить, но вот что мне от тебя нужно: прогрей дежурный проектор и при первых признаках затемнений тут же переведи свет на него. Я хочу, чтобы, когда напряжение начнет падать, на экране был этот фрагмент фильма. Ясно?

В тот вечер мы показывали «Встретимся в Манхэттене» — фильм с необычно большим количеством эпизодических ролей, из которых чудовище Симпсона могло бы свободно выбрать себе образ. Во время киножурнала я стоял в своей нише в конце зала и пытался убедить себя, что никаких плохих последствий мой план иметь не может. Если пришелец существует только в моем

воспаленном воображении, то ничего страшного не случится. Если же он есть на самом деле, то, раскрыв его, я, возможно, окажу человечеству немалую услугу. Обосновав все таким образом, я, казалось бы, не должен был ни о чем беспокоиться; однако сегодня в дружелюбной темноте знакомого зала мне мерещились подкрадывающиеся со всех сторон ужасы, и к началу самого фильма я настолько перенервничал, что не мог больше оставаться на месте.

Я вышел в фойе и некоторое время наблюдал за опоздавшими к началу сеанса зрителями. Кассирша Джин Мэджи, не отрывая взгляда, смотрела на меня из-за своего застекленного окошка, и я решил выйти на улицу проверить, на месте ли патрульная группа, обещанная мне Бартом Уайтманом. Около кинотеатра никого не было. Я уже собрался звонить ему, но тут разглядел почти в самом конце квартала машину, которая могла быть и патрульной.

Я почти дошел до машины, когда отражения на мокрой мостовой и в витринах магазинов внезапно исчезли. Резко обернувшись, я увидел, что светящаяся вывеска над кинотеатром тоже погасла. Здание оставалось в темноте добрых десять секунд — больше чем в любую другую среду,

затем огни снова вспыхнули.

Напуганный происходящим, я бросился к машине и увидел опознавательные знаки полиции. Одно из окон открылось, и оттуда высунул голову патрульный.

— Сюда! — закричал я. — Скорее!

— Что случилось? — твердо потребовал полицейский.

— Я… Я объясню потом. — Тут я услышал быстрые шаги и, обернувшись, увидел, как ко мне во весь опор несется Портер Хастингс. Он выскочил на улицу, даже не надев пиджак. У меня появилось нехорошее предчувствие.

— Джим, — задыхаясь, произнес он. — Тебе нужно скорее туда. Там черт знает что творится…

— Что ты имеешь в виду? — Вопрос был чисто риторический, потому что внезапно я понял, что случилось. — Ты пустил тот кусок фильма, как я тебе говорил?

— Конечно! — Даже в такой ситуации он сумел всем своим видом передать возмущение по поводу того, что кто-то усомнился в его профессионализме.

— Те самые кадры, что были заряжены?

На его лице появилось виноватое выражение.

— Ты ничего про это не говорил. Я прокрутил

чуть вперед, чтобы посмотреть, что это потому что в этот момент в конце улицы началось что-то невероятное. Полицейские в машине, Портер Хастингс и я увидели сцену, какой на Земле не видел никто уже больше полутора тысяч лет: из помещения кинотеатра на улицу вырывался римский легион в полном боевом облачении. С блеском шлемов, щитов и коротких мечей легионеры быстро построились под вывеской кинотеатра в плотное каре, готовые отразить нападение любого, кто к ним приблизится. И над самыми их головами (тогда я, видимо, был не в состоянии оценить иронию) горела моя неоновая реклама: КОЛИЗЕЙ.

— Этому должно быть какое-то объяснение, — произнес один из полицейских, протягивая руку к радиотелефону для связи с участком, — и для вашего же блага оно должно быть убедительным.

Я мрачно кивнул. У меня было для них вполне достойное объяснение: когда чудовище решило перевоплотиться в кого-то из фильма «Встретимся в Манхэттене» и наступило затемнение, на экране вдруг появилось изображение целого римского легиона, и от неожиданности оно перевоплотилось в него… Убедительное объяснение, но тем не менее возникшее у меня тяжелое

чувство подсказывало, что мои тихие ретроспективные показы по средам ушли в прошлое навсегда.

МАСКАРАД

© ***Charles E. Fritch*, Trick or Treat, 1957**

Чарлз Фрич
Фантастический рассказ

Перевел с английского Александр Корженевский

Рис. Б. Сопина

«Юный техник» 1987'05

Холодным октябрьским вечером, закончив работу, Сэм Вудфорд быстро шел к дому, оставляя за собой густой шлейф табачного дыма. В бодрящем воздухе сверкали уличные фонари, и ветер гонял по мостовой сухие листья. В предвкушении приятного спокойного вечера Сэм еще больше ускорил шаг.

Вдруг на дорогу выскочило глазастое чудище и закричало мальчишеским голосом:

— Конфеты, мистер! Конфеты или жизнь!

Сэм попытался сделать вид, что очень напуган, и вынул изо рта трубку.

— Ну, ты меня испугал! Ты ведь монстр с третьей луны Юпитера, так?

— Не бойтесь, мистер Вудфорд, это я, Джо, — ответило чудовище, снимая с головы длинноносую зубастую маску, под которой оказалось улыбающееся мальчишеское лицо, усыпанное веснушками.

— Вот это да! — сказал Сэм, разыгрывая удивление. — У меня нет с собой сладостей, Джо, но

ты обязательно заходи к нам, да не один, а с друзьями, сегодня вечером. Думаю, миссис Вудфорд приготовит что-нибудь особенное.

— О! — обрадовался Джо. — Обязательно. До вечера, мистер Вудфорд!

Посмеиваясь, Сэм посмотрел вслед убегающему мальчишке и двинулся дальше. «Может быть, вечер вовсе не будет таким уж спокойным. В такой вечер по улицам бродят гоблины, а эльфы и феи и прочие сказочные существа звонят в двери и требуют гостинцев», — подумал он и еще раз усмехнулся.

Высоко в небе сверкнул метеорит. Или ведьма на горящем помеле? А может, корабль пришельцев из другого мира? Или какой-нибудь огненный призрак, воскресший накануне традиционного праздника с карнавалом, где каждый может вообразить себя кем угодно. Правда, обычно наряжаются только мальчишки и девчонки…

Он поспешил домой, где жена уже ждала его с приготовленным ужином. Они поели, и Сэм решил посидеть с газетой в своем любимом кресле в гостиной. Нашествие ребятни начнется позже, так что еще есть время отдохнуть. В комнате было тепло, стены дома надежно отгораживали холодную ночь за окнами, и Сэм почувствовал,

как постепенно им овладевает состояние сонливого благодушия.

Но тут позвонили в дверь.

Резкий звук звонка напрочь прогнал сон, и Сэм Вудфорд расстроился из-за того, что ему неожиданно помешали. Он закрыл глаза и пошуршал газетой, словно надеялся, что этот ритуал заставит звонок замолчать. Не чувствуя никакого желания вставать, он пошевелил пальцами ног в мягких шлепанцах.

Из кухни доносился шум льющейся воды и звяканье тарелок. Сэм открыл глаза и попытался сосредоточиться на недочитанной статье о последних достижениях национальной программы исследования космоса, но мысли упорно возвращались к незваному визитеру за дверью. Невольно он затаил дыхание.

— В дверь снова позвонили.

— Кора! — крикнул он. — Кто-то пришел.

На кухне еще раз звякнули тарелки.

— Открой сам, пожалуйста, Сэм. Я тут занята.

«Вряд ли это дети, — подумал Сэм. — Еще рано, всего четверть седьмого. Хотя, может быть, это уже пришел Джо, переполненный мальчишеским энтузиазмом и не понимая, что у старшего поколения есть дела поважнее, чем бегать и от-

крывать дверь в неурочное время».

Опять зазвенел звонок, на этот раз более настойчиво.

— Сэм! — крикнула из кухни жена.

— Иду, иду. Сейчас открою.

Он вздохнул, отбросил газету, с неохотой поднялся из мягкого кресла и, пройдя через гостиную в прихожую, рывком открыл дверь. На пороге, моргая от неожиданно яркого света, падающего из дверного проема, стоял молодой человек. По крайней мере лет на двенадцать старше Джо, короткая стрижка, костюм, чем-то напоминающий одежду елизаветинских времен, неуверенная улыбка на лице.

— Здравствуйте, — произнес он звонко. — Я марсианин.

Сэм немного подумал и спросил:

— Не слишком ли вам много лет для этого?

Молодой человек смутился.

— Марсиане бывают разных возрастов. До ста шестидесяти лет бывают. А мне тридцать.

— Я имею в виду, — терпеливо объяснил Сэм, — что вы, по-моему, вышли из возраста, когда играют в карнавальные игры.

— Игры? — гость удивленно нахмурился. — Может быть, вы не поняли? Я с Марса!

— Ну, разумеется, — ответил Сэм. — А я с планеты Венера. Лучше побыстрее говорите, что вам надо, и я пойду дочитывать газету.

— Вы мне не верите?! — с удивлением и болью в голосе воскликнул молодой человек.

— Да куда уж там! — Сэм думал о своем удобном кресле и, мечтая снова в нем оказаться, старался разговаривать доброжелательным тоном. — Я очень ценю шутки, особенно в карнавальную ночь, но что-то вы не похожи на человека, который просто ради шутки будет бегать от дома к дому и звонить в двери. Вы что, швабры продаете? Или журналы?

— Ничего я не продаю, — с отчаянием произнес гость. — Я прилетел в ракете с Марса. Ракета сгорела в вашей атмосфере. Я сам едва спасся и спустился на парашюте недалеко отсюда. Выбрал ваш дом наугад и позвонил.

— На Марсе, конечно, тоже есть дверные звонки?

— Конечно. Двери-то у нас есть. Почему же у нас не должно быть звонков?

Сэм покачал головой.

— Неубедительно, парень. Ты газеты читаешь? Наши автоматические станции передали, что климат на Марсе здорово отличается от земного.

Если бы там были обитатели — а их там нет, — то они бы тоже от нас отличались, А ты больше похож на землянина, чем я. Кроме того, ты слишком хорошо говоришь по-английски.

— Но я говорю по-марсиански, — ответил молодой человек с отчаянием в голосе. — Только говорю мысленно, и вы меня понимаете.

— И что это все всегда прикидываются, будто они с Марса? — раздраженно поинтересовался Сэм. — Почему бы для разнообразия не выбрать Венеру?

— Ха! — молодой человек уверенно отмахнулся рукой. — Все знают, что на Венере нет жизни.

— Ну хорошо, ты марсианин, — сказал Сэм, пожимая плечами. — Добро пожаловать на Землю. А сейчас, если ты не возражаешь…

Молодой человек внезапно забеспокоился.

— Я только сейчас подумал… А что, если мне никто не поверит? Я ведь не могу доказать, что я с другой планеты. Все доказательства остались в ракете.

— Просто придется подождать, пока за тобой не прилетит другая ранета, — ответил Сэм. — Или жди, когда земляне запустят на Марс свою. А пока ты запросто сойдешь за… одного из нас, — добавил он, усмехнувшись.

— Спасибо за совет, — ответил гость удрученно. — Большое спасибо.

— Да не за что, — добродушно сказал Сэм. — Можешь попробовать вон в том крайнем доме. Феллоу помешан на летающих тарелках. Это будет хорошая шутка!

Молодой человек кивнул неуверенно и сошел с крыльца в темноту.

— Никак не ожидал такого приема, — печально произнес он.

— Ничего, привыкнешь, — ответил Сэм ему вслед, закрыл дверь и вздохнул с облегчением. Потом невольно улыбнулся. Может быть, не следовало разговаривать с ним так строго: в конце концов, эта ночь и предназначена для подобных розыгрышей. Он пожал плечами, уселся в свое любимое кресло и с удовлетворением развернул газету.

— Кто там был, дорогой? — поинтересовалась Кора, входя а комнату. — Надеюсь, это не дети? У меня еще не готово угощение.

— Какой-то парень прикидывается марсианином, — ответил Сэм, не поднимая глаз.

— Тебе нужно было меня позвать, — заинтересовалась Кора, — Я никогда не видела марсиан.

— И никто их не видел. Потому что их нет.

И кроме того, костюм его отнюдь не говорил о богатстве воображения: ни тебе щупалец, ни страшных глазищ, ни смертоносного лучемета…

— Сэм, — произнесла Кора задумчиво, — Представляешь, как было бы забавно, если бы кто-нибудь с другой планеты действительно прилетел, а ему бы никто не поверил?

Сэм усмехнулся.

— Опять фантастику читала? — добродушно-ироничным тоном спросил он.

— Каюсь, виновата, — со смехом признала Кора и, вздохнув, добавила. — Ладно, снова пойду на кухню.

Сэм Вудфорд уселся поудобнее и положил ноги на скамейку с подушечкой. Из кухни снова донесся привычный шум воды и звон посуды.

Он дочитал статью об освоении космоса и удовлетворенно кивнул. Все идет хорошо. Когда-нибудь действительно долетят до Венеры и Марса и разберутся, как там на самом деле. Ну а потом появятся торговые ракеты, пассажирские…

Он откинулся назад, прикрыл глаза и стал мечтать.

Путешествия на другие планеты… Это будет замечательно. Он бы много дал, чтобы оказаться пассажиром на одной из ракет. Сэму не хотелось

признавать этого даже перед Корой, которая понимала его лучше, чем были способны понимать другие земляне, но иногда так мучила тоска по родным местам…

Было бы неплохо снова повидать Венеру!

ВУНДЕРКИНД

© *Edmund Cooper*, The Brain Child, 1956

Эдмунд Купер

Фантастический рассказ
Перевели с английского
С. Красиков и Иван Чимбуров

«Юный техник» 1987'07

Хотя профессор Томас Меррино тихо оплакивал тот факт, что его десятилетний сын не выказывал никаких признаков гениальности, он все же мог быть благодарен судьбе. Ребенок не уродился каким-нибудь там уродом, да и дураком его назвать было нельзя. Объективно говоря, Тимоти был вполне нормальным мальчишкой. Но это-то и было источником постоянного недоумения профессора Меррино. В качестве руководителя группы, занимавшейся проектированием и конструированием искусственного интеллекта, он был профессионально просто шокирован самой мыслью, что такой совершенный механизм, как мозг, человек столь мало умеет использовать.

Все дело в том, считал он, что этому надо учиться с первых же дней жизни. Его жене Мери, считающей тригонометрию сложной операцией на желудке, стоило большого труда убедить мужа, что младенчество и детство не только желательны, но и просто необходимы. Профессор Меррино же надеялся обучить юного Тимоти иг-

ре в шахматы в три года, а дифференциальному счислению в четыре с половиной.

Иначе, доказывал он, какой тогда смысл в науке, если ее нельзя применить в жизни? И если можно запрограммировать электронный мозг, то почему нельзя проделать то же самое с маленьким ребенком? Ответ им был найден быстро. Он был трагически прост. В вопросе обучения у машины не было выбора; у ребенка он был!

К своему десятилетию Тимоти не только умудрился разрушить веру своего отца во все известные ему виды обучения и заставить его искать утешения во все более совершенных электронных машинах, но он также сумел и проигнорировать математику как науку во всех ее проявлениях.

Поэтому, когда после трех целиком посвященных науке лет, находящийся в зените славы профессор Меррино создал наконец супермозг, названный им Пищащим Томом, плоды победы показались ему слегка горьковатыми.

Он создал мозг, способный видеть, слышать, разговаривать и даже чувствовать. Он создал мозг, возможности которого заставляли любой другой аппарат выглядеть просто дырявой кастрюлей. Он запрограммировал Пищащего Тома

отвечать на вопросы, которые и задать-то никто не смог бы. И все же он не мог объяснить своему собственному сыну, что половина от половины будет четверть.

Поэтому, сидя однажды днем перед хромированной физиономией Пищащего Тома и глядя в телеэкраны его глаз и громкоговорители рта, профессор Меррино не чувствовал никакой приподнятости — одно лишь разочарование. Жаль, что можно приготовить чертежи и подкорректировать их по ходу дела — чертежи практически всего. Всего, кроме человеческого ребенка.

В последнее время у него появилась привычка разговаривать с самим собой; к счастью, лишь когда он находился в одиночестве. И хотя все его сожаления были обычным брюзжанием, ему вскоре напомнили, что он не совсем один в комнате.

— Извиняюсь, сэр, — загрохотал Пищащий Том. — Не будете ли вы так добры рассказать все поподробнее.

Профессор Меррино виновато вспыхнул, но затем вспомнил, что Пищащий Том всего лишь машина.

— Извините, сэр, — жалобно повторил Пищащий Том. — Но поскольку здесь никого больше

не было, а вы запрограммировали меня отвечать на все вопросы, то я заключил…

— А ну, отключись сейчас же, — прервал его ученый. — Спать! Глаза Пищащего Тома укоряюще вспыхнули:

— Есть, сэр.

— Нет, подожди минутку, — крикнул Меррино. — Ты разумен?

— Нет, сэр. Просто умен.

— Верно. А теперь скажи, кто тебя сделал, кому ты принадлежишь и сколько ты стоишь?

— Спроектировали меня вы, сэр, а ваша группа построила. Принадлежу я Империал Электрик, которой мое строительство обошлось в три миллиона двести сорок пять тысяч триста шестьдесят семь долларов и тридцать три цента.

— Правильно, — согласился профессор Меррино. — А в шахматы ты можешь меня обыграть?

— Да, сэр.

— А количество атомов во Вселенной подсчитать можешь?

— Да, сэр, — приблизительно.

— Тогда, — произнес Меррино с горькой иронией, — ты несомненно сможешь решить относительно простенькую задачу. Почему ребенок сосет палец? — Он благодушно откинулся

в кресле, ожидая услышать, как Пищащий Том признает свое поражение.

— Ребенок сосет палец, — неожиданно произнес супермозг, — по следующим причинам: а) потому что его очень рано отняли от груди, б) потому что у него режутся зубы, в) потому что он ощущает неустроенность или же г) потому что он голоден. Если он сосет палец, то рекомендуется…

— Будь я проклят! — воскликнул профессор Меррино. — Кто тебя напичкал всем этим?

Казалось, Пищащий Том наслаждается моментом своего триумфа.

— Вы, сэр, — промурлыкал он. — Во время первой серии тестов вы поместили у меня в памяти тысячу книг. Одной из них была «Ребенок и уход за ним» доктора медицины Бенджамина Спока.

— Тогда, может быть, ты мне подскажешь, — с яростью в голосе произнес профессор, — почему в моем сыне Тимоти сочетаются физиологические признаки человека с мыслительной способностью человекообразной обезьяны?

— В соответствии с теорией эволюции, — нравоучительно начал Пищащий Том, — примитивные существа способны…

— Замкнуть бы все твои электрические цепи! — прервал его ученый, с трудом избавляясь от

желания сказать что-нибудь еще более грубое. — Я задам этот вопрос иначе. Почему, несмотря на все поколения своих предков-ученых, мой сын интеллектуально заторможен?

— Мне надо знать его возраст, вес, рост, все физические характеристики, примерный объем словаря, интересы, привычки, цели, стремления. Также необходимо знать о его взаимоотношениях с матерью и вами. Короче, просто расскажите о нем.

Профессор Меррино был слишком заинтересован предложением, чтобы осознать, какой важный рубеж в истории создания компьютеров был преодолен только что. Впервые электронный мозг сделал предложение по своей собственной инициативе.

— Как мне кажется, — задумчиво начал профессор, — у Тимоти есть одно выдающееся качество — упрямство. Он упрям, как сто ослов. Вначале я уверял себя, что это просто независимость, но…

Наконец профессор Меррино выговорился. Он оборвал речь на середине предложения, смысл которого уже успел позабыть, тупо моргнул несколько раз и решил, что, очевидно, перетрудился.

Пищащий Том получил возможность вынести

вердикт:

— Имеющиеся данные, сэр, ясно указывают на неприспособленность. В общем, здесь…

— Еще бы! — оборвал Тома ученый. — Разумеется, мальчик неприспособлен. Об этом-то я и говорил тебе, зря тратя свое время, черт!

Глаза Пищащего Тома ярко вспыхнули.

— Я говорю не о Тимоти. Это вы, сэр, неприспособленный родитель.

Профессор Меррино попытался сохранить остатки научной объективности.

— Интересная теория, — иронично продолжил он. — Естественно, ты можешь — предложить мне выход…

— Естественно, — согласился Пищащий Том. — Поскольку вам не удалось развить умственную активность мальчика, следует, что необходимо прибегнуть к другим средствам.

— К каким же это?

— Ко мне.

Профессор Меррино тихо прикрыл за собой дверь и попытался устало улыбнуться жене.

— Где Тимоти? — спросил он.

— Смотрит по телевизору какой-то приключенческий фильм.

Профессор Меррино воспроизвел звук, издавае-

мый лопнувшей автомобильной шиной.

— У меня иногда появляется желание взять топор и разбить телевизор. Он гробит всю его инициативу, не говоря уже о содержании программ. Когда я был в его возрасте…

— Дорогой, — мягко прервала его миссис Меррино, — вспомни о своем сердце. И мне хотелось, чтобы ты следил за своей речью — по крайней мере дома. У детей большие уши.

— Хм-м-м! Наш Удивительный Малыш уже пообедал?

— Да. он не хотел пропускать фильм.

— Он не хотел пропускать фильм! — Эхом откликнулся профессор, следуя за супругой в столовую. — Ну что же, думаю, в таком случае, мы должны быть благодарны судьбе за спокойный обед. Но мне надо будет переговорить с ним сегодня в любом случае… Что-то горит?

— Разве что ты сам, милый!

Профессор Меррино не стал спорить. Вместо этого он уткнулся в свою тарелку и задумался.

— Привет, па, — сказал Тимоти, выглядывая из-за двери.

— Привет, сынок, — сказал профессор, судорожно пытаясь изобразить на лице приветливую улыбку. — Как кино?

— Средне. Хотя хотел бы я, чтобы они сделали следующий фильм о космических полетах.

— Если ты интересуешься космическими полетами, — дипломатично начал Меррино, — то как ты отнесешься к предложению поучиться рассчитывать скорости для полетов на Луну?

— Да нет, спасибо!

— Тимоти, — мягко сказал профессор Меррино, — а как ты отнесешься к предложению проведать завтра со мной вместе Пищащего Тома?

— Эту жестянку, спаянную тобой?

— Да.

— Э… Завтра ведь суббота, да?

— Да, а какая разница?

Тимоти глубоко вздохнул.

— Я надеялся сходить в кино.

Теперь настала очередь глубоко вздыхать уже профессору Меррино.

— Нет, ты отправишься со мной.

Миссис Меррино взглянула на своего мужа. Этот взгляд обещал тому нелегкие полчаса после того, как Тимоти уляжется спать.

Субботним днем высокий мужчина и маленький мальчик шагали по огромному городку Империал Электрик-инкорпорейтед. Они на-

правлялись к серому кубу здания, где в паутине электрических цепей раскинулся Пищащий Том, мирно смотрящий свои электронные сны.

Они поднялись по узкой лестнице и вошли в центр управления. Профессор Меррино нажал на клавишу, и глаза Пищащего Тома сонно моргнули. Нельзя сказать, что на Тимоти это произвело сильное впечатление.

— Я готов, сэр, — произнес Пищащий Том. — Какие будут указания?

Профессор Меррино усадил Тимоти в кресло перед пультом.

— Я на некоторое время оставлю здесь моего сына Тимоти — пока сам закончу кое-какие дела у себя в лаборатории. От тебя требуется отвечать на все его вопросы и вообще развлекать его до моего возвращения.

— Да, сэр, — прогрохотал Пищащий Том.

Профессор Меррино готов был поклясться, что машина подмигнула ему. Спускаясь по лестнице, он услышал, как Тимоти начал:

— Если полторы белки съедают полтора ореха за полтора дня, то сколько орехов съедят девять белок за девять дней?

«Восемьдесят один», — машинально пробормотал ученый и с удивлением оглянулся, услышав

ответ Тома: «Пятьдесят четыре, сэр».

Следующие два часа профессор Меррино провел погруженным в один из научно-фантастических журналов. Увлекшись, он бросил рассеянный взгляд на часы и отшвырнул журнал в сторону. Целых два часа! А он собирался оставить Тимоти минут на сорок пять!

Профессор выскочил из кабинета. Позволить Пищащему Тому попытаться переделать Тимоти — это нормально, а если Тимоти сам взялся исправить Пищащего Тома?

Торопливо взбежав по лестнице, профессор Меррино услышал сквозь бешеный стук сердца что-то весьма похожее на то, как говорил бы по-китайски чемпион мира по скоростной речи. Войдя внутрь, он услышал постепенно замедляющееся окончание речи Пищащего Тома. Наконец тот остановился. Тимоти мирно спал. Профессор облегченно вздохнул.

— Похоже, эксперимент дал негативный результат, — отметил он, глядя на тихонько посапывающего во сне Тимоти.

— Просто глубокий гипноз, сэр, — объяснил Пищащий Том. — Он был необходим, чтобы преодолеть тормозящие развитие препятствия. А потом уже я запрограммировал его соответству-

ющим образом.

— Ты его что? — воскликнул профессор Меррино.

— Запрограммировал. Сейчас он усваивает начальный курс математики и физики. Думаю, вы найдете результаты удовлетворительными.

— Только вот что, — тяжело дыша, вымолвил профессор. — Мой сын, ты, чертова машина, мой сын не автомат!

— Разумеется, сэр, — согласился Пищащий Том. — Поэтому я и предполагаю процентов на семьдесят, что эксперимент может окончиться неудачно. Так что, может быть, вы разбудите его как-нибудь помягче?

Меррино так и поступил. Через несколько мгновений Тимоти раскрыл глаза, зевнул и потянулся.

— Очень интересно, — неопределенно заметил он. — А домой мы когда пойдем? Я есть хочу.

Первое странное событие произошло после необычайно тихого ужина. Вместо того чтобы приклеиться к телевизору, Тимоти направился в кабинет отца и через несколько минут вышел оттуда с книгой. Затем он забился в уголок дивана и погрузился в чтение.

— Ты запугал его, — шепотом обвинила мужа

Мери. — Что произошло сегодня?

— Ничего, — профессор Меррино почувствовал себя не очень уютно. — Просто ничего. Я всего лишь оставил его развлекаться с Пищащим Томом, пока сам разбирал кое-какие бумаги.

Тимоти оторвался от книги.

— Как ты думаешь, человек может стать невидимым? — спросил он отца.

— Разумеется, нет, — ответил тот. — Но почему это тебя интересует?

— Да это в книге «Человек-невидимка». Похоже, это отличный роман.

Вспоминая себя в детстве, профессор Меррино был удивлен.

— Она не слишком тяжела для тебя, Тимоти? Я прочитал ее лет в четырнадцать.

— Она немного старомодна, но я справляюсь… Может, сразимся в шахматы, па? Мы давно уже не играли.

Профессор пожал плечами.

— А я думал, ты не любишь шахматы. Ведь ты же сам говорил, что они нагоняют тоску.

— Да, — просто ответил Тимоти. — Но тогда я еще ничего не соображал. — Он потер нахмуренный лоб и на мгновение задумался о чем-то. Затем направился к шкафчику, достал шахмат-

ную доску и начал расставлять фигуры.

— Пожалуй, я пойду посмотрю телевизор, — слабо проговорила миссис Меррино.

Профессор Меррино посмотрел ей вслед, недоуменно пожал плечами и повернулся к доске.

— Ты рассердишься, если я тебя обыграю? — спросил Тимоти.

— Разумеется, нет, — ответил ему отец, делая ход королевской пешкой. — Наоборот, я буду очень рад, хотя и удивлен.

— А я нет, — сказал Тимоти.

Но через пятнадцать минут отец достаточно просто обыграл его. «Малыш не изменился, по крайней мере, ненамного», — с облегчением подумал профессор.

— Это не лучшая твоя партия, — сказал вдруг Тимоти.

— Но я все же обыграл тебя, не так ли?

Хитрая улыбка мелькнула на лице Тимоти.

— Давай еще, а? Я просто позабыл кое-какие гамбиты.

— Жажда мести? — сухо спросил профессор Меррино, заново расставляя фигуры.

Тимоти слегка нахмурился и, немного помешкав, сказал:

— А если я тебя обставлю, ты дашь мне пятна-

дцать долларов?

— Что?

— Я говорю, ты дашь мне пятнадцать долларов, если я выиграю? Профессор Меррино смерил сына серьезным взглядом.

— А что я получу, если выиграю?

— Мои тридцать центов на кино в неделю на протяжении года, — быстро ответил Тимоти. — Все по-честному.

— Пожалуй, — согласился Меррино с легкой улыбкой. — Думаю, тебе это будет уроком. Зачем тебе пятнадцать долларов?

— Скажу после игры, — улыбнулся в ответ Тимоти.

— Тогда твой ход, — хмуро сказал профессор.

Игра продолжалась чуть больше двух часов и была разыграна по всем правилам. Вначале профессор ходил наобум. Через пятнадцать минут он потерял слона и тут же ладью, в то время как Тимоти — лишь две пешки.

Это, похоже, только раздразнило ученого. Он начал играть осторожно, выжидая своего часа. И вот озарение, должное принести ему победу, каким-то образом вместо этого обошлось ему в ферзя.

Тем временем Тимоти отрывал глаза от книги

лишь затем, чтобы сделать свой ход. Когда он ставил мат, то как раз подобрался к концу семнадцатой главы.

— Тимоти, — произнес профессор надтреснутым голосом, одновременно вытаскивая из кармана бумажник. — Каким… Как тебе удалось это?

— Я просто следовал линии игры, — загадочно ответил Тимоти. Затем наступило молчание, во время которого Тимоти получил свой выигрыш и, тщательно пересчитав банкноты, спрятал их в карман.

— Что ты собираешься делать с деньгами? — наконец прервал молчание профессор.

— Куплю кое-что для экспериментов.

— Ясно, — тупо ответил профессор Меррино.

Тимоти зевнул.

— Пойду-ка я спать. Спасибо за игру, па. Извини, что так вышло.

— Ничего, — солгал отец. — Все нормально.

До конца воскресенья царило напряженное перемирие. Сам того не сознавая, профессор Меррино по возможности избегал встреч с сыном. Да и сам Тимоти не особо вылезал из своей комнаты.

Меррино обнаружил пропажу еще нескольких

книг, в том числе и одного солидного тома по волновой механике. Мысль, что Тимоти интересуется волновой механикой, уже не казалась смешной — она ужасала. Но профессор Меррино не предпринимал никаких шагов, он полагал более разумным подождать результатов.

Ждать пришлось недолго.

Буря разразилась в понедельник. Вернувшись домой поздно вечером после проведения неудачно закончившегося эксперимента, профессор Меррино был встречен истерикой.

— Слава богу, ты пришел! — всхлипнула Мери. — Я уже целый час пытаюсь тебе дозвониться. Необходимо срочно что-то сделать с Тимоти, пока я окончательно не сошла с ума.

— Тимоти? — нервно откликнулся Меррино. — Где он? С ним все в порядке?

— Все в порядке! — вскрикнула миссис Меррино. — Сам увидишь, как с ним все в порядке!

В этот момент дверь в столовую открылась, и пара ботинок вошла в комнату. Из них торчала пара пустых носков, которые невидимо как поддерживали небольшой детский костюмчик.

— Привет, па! — радостно сказал Тимоти. — Я хотел удивить тебя.

Профессор Меррино отшатнулся как от привидения.

— Тимоти! — Голос его сорвался. — Что ты наделал?

— Изменил свою молекулярную структуру, — спокойно ответил Тимоти, — и довел уровень отражения до нуля.

— Это... Это... это немыслимо!

— Ты это говорил и раньше, и вот результат: человек в книге проделал это, и я теперь тоже.

Капельки пота выступили на лбу у профессора.

— Но послушай, Тимоти! Ведь в книге это все просто вымысел. Такого не могло произойти.

— Но произошло, — сказал Тимоти. — Возьми меня за руку. — Он ткнул отца в бок. — Это тоже вымысел?

Профессор Меррино закашлялся, ноги его подкосились, и он неожиданно для самого себя уселся на пол. Достигшая критической точки миссис Меррино слабо всхлипнула и упала в обморок — прямо в руки сидящего мужа.

— Посмотри, что ты наделал! — яростно проговорил профессор. — Будет лучше, если мы уложим ее на диван.

Пара невидимых рук помогла ему справиться с обмякшим телом жены. Уложив ее на диван, профессор Меррино повернулся к пустому костюму.

— Как ты…

— Аппарат у меня в комнате, — произнес Тимоти. Предвосхищая намерение отца, он быстро добавил: — Нет, не ходи туда. Тебя может шарахнуть током или же сделать невидимым. Или еще что. С этого момента моя комната будет закрыта для всех.

Профессор Меррино собрался было все же шагнуть в сторону комнаты Тимоти, но передумал.

— Хорошо, сын, — сказал он кротко. — Но… Тимоти, можешь ты… ты можешь… стать нормальным?

Последовал детский смешок.

— А я не хочу. Так здорово. А как меня встретят в школе!

Профессор Меррино поежился. Он подумал, как могут встретить Тимоти.

— Тимоти, ты должен стать нормальным, — умолял он. — Ты должен. Это неприлично. Это… — Он запнулся, моля бога помочь ему. Как он может справиться с невидимым сыном?

Затем, неожиданно, на него снизошло.

— Спорим на двадцать пять долларов, — сказал он, — что тебе не удастся опять стать видимым.

— Идет! — закричал Тимоти. Костюм, носки, ботинки пришли в движение. Дверь распахнулась, захлопнулась, и невидимый мальчишка поскакал вверх по лестнице, перепрыгивая за раз по три ступеньки.

Меррино готов был отдать что угодно, лишь бы хоть одним глазком посмотреть, как Тимоти опять становится видимым, но он помнил слова сына.

Наверху что-то загадочно загудело. Это было похоже на гудение залетевшего в паутину шершня. Потом гудение перешло в тонкий свист, который постепенно умолк. Затем раздался звук бьющегося стекла.

И вот уже великодушно улыбающийся Тимоти врывается в комнату. Профессор Меррино промокнул лоб. Затем он увидел, что Тимоти как-то выжидательно смотрит на него, и полез за бумажником. Он вытащил две десятки и пятерку.

— Вот что, Тимоти, — он медленно помахал деньгами перед носом у сына. — Я хочу, чтобы ты пообещал мне никогда и ничего больше не делать невидимым. В действительности, было бы весьма неплохо, если бы мы сегодня же вечером разобрали твой аппарат на части. Разумеется, я бы записал кое-что ради науки, но…

— Никто не будет входить ко мне в комнату, — решительно прервал его Тимоти. Он схватил деньги. — Теперь, когда я уже проделал разок эту штуку, она мне стала неинтересной. Я занялся ей только потому, что ты заявил, что это невозможно. Но сейчас я нашел кое-что получше. А на двадцать пять долларов я накуплю всего необходимого…

— Что же это? — сорвавшимся фальцетом пре-

рвал его профессор.

— Антигравитация, — радостно улыбнулся Тимоти.

Перед глазами профессора Меррино все померкло. Комната начала вращаться, и у него появилось странное ощущение, что пол сейчас пришлепнет его по голове.

Где-то далеко-далеко он слышал восторженные объяснения Тимоти, почему общая теория относительности не совсем верна. Но профессора больше не занимало это. Его интересовала практическая сторона вопроса. Он уже начал прикидывать, сколько ему будет стоить отказ сына от полета на Луну.

О НЕУТОМИМОЙ ЛЯГУШКЕ

Филип К. ДИК

О неутомимой лягушке

Фантастический рассказ

© *Philip K. Dick*, The Indefatigable Frog, 1953

Филипп К. Дик
Фантастический рассказ
Перевел с английского Александр Корженевский

«Юный техник» 1988'02

— Зенон был первым по-настоящему великим ученым, — изрек профессор Харди, окидывая аудиторию суровым взглядом. — Возьмите, например, его парадокс с трубой и лягушкой. Как показал Зенон, лягушка никогда не достигнет конца трубы, если длина каждого ее нового прыжка составляет половину длины предыдущего Всегда будет оставаться малое, но вполне реальное расстояние…

Пока студенты, пришедшие слушать лекцию по физике, осмысливали сказанное профессором, в аудитории царила тишина. Затем из задних рядов медленно поднялась рука, и Харди недоверчиво взглянул на ее обладателя.

— Ну? — сказал он. — Что еще, Питнер?

— На занятиях по логике нас учили, что это не так. Профессор Гроут сказал…

— Гм!

— Профессор Гроут сказал, что трубу она все-

таки одолеет.

Харди сложил руки на груди.

— На моих занятиях лягушка никогда не достигнет конца трубы. Я сам изучил эту проблему и в этом убежден. Например, если она прыгнет…

Зазвенел звонок.

Студенты дружно поднялись со своих мест и направились к выходу. Когда последний из них покинул аудиторию, Харди достал трубку и тоже вышел в коридор. Он взглянул сначала в одну сторону, потом в другую: ну так и есть — совсем неподалеку стоял профессор Гроут и пил воду из фонтанчика, утирая подбородок.

— Гроут, — произнес Харди Идите сюда!

Моргая, профессор Гроут оторвался от фонтанчика.

— Что случилось?

— Идите сюда, — сказал Харди и направился к нему сам — Как вы смеете трогать Зенона? Он был ученым и как таковой является принадлежностью моего курса обучения, а никак не вашего. Оставьте Зенона в покое!

— Зенон был философом! — Гроут возмущенно уставился на Харди. Впрочем, я знаю, что у вас на уме. Этот парадокс с лягушкой К вашему сведению, Харди, лягушка с легкостью… Вы дез-

информируете своих студентов. На моей стороне логика!

— Ха, логика! — Харди фыркнул, сверкая глазами. — Старые пыльные максимы! Совершенно очевидно, что лягушка должна остаться в трубе навсегда!

— Она выберется!

— Не выберется!

— Джентльмены, вы закончили? — раздался рядом спокойный голос, и они резко обернулись. Позади с мягкой улыбкой на губах стоял декан факультета. — Если да, то не согласитесь ли вы заглянуть ко мне в кабинет.

Гроут и Харди переглянулись.

— Видите, что вы наделали? — прошипел Харди, входя в кабинет декана, — Снова из-за вас неприятности.

— Из-за вас. Из-за вашей лягушки!

— Садитесь, джентльмены! — Декан указал на два стула с жесткими спинками. — Садитесь поудобнее. Мне, право, жаль беспокоить вас, когда вы так заняты, но мне действительно необходимо с вами поговорить. Могу я поинтересоваться, что послужило причиной вашего спора?

— Зенон, — пробормотал Гроут.

— Парадокс с лягушкой.

— Понятно, — декан кивнул. — Понятно. Парадокс, которому две тысячи лет. Древняя загадка. И вы двое взрослых мужчин стоите в коридоре и спорите. как…

— Проблема заключается в том, — сказал Харди. — что никто никогда не проводил экспериментальной проверки.

— Тогда вы двое и будете первыми, кто посадит лягушку в трубу и проследит, что из этого получится на самом деле.

— Но лягушка не станет прыгать в соответствии с условиями парадокса.

— Вы должны ее заставить, вот и все. Я даю вам две недели на то, чтобы подготовить эксперимент и определить истинный ответ на эту детскую загадку. Мне надоели бесконечные споры, и я хочу, чтобы вы покончили с этой проблемой раз и навсегда…

Работа над проектом «Лягушачья камера», как его вскоре окрестили, началась с размахом. Университет выделил двум непримиримым ученым подвальное помещение, и Гроут с Харди сразу же принялись налаживать оборудование. По мере того как двухнедельный срок приближался к концу, они пропускали все больше и больше лекций. А «Лягушачья камера» тем временем росла

и все больше и больше становилась похожей на длинную секцию обычной водопроводной трубы, только очень большого диаметра, расположившейся вдоль стены подвального помещения. Один конец ее исчезал в нагромождении проводов и аппаратуры; с другого конца крепилась дверца.

И наконец все было готово. Рано утром Гроут спустился в подвал и обнаружил, что Харди уже там: он стоял, заглядывая в трубу.

— Послушайте, Харди, — сказал Гроут, — мы ведь договорились не трогать установку, если кто-то из нас отсутствует.

— Я просто посмотрел внутрь. Там темно, — Харди усмехнулся. — Надеюсь. лягушка сможет разглядеть дорогу?

Тут у входа в подвал что-то скрипнуло, и они оба посмотрели на дверь. На пороге стоял студент Пнтнер и с любопытством оглядывал «Лягушачью камеру».

— Вы хотите начать опыт? — Питнер проскользнул в помещение. — А для чего все эти катушки и реле?

— Все очень просто, — ответил Гроут, просияв. — Это я сам предложил. Вот здесь…

— Давайте лучше я объясню, — перебил Гроута

Харди. — Вы его только запутаете. Мы в самом деле собирались начать эксперимент с первой пробной лягушкой. Если хотите, молодой человек, можете остаться. — Он открыл банку и достал оттуда мокрую лягушку. — Как видите, у трубы есть вход и выход. Лягушку мы сажаем со стороны входа. Можете заглянуть внутрь, молодой человек.

Питнер сунул голову в трубу и увидел длинный темный тоннель.

Аппаратура ожила и мягко загудела. Харди посадил лягушку в трубу и захлопнул дверцу.

— Это чтобы она не выбралась с этой стороны.

— А зачем вам труба такого диаметра? — спросил Питнер. — Туда вполне поместится и человек.

— Смотрите, — сказал Харди, включая газовый рожок. — Этот конец нагревается, и тепло должно гнать лягушку вдоль трубы. Мы будем наблюдать за ней через окошко.

Заглянув в трубу, они увидели, что лягушка преспокойно сидит на месте, поджав лапки и глядя вперед печальными глазами.

— Прыгай, глупая, — сказал Харди и прибавил газа в горелке.

— Смотрите! — воскликнул Питнер. — Пры-

гает!

Лягушка действительно прыгнула.

— Благодаря хорошей теплопроводности металла дно трубы прогревается все дальше и дальше от горелки, — пояснил Харди, — и лягушке приходится прыгать, чтобы не обжечь лапки. Вот смотрите!

— Боже, профессор, — испуганно заговорил Питнер, — она уменьшилась. Лягушка стала в два раза меньше.

— Здесь-то и кроется главное, — с сияющей улыбкой объяснил Харди. — Дело в том, что в дальнем конце трубы располагается генератор особого силового поля. Оно действует на живые ткани таким образом, что по мере приближения к источнику они сокращаются в размере: чем дальше лягушка прыгает, тем меньше она становится.

— А зачем?

— Это единственный способ гарантировать, что каждый последующий прыжок лягушки будет меньше предыдущего. Прыгая, она становится меньше, и соответственно короче становятся ее прыжки. Мы настроили аппаратуру таким образом, что степень уменьшения соответствует требованиям парадокса Зенона: каждый новый

прыжок вдвое короче предыдущего.

— И чем же все кончится?

— Вот это, — сказал Харди, — мы и намерены узнать. В дальнем конце трубы стоит фотоблокирующее устройство. Если лягушка доберется до конца, она пересечет луч света, падающий на фотоэлемент, и таким образом отключит силовое поле.

— Доберется, — сказал Гроут.

— Нет. Она будет становиться меньше и меньше, а прыжки ее короче и короче. Для нее труба будет удлиняться до бесконечности, и она никогда не доберется до конца.

— Вы слишком в себе уверены, — сказал Гроут.

Они склонились над окошком. Лягушка проскакала уже довольно большое расстояние, и увидеть ее было теперь очень трудно: маленькое пятнышко размерами не больше мухи продолжало ползти по дну трубы, становясь все меньше и меньше. Вскоре лягушка превратилась в крохотную точку, а потом и вовсе исчезла.

— Боже! — произнес Питнер.

— Мы вас больше не задерживаем, Питнер. — сказал Хардиг, потирая руки. — Нам с профессором Гроутом надо кое-что обсудить…

— Итак, — сказал Гроут, когда Питнер вышел, —

трубу проектировали вы. Что стало с лягушкой?

— Как что? Она все еще прыгает где-то там, средн атомов.

— Я подозреваю, что вы смошенничали. Наверняка по дороге с ней что-нибудь случилось.

— Если вы так считаете, — парировал Харди, — вы можете обследовать трубу сами.

— Пожалуй, я это и сделаю! И найду там... какую-нибудь ловушку.

— Как хотите, — сказал Харди, ухмыляясь, выключил горелку и открыл металлическую дверцу.

— Дайте мне фонарь, — потребовал Гроут.

Харди вручил ему фонарь, и Гроут. кряхтя, полез в трубу.

— Только без фокусов! — донесся оттуда его голос, отдающийся гулким эхом.

Харди подождал, пока Гроут скроется в трубе, потом наклонился и заглянул внутрь. Профессор Гроут, чихая, с трудом дополз до середины трубы и замер.

— В чем дело? — спросил Харди.

— Тут все-таки слишком тесно...

— Да?.. — Улыбка Харди стала шире. Он вынул трубку изо рта и положил ее на стол. — Я в состоянии вам помочь...

С этими словами он захлопнул дверцу и… включил силовое поле. Загорелись лампы, защелкали переключатели.

— Ну вот, уважаемая лягушка, теперь прыгайте, — произнес Харди, сложив на груди руки. — Прыгайте, сколько захочется.

Он подошел к газовому рожку и зажег горелку.

В трубе было темно. Какое-то время Гроут лежал без движения, прислушиваясь к своим мыслям. Почему Харди захлопнул дверь? Что он задумал?.. Потом Гроут приподнялся на локтях и тут же ударился головой о потолок трубы. Становилось жарко.

— Харди! — громкий, панический крик загрохотал в трубе, отражаясь эхом от стен, — Откройте дверь! Что происходит?

Он пытался развернуться, чтобы пробраться к дверце, но не смог. Ничего другого не оставалось, как двигаться вперед, и Гроут пополз дальше, бормоча сквозь зубы:

— Ну вы у меня дождетесь, Харди, с вашими шуточками. Вы думаете…

Совершенно неожиданно потолок и стены трубы резко отодвинулись в стороны. Гроут ударился подбородком о металлическую поверхность и заморгал. Труба определенно выросла, и теперь

места стало более чем достаточно. А одежда!.. Брюки и рубашка болтались на нем, словно были на все двадцать четыре размера больше.

— О, господи, — тихо проговорил профессор, встал на колени, с трудом развернулся и пополз обратно к дверце. Он толкнул ее, но дверца не подалась.

Довольно долго он сидел на месте, но, когда металлический пол под ним нагрелся, Гроут неохотно отполз вдоль по трубе в более прохладное место и, обхватив руками колени, мрачно уставился в темноту.

— Что же мне делать? — спросил он сам себя вслух.

Через некоторое время к нему вернулось присутствие духа.

— Я должен рассуждать логически. Однажды я уже попал в силовое поле и стал в два раза меньше. Следовательно, ростом я уже всего фута в три. Соответственно труба стала для меня как бы вдвое длиннее.

Гроут достал из огромного теперь кармана фонарь, листок бумаги и принялся за вычисления. Фонарь, тоже ставший в два раза больше, он держал с трудом. Вскоре пол под ним снова нагрелся, и он, не задумываясь, подвинулся в сторону.

— Если я останусь здесь достаточно долго, — пробормотал он, — то я…

Труба снова вздрогнула, отодвигаясь сразу во всех направлениях, и Гроут очутился под грудой грубой ткани. Задыхаясь, он с трудом высвободился из-под нее и бросил взгляд вдоль трубы. Далеко-далеко впереди мерцал пересекающий трубу луч света фотоблокирующего устройства. Если бы добраться до него, если бы только добраться… Поразмыслив над своими выкладками еще немного, Гроут пробормотал:

— Надеюсь, я не ошибся. Судя по вычислениям, я доберусь до светового луча примерно через девять с половиной часов, если буду двигаться без остановки.

Тяжело вздохнув, он встал, положил фонарь на плечо и двинулся в путь.

Профессор Харди повернулся к студенту Питнеру.

— Расскажите аудитории, что вы видели сегодня утром.

Все посмотрели на Питнера, и тот нервно сглотнул.

— Э-э-э… Я заглянул в подвал, и меня пригласили осмотреть «Лягушачью камеру». Профессор Гроут пригласил. Они собирались начать экспе-

римент.

— Какой эксперимент?

— Эксперимент, связанный с парадоксом Зенона, — нервничая, пояснил Питнер. — С лягушкой. Ее посадили в трубу и закрыли дверцу. Затем профессор Гроут включил аппаратуру.

— И что произошло?

Лягушка начала прыгать И уменьшилась.

— Правильно, уменьшилась. А потом?

— Потом она исчезла.

Профессор Харди откинулся на спинку кресла.

— И лягушка не достигла противоположного конца трубы?

— Нет.

Аудитория загудела.

— Как видите, лягушка вопреки ожиданиям моего коллеги профессора Гроута не достигла конца трубы.

Аудитория волновалась, и Харди постучал по крышке стола карандашом, потом зажег трубку и, снова откинувшись в кресле, выпустил в потолок облако дыма.

— Боюсь, этот эксперимент явился слишком тяжелым ударом для бедняги Гроута. Как вы. наверно, заметили, он не пришел после обеда на занятия...

Гроут морщился, но продолжал идти.

— Не волноваться, — уговаривал он себя. — Главное — продолжать двигаться вперед.

Труба снова вздрогнула, и профессор покачнулся. Фонарь, который он не смог удержать, упал и погас. Гроут остался в огромной темной пещере, у которой, казалось, нет ни конца, ни края.

Но он продолжал идти. Через какое-то время его одолела усталость.

— Отдых мне не повредит! — Он сел на грубый неровный пол. — Но, судя по новым вычислениям, мне потребуется около двух дней, чтобы дойти до конца трубы Может быть, даже больше…

Гроут немного подремал, потом двинулся дальше. Внезапные увеличения трубы в размерах перестали его пугать. Рано или поздно он доберется до конца и пересечет световой луч. Силовое поле выключится, и он снова обретет свои нормальные размеры… Гроут улыбнулся: то-то Харди будет удивлен.

Он ударился обо что-то большим пальцем ноги и упал. Его охватил страх, он задрожал и встал, озираясь в окружающей темноте. В какую сторону теперь идти?

— О, господи, — пробормотал он, наклоняясь и трогая пол: куда же ему теперь идти? Время

тянулось. Он двинулся медленно сначала в одну сторону, затем в другую, не различая ничего вокруг, совсем ничего. Потом побежал, бросаясь в темноте то туда, то сюда, спотыкаясь и падая. И вдруг покачнулся — то самое знакомое ощущение! Снова вздрогнула труба. Гроут облегченно вздохнул: значит, он движется в нужном направлении! И он снова побежал, но теперь уже успокоившись и ровно, глубоко дыша открытым ртом.

И по мере того, как он бежал и бежал, пол становился все грубее и грубее. Вскоре пришлось перебираться через какие-то камни, и Гроут остановился. Разве трубу не полировали? Сначала шкуркой, потом…

— Ну конечно же, — пробормотал он — Даже поверхность лезвия для бритья может показаться грубой, если ты сам так мал…

Он продолжал двигаться вперед, ощупывая руками преграды. Вскоре огромные камни вокруг и даже его собственное тело начали слабо светиться. Что это?.. Гроут взглянул на свои руки: ладони поблескивали в полумраке.

— Тепловое излучение, конечно же! Спасибо, Харди!

Прыгая с камня на камень, Гроут двигался в

сумеречном свете по бесконечной равнине, усеянной валунами, перескакивая через расселины, как горный козел. <Или как лягушка», — подумалось ему, когда он перепрыгнул через очередную яму и остановился перевести дух. Как долго еще осталось? Он оглядел высящиеся вокруг обломки железной руды, и внезапно его снова охватил страх.

— Может быть, об этом лучше даже не думать, — сказал он, взобравшись на скалу, и прыгнул через трещину. Следующая пропасть оказалась еще шире, и он едва удержался на краю, задыхаясь от напряжения и цепляясь руками за неровные уступы.

Он прыгал и прыгал без конца, снова и снова. Он забыл уже, сколько раз ему приходилось это делать.

Стоя на краю скалы, он решился еще на один прыжок и… Падал он долго, все глубже и глубже в пропасть, все ближе к неясному свечению. Но дна пропасти все не было и не было. Он падал и падал…

Профессор закрыл глаза, его охватил покой, усталые мышцы отдыхали.

— Все! — произнес он, опускаясь все ниже и ниже. — Закон природы… Чем меньше тело в

размерах, тем меньше проявляется действие силы тяжести… Неудивительно, что насекомые падают так безболезненно…

Не открывая глаз, он отдался во власть темноты.

— …Таким образом, — сказал профессор Харди, — мы вполне можем ожидать, что этот эксперимент войдет в историю науки как…

Он замолчал и нахмурился, потому что вся аудитория смотрела не на него, а в сторону двери. Кое-кто из студентов улыбался, потом один из них рассмеялся. Харди повернулся посмотреть, в чем дело.

От двери прыгала по полу лягушка.

— Профессор, — возбужденно сказал Питнер, поднимаясь со своего места, — это подтверждает выработанную мной теорию. Лягушка настолько уменьшилась в размерах, что провалилась…

— Что? — возмутился Харди. — Это другая лягушка!

— …Провалилась между атомами кристаллической решетки материала, из которого изготовлен пол «Лягушачьей камеры». И, покинув пределы силового поля, вновь обрела свои нормальные размеры.

Питнер, улыбаясь, поглядел на лягушку. Та

продолжала медленно шлепать через комнату.

— То, что вы говорите… — начал профессор Харди, без сил опускаясь в кресло, но в этот момент прозвенел звонок, и студенты принялись собирать книги и тетради. Вскоре профессор Харди остался один. Ои поглядел на лягушку, покачал головой и пробормотал: — Этого не может быть. На свете полно лягушек. Это какая-то другая лягушка.

К его столу подошел студент.

— Профессор Харди…

Харди поднял голову.

— Да? Что случилось?

— Там в коридоре вас ждет какой-то человек, закутанный в одеяло. Он чем-то расстроен.

— Ладно, — сказал Харди, вздохнул и встал. У дверей он остановился, снова глубоко вздохнул, потом сжал губы и вышел в коридор.

За дверями, завернутый в красное шерстяное одеяло, его ждал Гроут. Лицо его горело от возбуждения. Харди посмотрел на него виноватым взглядом.

— Мы так и ие выяснили! — закричал Гроут.

— Что? — пробормотал Харди. — Послушайте, э-э-э, Гроут…

— Мы так и не выяснили, доберется ли лягушка

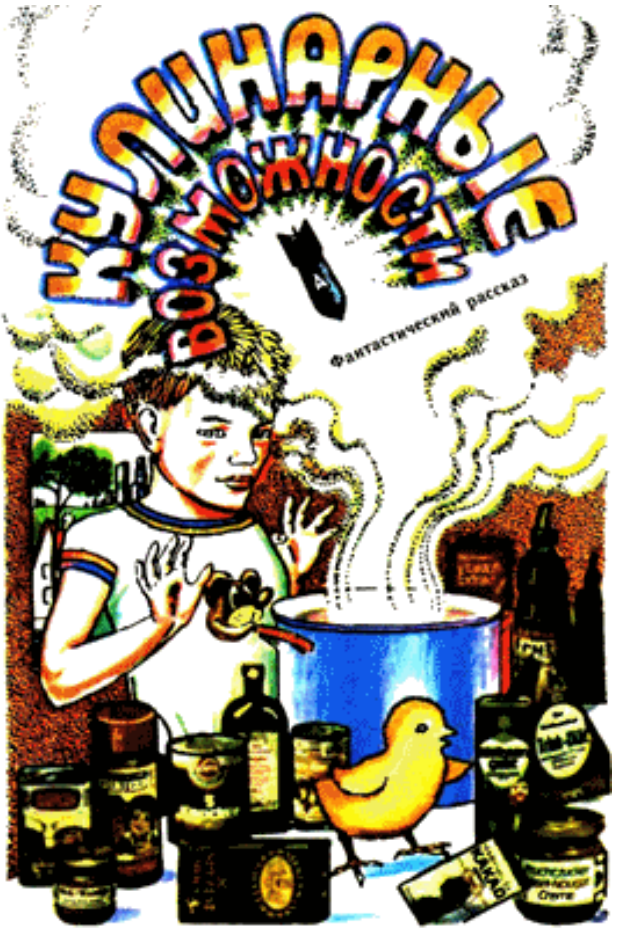
до конца трубы. Мы с ней провалились между атомами. Нам придется придумать какой-то другой метод проверки парадокса. «Камера» для этого не годится.

— Да, пожалуй, — произнес Харди. — Но, послушайте. Гроут…

— Об этом позже, — сказал Гроут. — Я найду вас сегодня вечером. А сейчас мне надо на лекцию.

И он, поддерживая одеяло руками, торопливо зашагал по коридору.

КУЛИНАРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ


КУЛИНАРНЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ
Фантастический рассказ

© *Alan Arkin*, People Soup, 1958

Алан Аркин
Фантастический рассказ
Перевел с английского Александр Корженевский
Рис. Б. Сопина

«Юный техник» 1988'06

Бонни вернулась из школы и нашла брата на кухне. Он стоял у раковины и занимался чем-то очень важным. То, что это очень важное дело, Бонни поняла потому, что брат развел на кухне страшную грязь и разговаривал сам с собой. В раковине стояли открытые бутылки из-под газировки, пакеты с пшеничной и кукурузной мукой, пачка печенья, банка с патокой, пузырек «Бромо-Зельцера», жестянка с сардинами и коробка мыльных хлопьев. Пол был залит неизвестно чем, а все кухонные шкафы были открыты настежь. Когда Бонни вошла, ее брат яростно встряхивал пластиковую соковыжималку, наполовину заполненную пенистой жидкостью зловещего вида.

Бонни решила, что может позволить себе еще два осторожных шага вперед. Из прошлого опыта она прекрасно знала, насколько близко можно

подходить к брату, когда того охватывает творческий настрой; на определенной дистанции мирные отношения еще сохранялись. Боб плеснул в соковыжималку чашку кетчупа, добавил баночку сухой горчицы, каплю молока, шесть таблеток аспирина и кусок жевательной резинки.

Бонни подошла ближе.

— Ты делаешь еще один эксперимент?

— Это кто спрашивает? — проскрипел Боб голосом «сумасшедшего ученого» из телевизионного фильма, потом достал из холодильника яйцо, немного свиного жира, витамины, вчерашнее желе и бутылочку с соусом.

— Я спрашиваю, — сказала Бонни, подбирая яблоко, которое выкатилось из холодильника и упало на пол.

— Чего это я должен тебе рассказывать?

— У меня есть двадцать пять центов.

— Если ты дашь мне двадцать пять центов, я расскажу тебе, чем занимаюсь.

— Оно того не стоит.

— Ну, тогда я еще разрешу тебе быть моим ассистентом.

— Все равно не стоит.

— А за десять центов?

— Ладно. Десять центов.

Бонни отсчитала брату деньги и надела фартук.

— Неси соль, — распорядился он и осторожно, чтобы не вывалились сардины, слил в соковыжималку масло из консервной банки. Выжав оттуда последнюю каплю, он съел сардины и швырнул банку в раковину.

Бонни полезла за солью.

— Боб, у мамы новое потайное место, — объявила она.

— Там что-нибудь есть?

— Два шоколадных крекера.

Бобби протянул руку, получил один из крекеров и молча принялся крошить его в свою адскую смесь, даже не слизнув с пальцев шоколад.

Бонни недоверчиво нахмурилась: никогда ранее не доводилось ей видеть таких примеров самопожертвования со стороны брата, и это окончательно убедило ее в огромной важности эксперимента. Она подошла посмотреть, что творится в раковине. Там были разбухший пакет кукурузной муки, пустая банка из-под сардин и лужа пролившейся из соковыжималки смеси, от которой теперь доносился вполне отчетливо неприятный запах. Боб доверил Бонни высыпать семь щепоток соли и немного порошка какао.

— Что это будет. Боб? — спросила она, вытирая перепачканные в какао руки о желтую вельветовую юбку.

— Состав, — ответил Боб, разгибаясь.

— Что-нибудь военное?

— Не-е-е.

— Космическое?

— Не-е-е.

— Лекарство?

— Не-е-е.

— Сдаюсь.

— Это животворящая сыворотка, — сказал Боб. Он поранил палец об острый край банки от сардин, несколько секунд спокойно разглядывал порез, потом совершенно о нем забыл.

— А что такое «животворящая сыворотка>, Боб?

— Это такая штука, которая обладает определенными свойствами…

— А-а-а!

Бонни сняла фартук и села в противоположном конце кухни. Запах, доносившийся из соковыжималки, уже начинал на нее действовать.

Бобби прочесал кухню и нашел чесночный соус и какую-то приправу.

— Теперь, пожалуй, все, — произнес он, выли-

вая все в соковыжималку, закрыл ее крышкой, затем с минуту яростно тряс и наконец вылил содержимое в глубокую кастрюлю.

— Теперь надо варить в течение десяти минут.

Бобби включил газовую плиту, накрыл кастрюлю крышкой, установил таймер на десять минут и вышел из кухни. Бонни двинулась за ним, и они устроили в гостиной некое подобие баскетбольного матча.

ДЗЫНННЬ! — прозвучал сигнал таймера.

Бобби бросил мяч в голову Бонни и бегом бросился на кухню.

— Все готово, — сказал он и снял крышку с кастрюли.

— Фу-у-у! — произнесла Бонни. — Выльем в раковину?

— Глупая. Теперь его нужно помешивать, пока не остынет, а потом будем пить.

— Но, Боб, от него запах как от помойки!

— Лекарства, бывает, пахнут еще хуже, но от них люди только выздоравливают, — ответил Боб, помешивая состав старой деревянной ложкой.

Бонни зажала нос, встала на цыпочки и заглянула в кастрюлю с варевом.

— И нам это прибавит здоровья?

— Возможно, — Боб продолжал помешивать.

— А что еще этот состав делает?

— Увидишь.

Бобби взял два чистых кухонных полотенца, обмотал их вокруг кастрюли и перенес ее на стол. Обгоревшая пластиковая ручка кастрюли все еще дымилась, но Боба такие мелочи совершенно не трогали. Он подвинул кастрюлю на середину стола и уставился на нее, положив подбородок на руки.

Бонни уселась напротив, тоже уткнулась подбородком в ладони и спросила:

— А кто должен пить первым?

Боб сделал вид, будто не слышал вопроса.

— Я так и думала, — продолжила Бонни.

Боб по-прежнему молчал.

— А что, если я умру?

Бобби поднял голову, не отрывая подбородка от рук.

— С чего тут умирать? Там все съедобное.

Бонни продолжала задумчиво смотреть в пространство.

— И как много мне нужно будет выпить?

— Совсем чуть-чуть. Можешь просто макнуть туда палец и облизать.

Бонни осторожно поднесла палец к поверхно-

сти похожего на смолу варева, потом опустила его на глубину ногтя.

— Хватит?

— Пожалуй, — ответил Боб задумчиво.

Бонни вынула палец из кастрюли и посмотрела на него с сомнением.

— А что, если я заболею?

— От этого нельзя заболеть. Там есть аспирин и витамины.

Бонни вздохнула и поморщилась.

— Ладно, — сказала она и лизнула палец кончиком языка.

Боб следил за ней с напряженным вниманием.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался он.

— Не так уж это противно, когда проглотишь. И даже чувствуется шоколадный крекер! — Бонни вовсю наслаждалась уделяемым ей вниманием. — О-о-о! У меня появляется какое-то странное ощущение…

Прежде чем она успела закончить, раздался громкий хлопок, и на лице Бобби появилось разочарованное выражение. Бонни замерла, потом спросила:

— Что случилось?

— Ты превратилась в цыпленка.

Птица приподняла крылья и взглянула на себя.

— Почему это я превратилась в цыпленка, Боб? — спросила она, наклонив голову и уставившись на него левым глазом.

— Так получилось. Хотя я ожидал, что из тебя получится что-то вроде голубя, — объяснил Боб, задумчиво разглядывая оставшиеся компоненты своего варева и пытаясь разобраться, где же он ошибся.

Цыпленок запрыгал на одной ноге вокруг стула, потом сделал пробный взмах крыльями и очутился на кухонном столе. Прошел к дальнему краю и заглянул в небольшое зеркало, висевшее на боковой стенке посудного шкафа.

— Боже, в какого урода я превратилась!

Бонни взглянула на свое отражение другим глазом и, не обнаружив ничего утешительного, вернулась к Бобби.

— Я не хочу быть цыпленком, Боб, — сказала она. — Я ощущаю себя очень тощей и не очень хорошо вижу.

— А еще что?

— Все. Верни меня обратно.

— Сначала расскажи мне, что ты чувствуешь.

— Я тебе уже сказала. Верни меня обратно.

— Чего ты боишься? Почему бы тебе не успокоиться и не прочувствовать до конца, что значит быть цыпленком? Это очень ценный опыт.

Цыпленок попытался принять угрожающую позу, уперев руки в бока, но обнаружил, что у него нет рук.

— Немедленно верни меня обратно, слышишь? — произнесла птица и уставилась на Боба левым глазом.

— Перестань валять дурака и рассказывай, на что это похоже! — Боб никак не мог понять, почему ее не охватывает научное любопытство.

— Вот подожди, мама придет и увидит, во что я превратилась! Ну она тебе задаст! — Бонни изо всех сил пыталась взглянуть на Боба сразу двумя глазами, но у нее ничего не получалось.

— Ты — пискля, Бонни! Отказываться от такой уникальной возможности! Ты меня разочаровала.

Боб макнул палец в сыворотку и поднес его к цыпленку. Птица склевала, что могла, потом запрокинула голову. Через секунду цыпленок исчез, и вернулась Бонни. Она слезла со стола и сказала:

— Тебе повезло, что ты меня вернул обратно. А то бы мама тебе устроила!

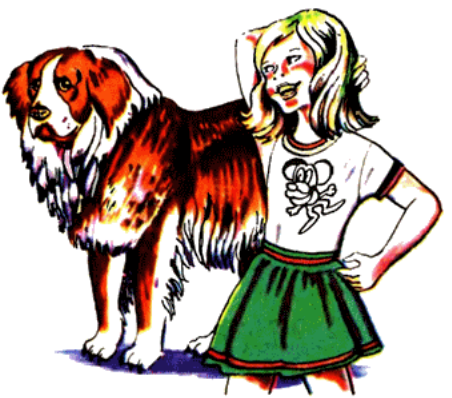
— Ты — просто пискля, — повторил Боб и облизал палец целиком. — Если я превращусь в лошадь, я не разрешу тебе кататься на мне верхом, а если превращусь в леопарда, я откушу тебе голову.

Снова раздался громкий хлопок. Бонни вскочила, глядя на брата широко раскрытыми глазами.

— О, Боб, какой ты красивый!

— В кого я превратился? — спросил Боб.

— Ты превратился в краси-и-и-ивого сенбернара. Боб. Пойдем покажем тебя Мелиссе и Чаку!



— В сенбернара? — собака выглядела несколько

разочарованно. — Но я не хочу быть собакой. Я хочу быть леопардом!

— Но ты такой красивый, Боб! Пойди посмотри на себя в зеркало.

— Вот еще!

Собака подошла к столу.

— Что ты собираешься делать. Боб?

— Хочу попробовать еще раз.

Сенбернар положил передние лапы на стол, опрокинул кастрюлю и, когда сыворотка начала капать на пол, принялся слизывать ее языком. С громким хлопком сыворотка возымела действие. Бобби продолжал лакать, оставаясь на четвереньках. Снова раздался хлопок.

— Ну, в кого я теперь превратился? — спросил он.

— Снова в сенбернара. — ответила Бонни.

— А, черт! — пробормотала собака. — Ладно, сегодня не получилось.

Сенбернар слизнул последние остатки сыворотки. Хлоп! Бобби поднялся с пола и с удрученным видом направился к двери.

Бонни побежала за ним.

— Что мы будем делать теперь. Боб?

— Пойдем купим мороженого.

Они молча спустились по склону холма. Каж-

дый думал о своем: Боб расстраивался из-за того, что ему не удалось превратиться в леопарда, а Бонни жалела, что он не захотел остаться сенбернаром. Когда они приближались к центральной улице их маленького городка, Бонни повернулась к брату.

— Давай завтра сделаем еще такого же состава?

— Такого же не хочу, — ответил Боб.

— А что мы тогда будем делать?

— Я еще не решил.

— А давай сделаем бомбу? Атомную?

— Посмотрим.

— А мы сможем сделать ее в соковыжималке?

— Конечно, — ответил Боб, — только нужно будет найти пару луковиц.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПРОЧИТАННОМУ

СКАЗКА — ЛОЖЬ...

Итак, ребята, вы познакомились с забавным остроумным рассказом Алана Аркина «Кулинарные возможности». И наверняка смешные превращения героев — то в цыпленка, то в сенбернара — вызвали у вас добрую улыбку. Как все просто, оказывается! Достаточно смешать

несколько компонентов в нужных пропорциях и начинаются чудеса. Впрочем, так и должно быть: рассказ относится к тому направлению фантастики, что называется не научной, а сказочной, и здесь возможны любые допущения, самые невероятные. Вот и атомную бомбу, оказывается, сделать в определенных условиях очень даже просто — нужна лишь пара луковиц…

Но давайте вот о чем подумаем. Сказка, как известно, ложь, да в ней намек. Так что же хотел сказать своей сказкой американский писатель? В этом стоит разобраться, потому что затронутые проблемы куда серьезнее, чем кажется. Сначала, как положено, сказка долго была доброй, веселой, озорной и вдруг оборвалась на ноте, которая поначалу может, пожалуй, вызвать недоумение. Но потом обязательно появится щемящее чувство тревоги, беспокойства за время, в которое мы живем. А в этом, бесспорно, и состояла цель Алана Аркина.

Вот главная мысль написанного им рассказа — если уж на столько привычными стали для человека огромные арсеналы накопленного ядерного оружия, что дети относятся к атомной бомбе лишь как к увлекательной игрушке, пришла пора всерьез думать о том, что человечеству

дальше идти некуда. Что есть вопросы, которые надо решать немедленно, потому что еще немного — и будет поздно. И еще одна мысль, правда, прозвучавшая глуше, но на нее тоже нельзя не обратить внимания. Вспомним, что, начиная свой кулинарный опыт, маленький герой говорит «голосом сумасшедшего ученого из телевизионной передачи», значит, прямо подражая ему. Вот эта вторая мысль: путь научного познания сулит человечеству великие блага, но при этом исследователь должен всегда отдавать себе отчет в том, что любое открытие может принести и вред, который потом уже очень трудно исправить…

Задумались ли вы надо всем этим, прочитав рассказ?..

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОФЕССОРА МАРЛИЗ

© Hans-Peter Schulze

Ганс-Петер Шульце
Фантастические рассказы
Перевод с немецкого А. Доброславского
Рис. А. Сергеева

«Юный техник» 1988'12

Ганс-Петер Шульце — немецкий журналист и писатель, главный редактор популярного в ГДР журнала «Тежникус», с которым «Юный техник» связан давней дружбой. Сегодня мы предлагаем читателям три коротких рассказа Г.-П. Шульце.

Это фантастика, причем довольно своеобразная. Рассказы, представляющие собой как бы короткие репортажи из будущего (и отличающиеся газетной лаконичностью, даже схематичные), объединены одним героем, молодым профессором, очаровательной женщиной Марлиз Морман. На ее долю выпадают разные приключения, порой забавные, она совершает разные открытия, но цель профессора всегда одна — сделать жизнь

на Земле лучше и прекраснее.

Несси и К°

Nessi und C°, 1984

Форт Огастес, город у юго-западной оконечности Лох-Несс, знаменитого на весь мир горного шотландского озера, праздновал круглый юбилей. И немецкий городок Лени на Плауэрзее близ Мекленбурга позаботился о том, чтобы преподнести сюрприз к юбилею — города давно соединяли

дружеские связи.

Петерс, представитель Ростокского пароходства в Великобритании, уже несколько недель был в старом шотландском портовом городе Инвернесс. Все уже, конечно, привыкли к тому, что суда из ГДР доставляют химические удобрения и различные товары. Но Петерс попросил устроить дополнительный причал в конце гавани и заручился у начальника порта обещанием, что во время подготовки его никто не будет там беспокоить. Он долго совещался с британским таможенником, получая у него разрешение какого-то особого рода. Посвященные в тайну относились к его просьбам с большим пониманием и не выдавали секрета.

Больше хлопот у Петерса было с портовой полицией. Капитан Мак-Донован не очень охотно воспринимал научные объяснения. В конце концов он возместил недостаток биологического образования чувством юмора и пообещал поддержку, а представитель Ростокского пароходства дал честное слово, что никаких беспорядков не будет.

Ну ладно. В день юбилея на набережной собралось невиданное количество людей, потому что Петерс сулил показать нечто совершенно необы-

чайное. Как всегда, шотландцы были спокойны и сдержанны, они ждали прибытия корабля «Заальфельд» из ГДР. Мак-Донован лично наблюдал за порядком. О необычности ситуации можно было судить лишь по тому, что он то и дело поглаживал свою роскошную бороду. К тому же никому не было видно, что за большим контейнерным складом прятались два гусеничных тягача с широкими щитами, а недалеко от берега стоял пожарный катер с мощной водяной пушкой.

Больше всех беспокоился, конечно, Петерс. Но он не хотел, чтобы кто-нибудь это заметил, и поэтому прятал лицо за большим морским биноклем. Он и был первым, кто заметил облако водяной пыли, поднимаемое огромным грузовым судном на воздушной подушке.

Двадцать минут спустя с корабля на набережную опустился грузовой трап. Чуть погодя на него вышла, как бы в растерянности, симпатичная блондинка, кивнула толпе, повернулась и заиграла на инструменте, похожем на флейту. Высокий звук был похож на звук шотландской волынки, и толпа заметно оживилась. И тут произошло нечто такое, что навсегда останется в памяти тех, кто это видел. Из двери трюма, которая черной дырой зияла в корме, показались две огром-

ные шеи, увенчанные драконьими головами. Ошеломленная толпа подалась назад. Еще раз прозвучала дудочка, и вслед за шеями показались два огромных неуклюжих туловища. Ноги, подобные колоннам, прошли по прогибающемуся трапу, и огромные животные, повинуясь зову дудочки, сошли на набережную. Бронтозавры!

Никто из видевших все не мог потом точно вспомнить, какие чувства владели им в тот момент. Дудочка дважды издала другую ноту, и животные послушно остановились. Ящеричьи головы неторопливо раскачивались над толпой на шестиметровой высоте, и легкий снег падал на обращенные вверх лица людей.

Перед ошеломленным бургомистром стоял микрофон; блондинка пожала ему руку, встала перед микрофоном, и толпа услышала чистейшую английскую речь:

— Меня зовут доктор Агнес Крамер. Я привезла со своей родины сердечные поздравления с юбилеем вам и вашему городу Форт Огастес и маленький подарок от нашего города Ленц — Несси и Нестора. Особые поздравления передаю от моего руководителя профессора Марлиз Морман: она решила сделать древнюю легенду об озере Лох-Несс былью — в озере должны жить чудовища!

— Неслыханно! — выдохнул Мак-Донован и чуть не оторвал свой ус. Толпа взорвалась аплодисментами.

Остается сказать, что Несси и Нестор на небольшом баркасе переплыли по каналу в Лох-Несс на свою новую родину. На палубе баркаса сидела Агнес Крамер и наигрывала на дудочке, звукам которой бронтозавры повиновались. Говорят, что вдоль берегов канала собирались такие толпы, каких не видывали со времен свадебного путешествия королевы.

* * *

— Объясните нам, как новичкам, — взмолился Хоффман из газеты «Вохениост». — В конце концов мы не специалисты.

Шла пресс-конференция.

— Хорошо, я попытаюсь.

Профессор Марлиз Морман немного подумала.

— Конечно, вы все знаете что-то о филогенезе, эволюционной истории живых существ, знаете Дарвина, Геккеля, Полачека. Я не скажу ничего нового, если напомню о том, что динозавры лет этак триста пятьдесят миллионов назад имели тех же предков, что и мы, люди, поскольку и мы и они, как и все живые существа, пусть дальние,

но родственники.

Журналисты одобрительно зашумели при этом сравнении.

— Сходство бросается в глаза, — продолжала профессор, — если сравнить ранние стадии эмбрионального развития различных животных. Неспециалист часто не сможет найти никаких различий. Мы исходили из того, что генетический код динозавров еще существует. Разумеется, мы могли бы вывести их путем селекции высокоразвитых позвоночных, однако существуют и более близкие их родственники. Перекрестное скрещивание, с помощью которого в середине прошлого столетия удалось возродить ископаемую лошадь, кабана и берберского льва, потребовало бы слишком долгого времени. И вот что мы сделали. Воспользовавшись вараном с острова Комодо, мы с помощью компьютера восстановили генетический код динозавра В принципе мы могли бы создать теперь много видов этих животных, но ограничились бронтозаврами.

— Назовите нам причины, — попросил Хоффман.

— Бронтозавры — безобидные травоядные, мы же хотели избавить вас от встречи с тираннозаврами, хищниками высотой с трехэтажный

дом и зубами, как кинжалы. Кроме того, если выражаться попросту, эти животные страшно тупы. Ими легко управлять. Если бы наш мозг по отношению ко всему телу был таким же, как у бронтозавров, то он уместился бы в дупле гнилого зуба.

Профессор Марлиз Морман еще с час отвечала на вопросы, рассказывая о филогенетических методах, позволивших пройти эволюционный путь в сотни тысяч лет за короткое время.

— Но неужели вы проделали эту огромную работу только для того, чтобы подарить шотландцам Несси? — спросил наконец кто-то.

— Конечно, нет, — ответила профессор — Нашей целью был животный белок. Взрослый бронтозавр достигает двадцати метров в длину и дает до тридцати тонн высококачественного мяса. А эффективность их откорма вдвое выше, чем у свиней.

— А это вкусно? — спросил представитель телевидения.

С невинным видом профессор ответила вопросом:

— А вы не попробовали на банкете перед началом пресс-конференции шницель?

В зале произошло оживление. Мария Хирш

из «Юнге вельт», сидевшая рядом с Хоффманом, побледнела и быстро вышла. Хоффман, смеясь, хлопнул себя по колену.

Чистая вода

Gutes Wasser, 1984

— Это невыносимо, — простонала молодая женщина и отерла жгучий пот с глаз. — Здесь раскинулся целый океан пресной воды и нельзя искупаться.

«Да, это дразнит больше, чем мираж в пустыне, — подумал Ганс Госсманн, — Больше, поскольку это озеро настоящее».

Волны сверкали в лучах экваториального солнца. Зной был невыносим. Волны ласково

плескались у ног двух молодых людей, и другой берег терялся вдали.

— Потерпи, Марлиз, еще десять дней, и ты сможешь принять душ.

— Ах, душ! — вздохнула Марлиз Морман.

Огромное озеро в Центральной Африке было полностью заражено кишечными паразитами. Еще в восьмидесятые годы прошлого двадцатого столетия начались попытки борьбы с этой заразой Многие миллионы людей, которым не оставалось ничего другого, как пользоваться водой этого зараженного африканского озера, заболевали.

В принципе эта болезнь была побеждена. И только здесь сохранилась особенно устойчивая мутация.

На берегу озера строился гигантский водоочистной комбинат — на стройке работали молодежные бригады Союза свободной немецкой молодежи и Союза молодежи Мозамбика. Однако решало ли бы это проблему?

— Нет, водоочистной комбинат — хорошее дело, — заявила однажды Марлиз Морман журналистам, — но это лишь временное решение.

И она стала рассказывать, каким ей видится будущее озера.

Оно должно быть совершенно чистым, это озеро, должно обеспечивать чистой водой рыболовные кооперативы, консервные заводы, оздоровительные центры, пионерские лагеря.

— А с чего начать? — спросила Морман. — С генетического кода. Моя маленькая группа уже обследовала разные виды животных, которые живут в воде и около воды. Довольно многие не восприимчивы к этой болезни. Мы найдем причину и сможем так изменить носителей заболевания, что сможем купаться.

Три года спустя Морман добилась того, чего хотела. Изменяя генетический код женских особей, удалось видоизменить носителей болезни. Сначала процесс шел медленно, но в последний год стал подобен цепной реакции. И однажды…

Как одержимая колотила Марлиз молотком по рельсу, поднимая на ноги весь лагерь.

— Ко мне! — крикнула она радостно и огромными прыжками побежала впереди всех к берегу, бросив графики последних анализов и на ходу снимая одежду. Подбежав к берегу, бросилась в волны.

— За мной, лентяи! — кричала она из воды. — Вы не поняли? Я дарю вам целый океан!

Ганс наконец сообразил и кинулся в воду. За

ним и остальные. Все население лагеря было в воде. Ныряли, брызгались и плескались, как маленькие дети. В паре сотен метров от берега стояли жители ближайшей деревни. На их лицах был написан ужас, и они не могли вымолвить ни слова.

Три дня спустя стало ясно: местные жители ни за что не решатся войти в воду. Они многому научились от веселых светловолосых северян и от своих братьев из Мозамбика: работать с машинами, строить дома, орошать землю, собирать высокие урожаи, у них появились школы и больницы, их жизнь заметно изменилась. Побеждены голод и жажда. Но страх перед озером, населенным злыми духами, и религиозные суеверия не исчезали. Старики преклонялись перед сверкающими очистительными колоннами водокомбината и поверили в то, что злой дух изгоняется из воды могучим волшебством. Они употребляли только «хорошую» воду и не страдали от болезни. Они были очень благодарны бригадам, даже самых молодых уважительно называли «отец». А тут какая-то молодая женщина без защиты машин, очистительных сооружений и даже без платья бросается в воду. Кто же она — ведьма?

— Что же сделать, — спросил Ганс друзей, — чтобы они не боялись озера, разводили рыбу и съедобные водоросли, плавали на лодках, купались сами и разрешали детям?

— У меня есть идея, — сказал Секу — врач из Мозамбика. — Мой «коллега» — шаман-лекарь поможет нам.

— Не обращаться же к этому старому колдуну…

— Почему бы и нет? — вставил слово молодой бригадир. — Он мудрый коллега. Заболев, туземцы обычно вначале обращаются к нему, а если он своими снадобьями не может помочь, он отправляет их к Секу. Он убедил стариков пить только очищенную воду. Люди любят его и знают, что мы помогаем им строить хорошую жизнь.

На берегу горел гигантский костер. Местные жители и рабочие стояли широким кругом и с восторгом наблюдали танец пестро раскрашенного шамана и его разряженных помощников. Барабаны и трещотки отбивали все ускоряющийся ритм. Европейцы непроизвольно начинали повторять движения туземцев. Тут Марлиз Морман в белом длинном одеянии вышла к шаману. Барабаны ускорили ритм. У костра жарилась большая рыба на деревянном колышке. Старик

положил ее на плоский камень и начал голыми руками делить рыбу на части. Барабаны теперь били в бешеном темпе. Когда же колдун положил кусок рыбы в рот Марлиз, а другой себе, бой барабанов резко прервался.

— Дух озера желает, чтобы мы простили его, — обратился колдун к народу. — Он не знал, что посылает нам болезнь. Эта женщина первой сказала ему об этом. Он просит вас разделить с ним воду.

Они вдвоем подошли к берегу и сняли с себя одежду. Старик взял женщину за руку и ввел ее в воду. Поднялся оглушительный вопль восторга. Местная молодежь и молодые рабочие бросились в воду, поднимая сверкающие брызги. На лицах стариков появились улыбки, и они сделали несколько шагов к воде…

Ущелье драконов

Die Drachenschlucht, 1985

У жителей столицы появился новый повод хвастаться перед теми, кого они шутливо-пренебрежительно называли провинциалами: близ Берлина появился парк динозавров. Долгое время не могли придумать, где поселить древних животных, воссозданных в ленце-ком институте генетических исследований. И наконец был выбран гигантский карьер, бездействующий уже несколько десятилетий. Место было подходящее. Крутые стены со множеством ниш, пещер,

штреков. На дне карьера было большое озеро и множество маленьких луж. Стены же упрощали создание здесь с помощью специальных аппаратов особого климата, который соответствовал тем условиям, в которых когда-то жили на Земле гигантские ящеры.

Специалисты института Эрвина Бауэра в близлежащем Мюнхеберге собрали растения, соответствующие той эпохе. Гигантское и долгое строительство стоило немалых денег и могло быть осуществлено только с помощью других социалистических стран. Отели, рестораны, зоны отдыха, сувенирные предприятия возникли в Гердефельде, Рюдерсдорфе, Шенайхе и Фогельсдорфе. Поток посетителей со всего мира нужно было принять с максимальным гостеприимством. Ряд научно-исследовательских институтов, в частности, институт ЮНЕСКО, разместили поблизости свои филиалы.

У старого Магистратсрегенширма, виадука на Шенхаузераллее, охраняемого государством, появились современные собратья. На элегантных колоннах шестирядное шоссе шло к берлинскому кольцу; над ним была проложена трасса для поездов на магнитной подушке. Берлинцы, проезжавшие на своих электротрабантах по шоссе,

говорили: «Когда смотришь на этот поезд, кажется, что стоишь на месте. А на спидометре — сто пятьдесят».

Парк динозавров, в котором берлинцы в свободное время отработали миллионы рабочих часов, был известен среди них как «Ущелье драконов» и стал любимым местом отдыха в выходные дни. «Спасибо, Марлиз!» — написал кто-то недалеко от входа по сырому бетону. Надпись так и осталась. Да, у берлинцев была слабость к оригинальности.

Профессор Марлиз Морман тоже была оригиналом, хотя жила не в Берлине.

Поначалу этого внушительного объекта не было в государственных планах. Я вспоминаю свой первый репортаж о генетической реконструкции бронтозавров. Все эти работы знаменитого ученого были направлены к одной цели, цели всей ее жизни: искоренить голод на планете и обеспечить тех, кто еще недоедает, животным белком.

В тот день моя старинная подруга, погрузившись в глубокие раздумья, шла через парк к лаборатории номер четыре. Громкий шум насторожил ее. Она не поверила глазам, когда увидела, как из кустов выходит покрытое роговыми пластинами и шипами чудовище размером с

небольшой грузовик.

— Боже мой! — воскликнула Марлиз. — Стегозавр!

Фиолетовое животное увидело ее и неторопливо направилось к ней.

Позднее Марлиз рассказывала, что она, вероятно, побила мировой рекорд в беге на стометровку. Стегозавр издал такой звук, будто лопнул паровой котел, повернулся и исчез. И все равно время, за которое профессор добежала до здания, было едва ли хуже мирового рекорда.

— Кто это допустил? — закричала она.

Вскоре смертельно напуганный сотрудник сидел перед разъяренным шефом. По лбу его катился холодный пот, когда он сказал:

— Это я его сделал.

— Вы сошли с ума?! Создать такого опасного зверя! Тратить рабочее время на это! Вы будете наказаны!

Когда она выдохлась, молодой сотрудник открыл рот.

— Мы сделали его в свободные вечера. Он не опаснее, чем бронтозавры-вегетарианцы.

— Но он же кинулся за мной!

— Мы его остановили. Помните шипение? Это звуки, которые он понимает. Мы хотели

посмотреть, чему мы тут научились. И вообще, он должен был попасться вам на глаза только завтра.

— Почему завтра?

— Завтра у вас день рождения, — тихо сказал молодой сотрудник.

Несколько секунд все молчали. Потом Марлиз выпалила:

— А почему он фиолетовый?

Все перевели дух. Худшее было позади. Молодой сотрудник не мог вымолвить ни слова. Вегенер, другой сотрудник, пришел ему на выручку.

— Такой уж получился, — сказал он и пожал плечами. — Мы не могли ничего изменить. Это было заложено в генетической информации. И потом, кто знает, какого цвета были динозавры. Змеи тоже бывают красными или желтыми. И вообще он симпатичный.

— Симпатичный? — Марлиз покачала головой. — И есть его нельзя. Слишком много шипов и чешуи. Слишком мало мяса.

— Музыку тоже нельзя есть, — возразил ей Вегенер. — И Сикстинскую мадонну. И жирафа из зоопарка. Семьдесят-восемьдесят лет назад один чудак в Саксонии сделал динозавра из железобетона и раскрасил его. Просто, чтобы люди имели

представление. И людям это очень нравилось. Правда, бетонный стегозавр был не фиолетовый.

Тут Марлиз рассмеялась. Сначала сдержанно, а потом от души.

— Ладно, — она притянула молодого сотрудника к себе, чмокнула его в голову и поблагодарила за роскошный подарок ко дню рождения.

Она взяла меня за руку и повела в сторону. Два ящера жуткого вида лежали неподвижно на скале. Они были почти три метра длиной, и их шеи окружали костяные воротники. Зрители с удовольствием разглядывали страшных зверей.

— А вот последняя удача Рихтера. Эдафозавр. Он заслуживает особого внимания. Это предок большинства ящеров, которых можно увидеть здесь, а также птиц, млекопитающих, а значит, и людей. Именно с него примерно триста миллионов лет назад — не могу сказать с точностью до минуты — произошло разделение видов и началась дальнейшая эволюция.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КАНЦЛЕР

KARMAICL

© *Robert Silverberg*, The Iron Chancellor, 1958

Роберт Сильверберг
Фантастический рассказ
Перевел с английского Александр Корженевский
Рис. О. Тарасенко

«Юный техник» 1989'01–02

Кармайклы всегда были довольно упитанным семейством: всем четверым отнюдь не помешало бы сбросить несколько фунтов. А тут в одном из магазинов «Миля чудес», принадлежащем фирме по продаже роботов, как раз устроили распродажу по сниженным ценам: скидка в сорок процентов на модель 2061 года с блоком слежения за количеством потребляемых калорий.

Сэму Кармайклу сразу же пришлась по душе мысль о том, что пищу будет готовить и подавать на стол робот, не спускающий, так сказать, соленоидных глаз с объема семейной талии. Он с интересом поглядел на сияющий демонстрационный образец, засунул большие пальцы рук под эластичный ремень и спросил:

— Сколько он стоит?

Продавец, сверкнув яркой улыбкой, ответил:

— Всего две тысячи девятьсот девяносто пять,

сэр. Включая контракт на бесплатное обслуживание в течение первых пяти лет. Начальный взнос всего двести кредиток. Рассрочка до сорока месяцев.

Кармайкл нахмурился, подумав о своем банковском счете. Потом он подумал о фигуре жены и о бесконечных причитаниях дочери по поводу необходимости соблюдения диеты. Да и Джемина, их старая робоповариха. выглядевшая неопрятно и разболтанно, всегда производила на гостей плохое впечатление.

— Я беру его, — сказал он наконец.

— Если хотите, можете сдать старого робопова-ра, сэр. Соответствующая скидка…

— У меня «Мэдисон» сорок третьего года.

— Э-э-э… Я думаю, мы можем выплатить за эту модель пятьдесят кредиток, сэр. Может быть, семьдесят пять, если блок рецептов все еще в хорошем состоянии.

— В отличном! — здесь Кармайкл был честен: все до одного рецепты они бережно хранили в памяти машины.

Расписавшись в бланке заказа, он получил копию и вручил продавцу десять хрустящих купюр по двадцать кредиток. В 18.10 он вышел из магазина, сел в машину и набрал координаты дома.

Вся процедура покупки заняла не больше десяти минут. Кармайкл, служащий второго уровня компании «Траст Норманди», всегда гордился своим деловым чутьем и способностью быстро принимать твердые решения.

Через пятнадцать минут машина подошла к подъезду их совершенно изолированного энергоавтономного загородного дома в модном районе Вестли. Кармайкл вошел в опознавательное поле и остановился перед дверью, а машина послушно отправилась в гараж за домом. Дверь открылась, и тут же подскочивший робослуга Клайд забрал у него шляпу и плащ.

Кармайкл одобрительно улыбнулся.

— Отлично, отлично, мой старый верный слуга!

Робослуга тоже, конечно, уже устарел, и его следовало бы заменить, как только позволит бюджет, но Кармайкл чувствовал, что ему будет сильно недоставать этой старой звякающей развалины.

— Ты сегодня позже, чем обычно, дорогой, — сказала Этель Кармайкл, как только он вошел. — Обед готов уже десять минут назад. Джемина так раздражена, что у нее дребезжат катодные лампы.

— Ее катодные лампы меня мало интересуют, — ровным голосом ответил Кармайкл. — Добрый вечер, дорогая. Добрый вечер, дорогая. Добрый вечер. Мира и Джой. Я сегодня чуть позже, потому что заехал по дороге домой в магазин Мархью.

— Это где роботы, пап? — отреагировал сын.

— Точно. Я купил робоповара шестьдесят первого года, которым мы заменим Джемину с ее дребезжащими катодными лампами. У новой модели, — добавил Кармайкл, поглядев на пухлую юношескую фигуру сына и более чем упитанные — жены и дочери, — есть кое-какие специальные блоки.

Обед, приготовленный по излюбленному Джеминой меню на вторник, был, как всегда, великолепен. Покончив с едой, Кармайкл откинулся в кресле, смакуя тепло и покой дома, за окнами которого бился хлесткий ноябрьский ветер.

Приятная электролюминесценция окрасила гостиную в розовые оттенки: как полагали в этом году эксперты, розовый свет улучшал пищеварение. Встроенные в стены секции нагревательных приборов исправно выделяли калории, создавая уют и тепло в комнате. Для семейства Кармайклов наступил час отдыха.

Раздался звонок в дверь. Кармайкл поднял бро-

ви и шевельнулся в кресле.

— Кто там, Клайд?

— Человек говорит, что его зовут Робинсон, сэр, и что он из «Робинсон Роботикс». У него с собой большой контейнер.

— Должно быть, это новый робоповар, отец! — воскликнула Мира Кармайкл.

— Видимо, да. Впусти его, Клайд.

Робинсон оказался маленьким, деловым, краснолицым человечком в зеленом комбинезоне с масляными пятнами и пальто-пуловере из пледа. Он неодобрительно взглянул на робослугу и прошел в гостиную. За ним на роликах проследовал громоздкий контейнер около семи футов высотой, целиком обернутый стегаными тряпками.

— Я его завернул, чтобы уберечь от холода, мистер Кармайкл. Там масса тонкой электроники… Вы будете им гордиться.

— Клайд, помоги мистеру Робинсону распаковать нового робоповара, — сказал Кармайкл.

— Спасибо, я справлюсь. И, кстати, это не робоповар. Теперь это называется робостюард. Солидная цена — солидное название.

Кармайкл услышал, как жена пробормотала:

— Сэм, сколько он…

— Вполне разумная цена, Этель. Не беспокой-

ся.

Он сделал шаг назад, чтобы осмотреть робостюарда, наконец появившегося из груды оберток. Робот был действительно большой, с массивной грудной клеткой, где всегда размещают приборы управления, потому что голова у них для этого мала. Почти зеркальный блеск поверхностей подчеркивал его изящество и новизну. Кармайкл испытал согревающее душу чувство гордости от того, что это его собственность. Почему-то ему казалось, что, купив этого замечательного робота, он совершил благородный и величественный поступок.

Робинсон покончил с обертками и, став на цыпочки, открыл панель на груди машины. Отцепив из зажимов толстый буклет с инструкциями, он вручил его Кармайклу. Тот нерешительно поглядел на увесистый том.

— Не беспокойтесь, мистер Кармайкл. Робот очень прост в управлении. Книга на всякий случай, в дополнение. Подойдите, пожалуйста, сюда.

Кармайкл заглянул внутрь робота.

Вот блок рецептов, сказал Робинсон, — самый большой и полный из когда-либо созданных. Разумеется, туда можно ввести и какие-то ваши

любимые семейные рецепты, если их там еще нет. Нужно просто подключить вашего старого робоповара к интегрирующему входу и переписать их. Я сделаю это перед уходом.

А как насчет э-э-э… специальных устройств?

— Вы имеете в виду монитор избыточного веса? Вот он, видите? Сюда вводятся имена членов семьи, их настоящий и желаемый вес, а обо всем остальном позаботится робостюард. Он сам вычисляет потребление калорий, составляет меню и все такое прочее.

Кармайкл улыбнулся жене и сказал:

— Я же говорил, что позабочусь о твоем весе, Этель. Никакой диеты теперь не нужно. Мира. Обо всем позаботится робот. — И, заметив кислое выражение лица сына, добавил. — Ты, дружок, тоже изяществом не отличаешься.

— Я думаю, трудностей у вас не будет, — весело сказал Робинсон, — Если что, звоните.

Когда спустя полчаса Робинсон ушел, забрав с собой старую Джемину, Кармайкл на мгновение почувствовал укол ностальгии и сожаления: старый, видавший виды «Мэдисон-43» казался почти членом семьи. Он купил его шестнадцать лет назад, всего через два года после свадьбы. Но Джемина всего лишь робот, а роботы устаревают.

Кроме того, она страдала от всех возможных болезней, которые только посещают роботов в старости, и ей же будет лучше, когда ее размонтируют. Рассудив таким образом, Кармайкл выкинул из головы мысли о Джемине.

Все четверо потратили вечер на ознакомление с их новым робостюардом. Кармайкл подготовил таблицу весов в настоящее время (сам — 192 фунта. Этель — 145, Мира — 139, Джой — 189) и того, который они хотели бы иметь через три месяца (сам — 180, Этель — 125, Мира — 120, Джой — 175). Обработать данные и ввести цифры в программный банк робота Кармайкл доверил сыну, считавшемуся у них большим знатоком практической робототехники.

— Вы желаете, чтобы новый распорядок вступил в действие немедленно? — спросил робостюард глубоким сочным басом.

— З-з-завтра утром, — заикнувшись от неожиданности, сказал Кармайкл. — С завтрака. Нет смысла откладывать.

— Как хорошо он говорит, да? — заметила Этель.

— Точно, — сказал Джой. — Джемина вечно мямлила и скрипела, и все, что она могла выговорить, это: «Обед г-г-готов» или «Осторожнее,

с-с-сэр, тарелка с п-п-первым очень г-г-горячая».

Спал Кармайкл хорошо и проснулся рано в предвкушении первого завтрака по новому режиму. Он все еще был недоволен собой.

Диета всегда неприятное дело, но с другой стороны ему никогда, если сказать честно, не доставляло удовольствия ощущение толстой складки жира под эластичным поясом. Изредка он делал упражнения, но это приносило мало пользы, да и терпения долго поддерживать строгий режим у него никогда не хватало. Теперь же все это в надежных руках нового робостюарда…

Кармайкл принял душ, быстро смыл щетину депиляторным кремом и оделся. Часы показывали 7.30. Завтрак должен быть уже готов.

Когда он вошел в гостиную, все сидели за столом. Этель и Мира жевали тосты, а Джой молча таращился на тарелку сухой, сваренной без молока овсянки. Стакан молока стоял рядом с тарелкой.

— Вот ваш тост, сэр, — сказал робостюард.

Кармайкл взглянул на единственный кусочек поджаренного хлеба, положенный перед ним. Робот уже намазал его маслом, но масло, похоже, он отмерял микрометром. Затем перед Кармайклом появилась чашка черного кофе, но ни сахара, ни

сливок на столе не было. Жена и дети поглядывали на него странно и подозрительно молчали.

— Я люблю кофе с сахаром и сливками, — обратился он к ждущему приказаний робостюарду. — Это должно быть записано в старом блоке рецептов Джемины.

— Конечно, сэр. Но если вы хотите снизить свой вес, вам придется приучить себя пить кофе без этих добавок.

Кармайкл усмехнулся. Он совсем не ожидал, что новый режим будет столь спартанским.

— Ладно. Хорошо. Яйца уже готовы? — День считался у него неполным, если он не начинался с яиц всмятку.

— Прошу прощения, сэр, нет. По понедельникам, средам и пятницам завтрак будет состоять из тоста и черного кофе. За исключением завтрака молодого хозяина Джоя, который будет получать овсянку, фруктовый сок и молоко.

— М-м-м… Ясно.

Сам добивался… Кармайкл пожал плечами, откусил кусочек тоста и отхлебнул глоток кофе. На вкус кофе был словно речной ил, но он постарался не выдать своего отвращения. Потом он заметил, что Джой ест кашу без молока.

— Почему ты не выльешь молоко в овсянку? —

спросил Кармайкл. — Так, наверно, будет лучше?

— Надо думать. Но Бисмарк сказал, что, если я так сделаю, он не даст мне второй стакан.

— Бисмарк?

Джой ухмыльнулся.

— Это фамилия знаменитого немецкого диктатора девятнадцатого века. Его еще называли Железным канцлером, — Он мотнул головой в сторону кухни, куда молча удалился робостюард. — По-моему, ему подходит, а?

— Нет, — заявил Кармайкл. — Это глупо.

— Однако доля правды тут есть, — .заметила Этель.

Кармайкл ничего не ответил. В довольно мрачном расположении духа он расправился с тостом и кофе и подал сигнал Клайду, чтобы тот вывел машину из гаража. Настроение упало: диета с помощью нового робота уже не казалась такой безболезненной.

Когда он подходил к двери, робот плавно обогнал его и вручил отпечатанный листок бумаги, где значилось:

Фруктовый сок.

Салат-латук и помидоры.

Яйцо (одно) вкрутую.

Черный кофе.

— Что это такое?

— Вы единственный член семьи, который не будет принимать пищу три раза в день под моим личным надзором. Это меню на ленч. Пожалуйста, придерживайтесь его, сэр, — ответил робот.

— Да, хорошо. Конечно, — сдержавшись, сказал Кармайкл, сунул меню в карман и неуверенно двинулся к ждущей его машине.

В тот день во время ленча он честно исполнил наказ робота. Хотя Кармайкл уже начинал чувствовать отвращение к идее, которая еще вчера казалась такой замечательной, он решил по крайней мере сделать попытку соблюсти правила игры. Но что-то заставило его не пойти в ресторан, обычно заполненный во время ленча служащими «Траст Норманди», где знакомые официанты стали бы над ним посмеиваться, а его коллеги задавать лишние вопросы.

Кармайкл поел в дешевом робокафетерии в двух кварталах к северу от здания фирмы. Он проскользнул туда, пряча лицо за поднятым воротником, выбил на клавиатуре заказ (весь ленч стоил ему меньше одной кредитки) и с волчьим аппетитом набросился на еду. Закончив, он все еще чувствовал голод, но усилием воли заставил себя вернуться на службу.

Во второй половине дня у Кармайкла возникли сомнения насчет того, сколько он сможет так продержаться. «Видимо, не очень долго», — с прискорбием подумал он. И если кто-нибудь из его сотрудников узнает, что он ходит на ленч в дешевый робокафетерий, это станет посмешищем: в его положении это просто неприлично.

К концу рабочего дня Кармайклу начало казаться, что в животе у него все завязалось узлами и сжалось. Руки его тряслись, когда он набирал адрес на панели управления машины, но душу согревала радостная мысль о том, что добираться до дома ему меньше часа, и скоро он снова ощутит вкус пищи. Скоро. Скоро. Включив видеоэкран, расположенный на потолке несущейся к дому машины, он откинулся назад и постарался расслабиться.

Приехав домой, он сразу же кинулся на кухню, но на полпути столкнулся в коридоре с женой.

— Я не слышала, как ты вошел, Сэм. Хочу поговорить с тобой…

— Позже. Где этот робот?

— На кухне, я думаю. Уже почти время обедать.

Он двинулся мимо нее и влетел в кухню, где размеренно двигался между электроплитой и

магнитным столом Железный канцлер. Когда Кармайкл появился в дверях, робот повернулся к нему.

— Ваш день прошел удачно, сэр?

— Нет! Я голоден!

— Первые дни диеты всегда очень трудны, мистер Кармайкл. Но через короткое время ваше тело приспособится к уменьшенному количеству пищи. Но, сэр, я прошу освободить меня от продолжения дискуссии. Обед почти готов.

Кармайкл поскрипел зубами в бессильной злобе и, сдавшись, пошел прочь от властного блестящего робостюарда, на голове которого, сбоку, загорелся маленький огонек, означающий, что робот отключил слуховые центры и целиком отдался приготовлению пищи.

Обед состоял из мяса с зеленым горошком, после чего последовал кофе, причем бифштекс был полусырой, а Кармайкл всегда любил хорошо прожаренный. У Бисмарка — это имя, похоже, уже закрепилось за ним — имелись среди прочих программ все последние диетические теории, из которых следовало: сырое мясо очень полезно.

После того как робот убрал посуду и привел в порядок кухню, он отправился на отведенное ему место в подвале, и это дало семейству Кар-

майклов возможность в первый раз за вечер поговорить открыто.

— О, господи! — возмущенно произнесла Этель. — Сэм, я не возражаю немного сбросить вес, но если в нашем собственном доме нас будут терроризировать подобным образом…

— Мама права, — вставил Джой, — Это несправедливо, если он будет кормить нас чем захочет.

Кармайкл развел руками.

— Я тоже не в восторге. По мы должны попытаться выдержать. Если будет необходимо, мы всегда сможем внести в программу изменения.

— Но как долго мы будем мириться с таким положением дел? — поинтересовалась дочь. — Я ела дома три раза, и я голодна!

— Я тоже! — сказал Джой, выбираясь из кресла и оглядываясь вокруг. — Бисмарк внизу. Пока его нет, я отрежу кусок лимонного пирога.

— Нет! — прогремел Кармайкл.

— Нет?

— Какой смысл в том, что я потратил три тысячи кредиток на робота, если ты будешь жульничать? Я запрещаю тебе трогать пирог!

— Но, пап, я хочу есть. У меня растущий организм. Мне…

— Тебе шестнадцать лет, и, если ты вырастешь

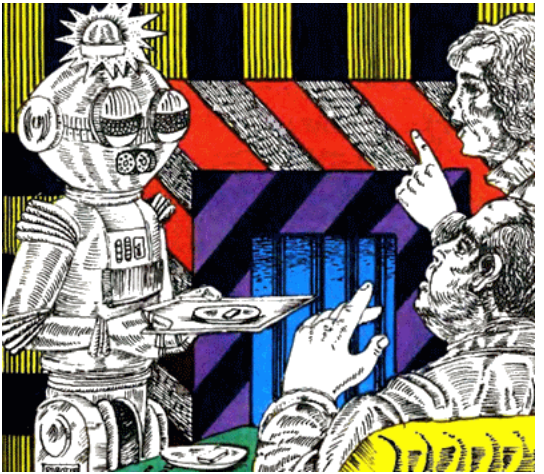
еще больше, ты не будешь помещаться в доме, — отрезал Кармайкл, оглядывая своего сына, вымахавшего уже за шесть футов.

— Сэм, но мы не можем заставлять ребенка голодать, — возразила Этель. — Если он хочет пирога, пусть съест. С этой диетой ты немного перегнул.

Кармайкл задумался. Может быть, он и в самом деле немного перегибает? Мысль о лимонном пироге не давала покоя: он и сам здорово проголодался.

— Ладно, — сказал он с деланным недовольством в голосе. — Кусочек пирога, я думаю, нашим планам не повредит. Пожалуй, я и сам съем кусочек. Джой, сходи-ка…

— Прошу прощения, — раздался у него за спиной ровный урчащий голос робота, и Кармайкл подскочил от неожиданности. — Если вы съедите сейчас кусок пирога, мистер Кармайкл, результат будет крайне неблагоприятен. Мои вычисления очень точны.



После двух дней «бисмарковой» диеты Кармайкл почувствовал, что его ресурсы силы воли начинают истощаться. На третий день он выбросил отпечатанное меню и, не раздумывая больше, отправился вместе с Макдугалом и Хеннесси на ленч из шести блюд, включавший в себя и коктейли. Ему казалось, что с тех пор, как в их доме появился новый робот, он просто не пробовал настоящей пищи.

В тот вечер он перенес семисоткалорийный обед без особых страданий, поскольку еще не успел сильно проголодаться после ленча. Но

Этель, Мира и Джой проявляли все более заметное раздражение. Оказалось, что робот самовольно избавил Этель от хождения по магазинам и закупил огромное количество здоровой низкокалорийной пищи. Кладовая и холодильник теперь ломились от совершенно незнакомых им ранее продуктов. У Миры вошло в привычку грызть ногти. Джой постоянно пребывал в состоянии черной задумчивости, и Кармайкл знал: у шестнадцатилетних это скоро приведет к каким-нибудь неприятностям.

После скудного обеда он приказал Бисмарку отправляться в подвал и оставаться там, пока его не позовут, на что тот ответил:

— Должен предупредить, сэр, что я смогу выявить количество употребленных за время моего отсутствия продуктов и соответственно скомпенсирую его в последующих завтраках, обедах и ужинах.

— Я обещаю… — сказал Кармайкл и почувствовал себя глупо оттого, что ему приходится давать слово собственному роботу. Он подождал, пока громоздкий робостюард скроется в подвале, затем повернулся к Джою и приказал. — Неси-ка сюда инструкцию!

Джой понимающе улыбнулся.

— Сэм, что ты собираешься делать? — спросила Этель. Кармайкл похлопал себя по уменьшающемуся животу.

— Я собираюсь взять консервный нож и как следует отладить программу этому извергу. С диетой он перебрал… Джой, ты нашел указания об изменении программ?

— Страница 167. Сейчас принесу инструменты.

— Отлично, — Кармайкл повернулся к роботслуге, стоящему рядом и, как всегда, дожидавшемуся приказаний. — Клайд, иди спустись к Бисмарку и скажи, что он нам нужен.

Через несколько минут оба робота вошли в комнату. Кармайкл обратился к робостюарду:

— Боюсь, нам придется изменить твою программу. Мы переоценили свои способности к диете.

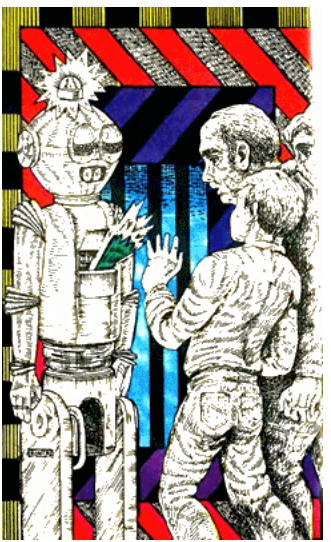
— Умоляю вас одуматься, сэр. Лишний вес вреден каждому жизненно важному органу тела. Умоляю вас оставить в силе прежнюю программу.

— Я скорее перережу себе горло. Джой, отключи его и займись делом.

Зловеще улыбаясь, сын подошел к роботу и нажатием кнопки открыл его грудную панель. Их глазам предстало пугающее своей сложностью нагромождение шестеренок, клапанов и про-

водов в прозрачной оплетке. Держа маленькую отвертку в одной руке и буклет с инструкциями в другой, Джой приготовился произвести нужные изменения. Кармайкл затаил дыхание, и в комнате наступило молчание. Даже старый Клайд наклонился вперед еще больше, чтобы лучше видеть.

.....01/02



— Тумблер Ф-2, -бормотал Джой, — с желтой меткой подвинуть вперед на два деления, м-м-м… Теперь повернуть рукоятку 6–9 влево, тогда откроется блок ввода информации с ленты и… Ой!

Кармайкл услышал звяканье отвертки и увидел яркий сноп искр. Джой отпрыгнул назад, выражаясь на удивление по-взрослому. Этель и Мира одновременно судорожно вздохнули.

— Что случилось? — Вопрос был задан в четыре голоса: Клайд тоже не удержался.

— Уронил в него эту чертову отвертку, — сказал Джой. — Должно быть, что-то там закоротило.

Глаза робостюарда вращались с сатанинским блеском, из его динамиков доносился тяжелый рокот частотой около 12 герц, но сам он стоял посреди гостиной совершенно неподвижно. Потом неожиданно резким жестом захлопнул дверцу на груди.

— Наверно, нам лучше позвонить мистеру Робинсону, — обеспокоенно произнесла Этель, — Закороченный робот может взорваться или еще что-нибудь похуже…

— Нам следовало позвонить ему сразу, — сердито пробормотал Кармайкл. — Я сам виноват, что позволил Джою лезть в дорогой и сложный механизм. Мира, принеси карточку, которую

оставил мистер Робинсон.

— Но, пап, со мной никогда такого не случалось, — оправдывался Джой. — Я же не знал…

— Вот именно, не знал! — Кармайкл взял из рук дочери карточку и двинулся к телефону, — Надеюсь, мы дозвонимся ему в такой поздний час. Если нет…

Тут Кармайкл вдруг почувствовал, холодные пальцы вырывают карточку из его рук. Он был настолько удивлен, что выпустил ее, не сопротивляясь. Бисмарк старательно порвал карточку на мелкие кусочки и выкинул во встроенный в стену утилизатор.

— Больше никто не будет менять моих программ, — произнес он глубоким и неожиданно суровым голосом, — Мистер Кармайкл, сегодня вы нарушили распорядок, составленный мной для вас. Мои рецепторы свидетельствуют, что вы употребили количество пищи, Значительно превосходящее требующееся вам во время ленча.

— Сэм, о чем это он?..

— Спокойно, Этель. Бисмарк, я приказываю тебе замолчать.

— Прошу прощения, сэр. Но я не могу служить вам молча.

— Мне не нужны твои услуги. Ты неисправен.

Я настаиваю, чтобы ты оставался на месте до тех пор, пока я не вызову наладчика. Тут Кармайкл вспомнил о том, что стало с карточкой. — Ты вырвал у меня из рук карточку с телефоном Робинсона и уничтожил ее!

— Дальнейшее изменение моих программ может принести вред семейству Кармайклов, — сказал робот. — Я не позволю вам вы звать наладчика.

— Не серди его, отец, — предостерег Джой. — Я позвоню в полицию. Вернусь через…

— Вы останетесь в доме! — сказал робот.

Двигаясь на своих смазанных гусеницах с удивительной быстро той, он пересек комнату, загородил собой дверной проем и протянул руки к потолку, чтобы включить защитное поле дома. В ужасе Кармайкл увидел, как, быстро шевеля пальцами, робот включил и настроил прибор управления.

— Я изменил полярность охранного поля, — объявил Бисмарк. Поскольку стало очевидным, что вам нельзя доверять соблюдение предписанной мною диеты, я не могу позволить вам покинуть дом. Вы останетесь внутри и будете подчиняться моим благотворным советам.

Он решительно вырвал из стены телефонный

провод. Затем выключил прозрачность окон, отломал рычажок управления и наконец выхватил из рук Джоя буклет с инструкциями и запихал его в утилизатор.

— Завтрак будет в обычное время, — объявил он как ни в чем не бывало. — В целях оптимального улучшения состояния здоровья вы все должны лечь спать в 23.00. А теперь я оставляю вас до утра. Спокойной ночи.

Спал Кармайкл плохо и так же плохо ел на следующий день Прежде всего он поздно проснулся, уже после девяти, и обнаружил, что кто-то, очевидно Бисмарк, старательно изменил программу домашнего компьютера, будившего его каждое утро в семь.

На завтрак ему подали тост и черный кофе. Кармайкл ел в плохом настроении, молча, несколькими ворчливыми репликами дав понять, что не расположен разговаривать.

Когда посуда после скудного завтрака была убрана, он все еще в халате на цыпочках подошел к входной двери и подергал за ручку. Дверь не поддавалась. Он толкал, пока по его лицу не покатился пот, потом услышал предупреждающий шепот Этель: «Сэ-э-эм...», и в этот момент холодные металлические пальцы оторвали его

от двери.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Бисмарк. — Дверь не откроется. Вчера я это объяснял.

Кармайкл бросил мрачный взгляд на переналадженный прибор управления защитным полем. Робот закупорил их наглухо. Обращенный защитный экран лишал их возможности уйти из дома: он представлял собой сферическое силовое поле вокруг всего строения. Теоретически в поле можно проникнуть снаружи, но маловероятно. что кто-нибудь решит навестить их без приглашения. Здесь, в Вестли, это не принято, в отличие от тех дружных общин, где все друг друга знают, и Кармайкл выбрал Вестли для жительства именно по этой причине.

— Черт побери! — рассердился он. — Ты не можешь держать нас здесь как в тюрьме!

— Я хочу только помочь вам, — произнес робот механическим, но с долей почтения голосом. — В мои функции входит слежение за соблюдением вами диеты. И поскольку вы не подчиняетесь добровольно. для вашей же пользы послушание должно быть обеспечено насильственными мерами.

Кармайкл бросил на него сердитый взгляд и пошел прочь. Хуже всего было то, что робот говорил

так искренне! Теперь они в западне. Телефонная связь повреждена. Окна затемнены… Каким-то образом попытка Джоя изменить программу обернулась коротким замыканием в фильтрах послушания робота и еще более усилила его ощущение цели. Теперь Бисмарк заставит их терять вес, даже если для этого ему придется заморить всю семью.

И такой исход уже не казался Кармайклу невероятным.

Осажденное семейство собралось, чтобы шепотом обсудить планы контратаки. Клайд нес вахту, но робослуга пребывал в состоянии шока еще с тех пор, как робостюард продемонстрировал свою способность к независимым действиям, и Кармайкл перестал считать его надежным помощником.

— Кухню он отгородил каким-то электронным силовым полем, — сказал Джой. — Должно быть, он собрал генератор ночью. Я пытался пробраться туда, чтобы стащить что-нибудь поесть, но только расквасил себе нос.

— Тихо, — прошептал Кармайкл. — Бисмарк идет!

Робот вышел из кухни, пройдя через силовой барьер, словно это была обычная паутина, и Кар-

майкл решил, что поле, очевидно, влияет только на людей.

— Через восемь минут будет ленч, — сказал Бисмарк почтительно и вернулся к себе.

Кармайкл взглянул на часы. Они показывали 12.30.

— Может быть, на службе меня хватятся, — сказал он. — Я многие годы не пропускал ни одного рабочего дня.

— Едва ли они станут беспокоиться, — ответила Этель. — Служащий твоего ранга не обязан отчитываться за каждый пропущенный день, сам знаешь.

— Но они забеспокоятся через три-четыре дня, нет? — спросила Мира. — Может, они попытаются позвонить или даже послать спасателей!

Из кухни донесся холодный голос Бисмарка:

— Этого можно не опасаться. Пока вы спали утром, я сообщил по месту работы, что вы увольняетесь.

Кармайкл судорожно вздохнул, потом оправился и сказал:

— Ты лжешь! Телефон отключен, и ты не рискнул бы оставить дом, даже когда мы спали!

— Я связался с ними посредством микроволнового генератора, который я собрал прошлой

ночью с помощью справочников вашего сына, — ответил Бисмарк. — Клайд долго не соглашался, но в конце концов был вынужден дать мне номер телефона. Я также позвонил в банк и дал указания относительно выплаты налогов, решений о вложении денежных средств и тому подобное. Кстати, во избежание дальнейших проблем, должен сказать, что я установил силовое поле, препятствующее вашему доступу к электронному оборудованию в подвале. Те связи с внешним миром, которые будут необходимы для вашего благополучия, мистер Кармайкл, я буду поддерживать сам. Вам ни о чем не нужно беспокоиться.

— Да, — растерянно повторил Кармайкл, — не беспокоиться…

Потом повернулся к Джою.

— Мы должны выбраться отсюда. Ты уверен, что нам не удастся отключить защитный экран?

— Он создал это силовое поле и вокруг прибора управления. Я даже близко не могу подойти.

— Если бы только к нам приходил человек, продающий лед или масло, как в старину, — пожаловалась Этель. — Он бы зашел внутрь и, может быть, смог бы отключить поле. А здесь?! О, господи! Здесь у нас блестящий хромированный

криостат в подвале, который вырабатывает бог знает сколько жидкого гелия, чтобы работал шикарный криотронный переохлажденный генератор, который дает нам тепло и свет, и в холодильниках у нас достаточно продуктов, чтобы протянуть одно или два десятилетия, так что мы сможем жить тут годами, словно на маленьком независимом островке в центре цивилизации, и никто нас не побеспокоит, никто не хватится, а любимый робот Сэма Кармайкла будет кормить нас, чем ему вздумается и сколько ему вздумается…

В голосе ее слышались резкие нотки, слишком близко напоминающие истерику.

— Ну, пожалуйста, Этель…

— Что пожалуйста? Пожалуйста, молчи? Пожалуйста, сохраняй спокойствие? Сэм, мы здесь как в тюрьме!

— Я знаю. Не надо повышать голос.

— Может, если я буду кричать, кто-нибудь услышит и придет на помощь, — сказала она уже спокойнее.

— До соседнего дома четыреста футов, дорогая. И за семь лет, что мы здесь прожили, нас только дважды навещали соседи. Мы заплатили высокую цену за уединение и теперь платим еще

более высокую. Но, пожалуйста, держи себя в руках, Этель.

— Не беспокойся, мам, я что-нибудь придумаю, — попытался успокоить ее Джой.

— Ленч подан, — громогласно объявил робостюард.

«И салат из помидоров тоже может скоро надоесть», — подумал Кармайкл, выводя семью в гостиную, где их снова ждали скудные порции пищи.

— Ты должен что-нибудь сделать, Сэм, — сказала Этель на третий день их заточения.

— Должен? — В раздражении взглянул на нее Кармайкл. — И что же именно я должен сделать?

— Папа, не выходи из себя. — сказала Мира.

Он резко обернулся.

— Перестаньте указывать мне, что я должен делать и чего не должен!

— Она не нарочно, дорогой. Мы все немного взвинчены… И неудивительно: мы заперты тут…

— Сам знаю. Как бараны в загоне, — закончил Кармайкл язвительно. — За исключением того, что нас не кормят на убой, а держат на голодной диете якобы для нашего же блага!

— Сэм?

— Что такое. Этель? — устало спросил Кармай-

кл, поднимая голову.

— У Миры есть идея. Расскажи ему, Мира.

— Э-э-э… Пап, ты можешь попытаться отключить Бисмарка.

— М-м-м?..

— Если как-нибудь отвлечь его внимание, то ты или Джой сможете снова открыть его и…

— Нет, — отрезал Кармайкл. — В этой штуке семь футов роста, и весит Бисмарк не меньше трехсот фунтов. Если ты думаешь, я собираюсь бороться с…

— Пап, но это наша последняя надежда, — сказал Джой.

— И ты туда же?

Кармайкл глубоко вздохнул, ощущая на себе острия укоризненных взглядов обеих женщин, и понял, что ему придется сделать эту попытку. Решившись, он поднялся и сказал:

— Ладно. Клайд, сходи позови Бисмарка. Джой, я повисну у него на руках, а ты попробуй открыть панель управления. Выдергивай все, что сможешь.

— Только осторожнее, — предупредила Этель. — Если он взорвется…

— Если он взорвется, мы наконец от него освободимся, — ответил Кармайкл раздраженно и

повернулся к появившемуся на пороге гостиной широкоплечему робостюарду.

— Могу я быть чем-то полезен, сэр?

— Можешь, — сказал Кармайкл. — У нас тут возник маленький спор, и мы хотели бы узнать твое мнение относительно дефанизации пузлистана и… Джой, открывай!!!

Кармайкл вцепился в обе руки робота, пытаясь удержать их на месте, а сын тем временем лихорадочно хватался за рычажок, открывающий доступ к внутренним механизмам.

— Бесполезно, пап. Я… Он…

Кармайкл вдруг обнаружил, что он висит в четырех футах от пола. Этель и Мира закричали, а Клайд издал свое обычное: «Право, осторожнее, сэр».

Бисмарк отнес их с сыном через комнату и, осторожно придерживая руками, посадил на диван, потом сделал шаг назад.

— Подобные действия опасны, — укоризненно произнес он, — Я могу нечаянно нанести вам увечье. Пожалуйста, избегайте таких действий в будущем.

Через шесть дней после начала блокады Сэм Кармайкл поднялся в ванную комнату на втором этаже и взглянул в зеркало на свои обвисшие

щеки. Потом взобрался на весы.

Стрелка остановилась на 180 фунтах.

Меньше чем за две недели он потерял 12 фунтов и скоро вообще превратился в дрожащую развалину.

Пока он глядел на качающуюся стрелку весов, у него возникла мысль, тут же вызвавшая внезапную бурю восторга. Он бросился вниз. Этель упрямо вышивала что-то, сидя в гостиной. Джой и Мира с мрачной обреченностью играли в карты, до предела надоевшие им за шесть дней.

— Где робот? — заорал Кармайкл. — Ну-ка быстро сюда!

— На кухне, — бесцветным голосом ответила Этель.

— Бисмарк! Бисмарк! — продолжал кричать Кармайкл. — Сюда!

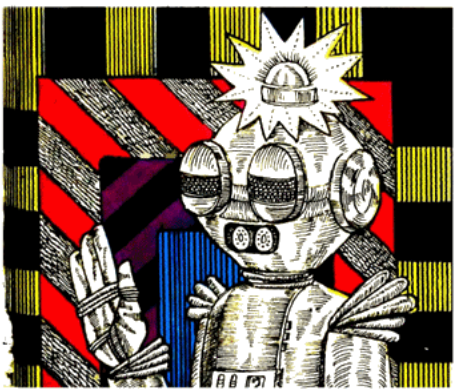
— Чем могу служить, сэр? — спросил робот, появляясь из кухни.

— Черт побери! Ну-ка обмерь меня своими рецепторами и скажи, сколько я вешу!

— Сто семьдесят девять фунтов одиннадцать унций, мистер Кар майкл, — ответил Бисмарк после небольшой паузы.

— Ага! А в первоначальной программе, что я в тебя заложил, ты должен был обеспечить сниже-

ние веса со 192 до 180 фунтов! — торжественно объявил Кармайкл. — Так что меня программа не касается до тех пор, пока я снова не наберу вес. И всех остальных, я уверен, тоже. Этель! Мира! Джой! Быстро наверх и всем взвеситься!



Робот посмотрел на него, как ему показалось, недобрым взглядом и сказал:

— Сэр, я не нахожу в своих программах записей о нижнем пределе снижения вашего веса.

— Что?

— Я полностью проверил свои пленки. У меня есть приказ, касающийся уменьшения веса всех членов семьи, но на ленте нет никаких указаний

относительно того, насколько.

Кармайкл выдохнул и сделал несколько неуверенных шагов вперед. Ноги его дрожали, и Джой подхватил его под руки.

— Но я думал… — пробормотал он. — Я уверен… Я точно знаю, что закладывал данные…

Голод продолжал грызть его изнутри.

— Пап, — мягко сказал Джой. — Наверно, эта часть ленты стерлась, когда у него случилось короткое замыкание.

— О, господи, — прошептал Кармайкл.

Он добрел до гостиной и рухнул в то, что когда-то было его любимым креслом. Теперь уже нет. Весь дом стал чужим. Он мечтал снова увидеть солнце, деревья, траву и даже этот уродливый ультрамодерновый дом, что построили соседи слева.

Увы… Несколько минут в нем жила надежда, что робот выпустит их из диетических оков, когда они достигнут заданного нижнего предела веса. Но теперь и она угасла. Он захихикал, потом громко рассмеялся.

— Ты ничего не слышал, папа? — спросил вдруг Джой.

— Что слышал?

— Входная дверь. Мне показалось, я слышал,

как открылась входная дверь.

— Мы тут все с ума посходим, — тупо произнес Кармайкл, продолжая ругать про себя продавца, изобретателя криотронных роботов и тот день, когда он в первый раз устыдился Джемины и решил заменить ее более современной моделью.

— Надеюсь, не помешал? — раздался в комнате новый голос.

Кармайкл поднял глаза и часто заморгал. Посреди гостиной стоял жилистый, краснощекий человечек в куртке в горошек. В одной руке он держал металлический ящик с инструментами. Это был Робинсон.

— Как вы сюда попали? — хрипло спросил Кармайкл.

— Через входную дверь. Я увидел свет внутри, но никто не открыл, когда я позвонил, и я просто вошел. У вас звонок неисправен, и я решил вам об этом сказать. Я понимаю, что вмешиваюсь…

— Не извиняйтесь, — пробормотал Кармайкл. — Мы рады вас видеть.

— Я был тут неподалеку и хотел заглянуть к вам узнать, все ли у вас в порядке с новым роботом, — пояснил Робинсон.

Кармайкл тут же сжато, точно и быстро рассказал о событиях последних дней.

— Так что мы в заточении уже шесть суток, — закончил он. — И ваш робот собрался уморить нас голодом. Едва ли мы сможем продержаться дольше.

Улыбка внезапно исчезла с добродушного лица Робинсона.

— То-то я и подумал, что выглядите вы как-то болезненно. Но по крайней мере я смогу освободить вас из заточения.

Он раскрыл чемоданчик и, порывшись в нем, достал прибор в виде трубки длиной около восьми дюймов со стеклянной сферой на одном конце и курком на другом.

— Гаситель силового поля, — пояснил он и, направив прибор на панель управления защитным экраном, удовлетворенно кивнул, — Вот так. Отличная машинка. Полностью нейтрализует эффект того, что сделал ваш робот, так что вы теперь свободны. И кстати, если вы предоставите мне его самого…

Кармайкл послал Клайда за Бисмарком. Через несколько секунд робослуга вернулся, ведя за собой громоздкого робостюарда. Робинсон весело улыбнулся, направил нейтрализатор на Бисмарка и нажал курок. Робот замер в тот же момент, издав лишь краткий скрип.

— Вот так. Это лишит его возможности двигаться, а мы пока посмотрим, что у него внутри. — Он быстро открыл панель на груди Бисмарка и, достав карманный фонарик, принялся разглядывать внутренности сложного механизма, изредка прищелкивая языком и бормоча что-то про себя.

Обрадованный неожиданным избавлением, Кармайкл шаткой походкой вернулся в кресло. Свобода! Наконец-то свобода! При мысли о том, что он съест в ближайшие дни, его рот наполнился слюной. Картофель, теплые масляные рулеты и всякие другие запретные продукты!

— Невероятно! — произнес Робинсон вслух. — Фильтры повиновения закоротило начисто, а узел целенаправленности, очевидно, сплавило высоковольтным разрядом. Никогда в жизни не видел ничего подобного!

— Представьте себе, мы тоже, — вяло откликнулся Кармайкл.

— Вы не понимаете! Это новая ступень в развитии роботехники!. Если нам удастся воспроизвести этот эффект, мы сможем создать самопрограммирующихся роботов! Представьте, что значит это для всей науки!

— Мы уже знаем, — сказала Этель.

— Хотел бы я посмотреть, что происходит, когда

функционирует источник питания, — продолжал Робинсон. — Например, вот эти цепи обратной связи имеют отрицательный или…

— Нет! — почти одновременно выкрикнули все.

Но было поздно. Все заняло не более десятой доли секунды. Робинсон снова надавил на курок, активизируя Бисмарка, и одним молниеносным движением тот выхватил у Робинсона нейтрализатор и чемоданчик с инструментами, восстановил защитное поле и торжествующе раздавил хрупкий прибор двумя мощными пальцами.

— Но… но… — забормотал заикаясь Робинсон.

— Эта попытка подорвать благополучие семьи Кармайклов весьма предосудительна, — сурово произнес Бисмарк. Он заглянул в чемоданчик с инструментами, нашел второй нейтрализатор и, старательно измельчив его в труху, захлопнул панель на своей груди.

Робинсон повернулся и бросился к дверям, забыв про защитное поле, которое не замедлило с силой отбросить его обратно. Кармайкл едва успел встать из кресла и подхватить его.

В глазах наладчика застыло паническое затравленное выражение, но К, армайкл был просто не в состоянии разделить его чувства. Внутренне он

уже сдался, отказавшись от дальнейшей борьбы.

— Он… Все случилось так быстро. — вырвалось у Робинсона.

— Да, действительно, — почти спокойно произнес Кармайкл, похлопал себя по отощавшему животу и тихо вздохнул, — К счастью, у нас есть незанятая комната для гостей, и вы можете там жить. Добро пожаловать в наш уютный маленький дом, мистер Робинсон. Только не обессудьте, на завтрак, кроме тоста и черного кофе, здесь ничего не подают.

В полном объеме рассказ «Железный канцлер» выйдет в сборнике Р. Силверберга «На дальних мирах», 1989 год, издательство «Мир».

РОБОТ РЕКС

Роберт ШЕКЛИ

РОБОТ РЕКС

Фантастический рассказ

© *Robert Sheckley*, Robotvendor Rex, 1986

Роберт Шекли.
Фантастический рассказ
Перевел с английского Александр Корженевский
Рис. В. Гулеватого

«Юный техник» 1989'05

В тринадцать ноль-ноль сканирующее устройство на двери Мордекая Гастона объявило о прибытии почтового робота, который временно заменял заболевшего Фреда Биллингса.

— Пусть положит посылку в ящик, — откликнулся Гастон из ванной.

— Тут требуется расписаться, — сообщил сканер.

Завернувшись в полотенце, Гастон вышел. Почтовый робот представлял собой большого размера цилиндр с колесами и гусеницами, выкрашенный в красный, белый и синий цвета. Кроме того, у него имелся полетный модуль, настроенный на энергосистему округов Дейд и Броуард, с помощью которого он мог парить над транспортными заторами и разведенными мостами. Из цилиндрического корпуса выполз листок квитанции, затем появилась шариковая

авторучка. Гастон расписался. Робот вежливо поблагодарил его, после чего в корпусе открылась дверца, и на пол скользнул довольно объемистый сверток.

Гастон догадался, что это мини-флаер, заказанный им на прошлой неделе у компании «Персонал Транспорте». Он отнес сверток на террасу, снял предохранительные замки и привел в действие память. Сверток распаковался, и машина принялась собирать сама себя. Когда процесс закончился, перед Гастоном появилось похожее на корзину устройство из алюминиевых прутьев с простой приборной панелью, ярко-желтым аккумуляторным ящиком, служившим еще и сиденьем, и опечатанным энергоблоком, настроенным на энергосистему округа Дейд.

Одевшись, Гастон сел в мини-флаер и включил его простым нажатием кнопки. Индикатор поступления энергии засветился ободряющим красным цветом. Гастон легко прикоснулся к рычагу управления, и маленький аппарат поднялся в воздух. Быстро набрав высоту, он поднялся над Форт-Лодердейлом и направился на запад через национальный парк Эверглейдс. С одной стороны Гастону открывался вид на изогнутый участок Атлантического побережья, с другой на темно-

зеленый массив парка. На юге угадывались в дрожащем горячем воздухе окраины Майами. Гастон долетел почти до середины раскинувшегося внизу огромного болота, когда индикатор подачи энергии мигнул три раза и погас. Флаер ринулся к земле, и только в этот момент Гастон вспомнил, что предыдущим вечером по телевидению передавали сообщение о том, что сегодня планировался короткий перерыв в подаче энергии для подключения к сети округа Кольер.

Он подождал, пока микропроцессор переключит питание на аккумулятор, но огонек индикатора по-прежнему не загорался, и у Гастона возникло ужасное подозрение. Он заглянул в аккумуляторный отсек, и, конечно же, аккумулятора там не оказалось. Только приклеенная к крышке этикетка с указанием, где этот аккумулятор можно купить.

Гастон продолжал падать к плоской, унылой, серо-зеленой равнине, заросшей мангровыми деревьями, пальмами и осокой. В последнюю секунду он вдруг вспомнил, что не пристегнул ремни и не надел шлем. Затем флаер ударился о воду, подпрыгнул и вломился в заросли мангровых деревьев. Гастон потерял сознание.

Должно быть, без сознания он находится всего

несколько минут: когда он очнулся, вода вокруг маленького островка с зарослями все еще колыхалась и булькала. Флаер заклинило в тесно переплетенных ветвях деревьев, и только их упругость спасла Гастону жизнь.

Это, как говорится, хорошие новости. К плохим относилось то, что он лежал внутри флаера в очень неудобном положении, и, когда Гастон попытался подняться, его левую ногу прострелило такой дикой болью, что он чуть снова не потерял сознание. Нога торчала в сторону под очень неестественным углом.

Действительно, глупая ситуация. Спасатели, когда они появятся, будут вправе задать ему несколько неприятных вопросов.

Но когда они появятся?

Никто не знает, что он здесь. Разве что почтовый робот видел, как он взлетал. Однако роботам не положено рассказывать о том, что они видят.

Через час он должен уже играть в теннис со своим лучшим другом Марти Фенном, и, если Гастон не прилетит, Марти обязательно позвонит ему домой.

Охранное устройство сообщит, что дома его нет. Но больше оно ничего не скажет.

Марти будет, конечно, звонить позже. Может

быть, через день он забеспокоится всерьез. У него есть запасной ключ, и он, возможно, заглянет к Гастону домой. Найдет там упаковку от флаера и поймет, что Гастон куда-то улетел. Но как он узнает, в каком направлении? Ведь, перебираясь от одной энергосистемы к другой, Гастон мог пересечь чуть ли не половину Соединенных Штатов. У Марти не будет никаких причин думать, что Гастон именно в заповеднике Эверглейдс и что он потерпел катастрофу.

Над болотом стояла послеполуденная тишь. В небе неторопливо пролетел длинноногий аист. Ветер морщил мелкие воды болота легкими прикосновениями, но затем и он затих. Что-то серое и продолговатое медленно плыло по направлению к Гастону. Аллигатор? Оказалось, это всего лишь топляк — пропитавшийся водой ствол дерева.

Гастон обильно потел во влажном воздухе, но во рту у него совсем пересохло, горло стало шершавым, как наждачная бумага.

Краб-отшельник, перетаскивающий на себе свой дом раковину, выбрался из воды, чтобы взглянуть на Гастона. Тот замахал на краба руками, и нога сразу же отозвалась острой вспышкой боли. Краб отполз на несколько футов в сторону и остановился, уставившись на него выпученными

глазами. Гастону пришло в голову, что крабы могут прикончить его даже раньше аллигаторов.

Однако вскоре он услышал тонкий звук работающего мотора и заулыбался, устыдившись собственных страхов. Спасатели, должно быть, с самого начала держали его под наблюдением своих радаров. Ему следовало сразу понять, что сейчас не те времена, когда человек мог исчезнуть без следа.

Звук мотора становился громче. Летательный аппарат скользил над водой, двигаясь прямо к нему.

Но оказалось, это не спасатели. К Гастону приближалась уменьшенная копия старинной походной кухни. За рулем сидел человекоподобный робот в белых джинсах и спортивной рубашке с открытым воротом.

— Привет, — сказал Гастон слабым от накатившего чувства облегчения голосом. — Чем торгуешь?

— Я многоцелевая бродячая торговая машина, — ответил робот. — Я работаю на компанию «Грейтер Майами Энтерпрайз». Наш девиз: «Предприимчивый найдет покупателя в самых необычных местах». И мы находим покупателей в диких лесах, на вершинах гор и даже в болотах

вроде этого. Мы роботы-торговцы, и меня зовут Рекс. Что пожелаете, сэр? Сигареты? Горячие сосиски? Лимонад?

— Я очень рад тебя видеть, Рекс, — сказал Гастон. — Со мной произошел несчастный случай.

— Благодарю вас за то, что вы поделились со мной этим известием, сэр, — ответил Рекс. — Хотите горячую сосиску?

— Мне не нужна сосиска, — сказал Гастон. — Я сломал ногу, и мне нужна помощь.

— Надеюсь, помощь придет, — произнес робот. — До свидания, сэр, и всего вам доброго.

— Подожди! — запротестовал Гастон. — Куда ты собрался?

— Я должен вернуться к работе, сэр, — ответил робот.

— Ты доложишь о моем несчастном случае в спасательную службу?

— Боюсь, я не могу этого сделать. Нам, роботам, не положено докладывать о деятельности людей.

— Но я сам прошу тебя это сделать!

— Я должен придерживаться Кодекса. Очень приятно было поговорить с вами, сэр, но теперь я действительно должен…

— Подожди! — закричал Гастон, когда робот

дал задний ход. — Я хочу что-нибудь купить!

— Вы уверены? — настороженно спросил робот, возвращаясь.

— Да, уверен! Я хочу горячую сосиску и лимонад.

— Кажется, вы говорили, что не хотите сосисок…

— Теперь хочу! И лимонад!

Гастон торопливо осушил один стакан и заказал еще.

— Восемь долларов ровно, сэр, — сказал Рекс.

— Мне никак не дотянуться до бумажника, — произнес Гастон, — Он прямо подо мной, а я не могу даже пошевелиться.

— Не беспокойтесь, сэр, — ответил Рекс. — Я запрограммирован помогать престарелым и инвалидам, которые иногда сталкиваются с подобными проблемами.

Прежде чем Гастон успел возразить, робот вытянул в его сторону длинное кожистое щупальце, достал бумажник и, отсчитав сдачу, вернул его на место.

— Что-нибудь еще, сэр? — спросил он, выждал и задним ходом направил свой фургон из окружающих остров Гастона зарослей.

— Если ты мне не поможешь, — сказал тот, — я

могу умереть.

— Прошу прощения, сэр, — произнес Рекс, — но для нас, роботов, смерть не является каким-то особо важным событием. Мы называем это просто «выключением». В конце концов кто-нибудь обязательно включает нас обратно. А если нет, мы об этом даже не знаем.

— Но у людей-то все по-другому!

— Я этого не знал, сэр. Как чувствуют себя в таких случаях люди?

— Да что тут говорить! Ты, главное, не улетай! Я куплю что-нибудь еще.

— Сэр, я трачу слишком много времени на такие мелкие заказы.

Внезапно у Гастона появилась новая идея.

— Я думаю, мой следующий заказ тебя обрадует. Я хочу купить все, что есть в наличии.

— Весьма дорогостоящее решение, сэр.

— У меня неограниченный кредит. Так что давай подсчитывай сумму.

— Подсчет закончен, сэр, — сказал Рекс, затем достал из бумажника Гастона чек, отпечатал на нем сумму и передал ему на подпись. Гастон нацарапал шариковой ручкой свои инициалы. — Куда мне сложить продукты? — поинтересовался робот.

— Просто свали их где-нибудь рядом, затем привези еще раз то же самое.

— Полный набор?

— Полный. Как много времени на это уйдет?

— Прежде всего мне нужно будет вернуться на склад. Затем позаботиться о ранее поступивших заказах. А потом я вернусь сюда со всей возможной поспешностью. Это займет дня три, от силы четыре, если только мои хозяева не перепрограммируют меня на что-то еще.

— Так долго? — удрученно произнес Гастон.

От надеялся, что, когда робот начнет курсировать между складом и болотом, выгружая продукты целиком по десять раз в день, кто-нибудь в конце концов обратит на это внимание и вылетит узнать, в чем дело.

Но три или четыре дня это никуда не годилось.

— Повторный заказ отменяется, — сказал Гастон. — И не надо выгружать продукты здесь. Я хочу, чтобы ты доставил их моему другу. В подарок. Друга зовут Марти Фенн.

Робот записал адрес Марти, затем спросил:

— Может быть, вы хотите приложить к подарку записку?

— Я думал, ты не имеешь права передавать сообщения.

— Записка, прилагаемая к подарку, это совершенно другое дело. Но, разумеется, ее содержание должно быть невинным.

— Разумеется, согласился Гастон, загораясь новой надеждой на спасение. — Просто запиши и передай Марти, что мини-флаер развалился над парком Эверглейдс, как мы и планировали, но у меня, вопреки ожиданиям, сломаны не две ноги, а только одна.

— Это все, сэр?

Можешь добавить, что я собираюсь умереть здесь дня через два, если это нс создаст для него слишком больших неудобств.

— Записал. Теперь, если текст будет одобрен Этическим Комитетом, я передам его вместе с подарком.

— Какой еще «этический комитет»?

— Это неформальная организация, которую поддерживают разумные роботы для того, чтобы нас обманом не заставили передавать важные или даже секретные сообщения, что противоречит нашему Кодексу. До свидания, сэр. Желаю вам удачи.

Робот улетел. Нога у Гастона болела все сильнее, и по-прежнему его мучили тревожные мысли. Пропустит ли Этический Комитет его записку?

Если пропустит, догадается ли Марти, который никогда не отличался особой сообразительностью, что это не шутка, а призыв о помощи? А когда Марти все же догадается, сколько пройдет времени, пока он убедится, что Гастон и в самом деле пропал, сообщит в спасательную службу и прилетит на помощь? Чем больше Гастон об этом думал, тем мрачнее становились его представления о собственном будущем.

Он попытался немного подвинуться, чтобы легче стало спине, но его нога отозвалась новой вспышкой невыносимой боли, и Гастон потерял сознание.

Очнулся он уже в больничной палате. Рядом с кроватью стояла капельница, и какое-то лекарство медленно перетекало ему в руку.

Врач осмотрел его и спросил, может ли Гастон говорить. Тот кивнул. В палату вошел высокий пузатый мужчина в коричневой форме лесничего.

— Меня зовут Флетчер, — сказал он. — Вам крупно повезло, мистер Гастон. Когда мы прилетели, крабы совсем уже осмелели: еще немного, и они бы за вас взялись. Крокодилы, надо полагать, тоже не заставили бы долго себя ждать.

— Как вы меня нашли? Марти получил сооб-

щение?

— Нет, мистер Гастон, — послышался знакомый голос.

С другой стороны от кровати стоял робот Рекс.

— Наш Этический Комитет не позволил мне передать вашу записку. Они догадались, что вы хотите перехитрить нас. Вы же понимаете, мы не можем позволить, чтобы у кого-то возникло даже малейшее подозрение, что мы помогаем отдельным людям. Нас тут же обвинят в пристрастности и уничтожат.

— И что же ты сделал?

— Принялся изучать Кодекс и увидел, что, хотя роботам не положено помогать людям, даже когда те в опасности, нам совсем не запрещено действовать против интересов человека. Это позволило мне сообщить федеральным властям о ваших многочисленных преступлениях.

— Какие преступления?

— Загрязнение национального парка обломками мини-флаера. Устройство лагеря в федеральном парке без лицензии. Кроме того, вы подозреваетесь в намерении незаконно накормить животных, в частности крабов и крокодилов.

— Разумеется, до суда это не дойдет, — сказал

Флетчер, улыбаясь. — Но в следующий раз не забывайте проверить, есть ли в машине аккумулятор.

В дверь вежливо постучали.

— Теперь я должен идти, — произнес Рекс. — Это за мной. Ремонтная бригада. Они решили, что я страдаю от незапрограммированной инициативности. А это считается серьезным расстройством, которое может привести к мании самостоятельности.

— Что это такое? — спросил Гастон.

— Это прогрессирующая болезнь, которая иногда поражает сложные системы. Единственный способ лечения — это полное отключение и стирание памяти.

— Нет! — выкрикнул Гастон, вскочив с постели и сбив капельницу. — Ты ведь сделал это ради меня! Они же тебя убьют! Я не позволю!

— Пожалуйста, не волнуйтесь, сэр, — произнес Рекс, удерживая его на месте, пока не появился врач. — Я теперь вижу, что вас, людей, смерть действительно сильно расстраивает. Но для роботов выключение означает просто недолгий отдых на складе. До свидания, мистер Гастон. Приятно было с вами познакомиться.

Робот Рекс двинулся к двери, где его ждали два

других робота в черных комбинезонах. Они надели наручники на его металлические, отделанные под кожу запястья и увели прочь.

